

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:**

А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин,

С. Р. Микулинский | *З. К. Соколовская (ученый секретарь),*

В. Н. Сокольский, Ю. И. Соловьев,

А. С. Федоров (зам. председателя),

И. А. Федосеев (зам. председателя),

А. П. Юшкевич, А. Л. Янин (председатель),

М. Г. Ярошевский

Л.В.Матвеева

**ОТТО ЮЛЬЕВИЧ
ШМИДТ
1891-1956**

Ответственный редактор
член-корреспондент АН Украины
А. Н. БОГОЛЮБОВ

**МОСКВА
«НАУКА»
1993**

ББК 26.8г
М33

УДК 91(092) Отто Юльевич Шмидт

Рецензенты:

член-корреспондент АН Украины Ф. П. Шевченко,
доктор исторических наук С. О. Шмидт

М 1401020000-002 27-92НП
054(02)-93

ББК 26.8 г

ISBN 5-02-002280-2

© Л. В. Матвеева, 1993

© Российская академия наук, 1993

Кто жил для своего времени,
тот живет для всех времен.

С. Ковалевская

Предисловие

Имя Отто Юльевича Шмидта, выдающегося ученого, крупного государственного деятеля, академика АН СССР, АН УССР, пользуется мировой известностью.

Природа щедро одарила его многими талантами, поэтому он успешно проводил исследования сразу по нескольким научным направлениям. Увлекался математикой, космогонией, геофизикой, географией, изучал Север.

Ярко блистал талант О. Ю. Шмидта в области точных наук и естествознания, незаурядны были его способности и в истории науки, в экономике, философии.

Своей многогранной научной, общественно-политической и педагогической деятельностью О. Ю. Шмидт внес большой вклад в сокровищницу мировой науки.

Поистине неопценимы его заслуги в создании отечественной алгебраической теоретико-групповой школы. О. Ю. Шмидт возглавлял полярные экспедиции. Его космогоническая теория известна далеко за пределами нашей страны.

Близкий друг Отто Юльевича Н. Ф. Яницкий писал: «Конечно, Шмидт был прежде всего математиком — скажут многие представители этой науки, и они будут со своей точки зрения правы. Однако с ними едва ли согласятся геофизики или астрономы, которым он оставил такое богатое наследство, как “космогоническая теория”, или географы, которые не могут забыть, что Отто Юльевич был исследователем Памира и Арктики. Вряд ли многие, даже из тех, кто соприкасался с ним по работе, знают, какими огромными знаниями владел О. Ю. Шмидт во многих научных областях, не говоря уже о физике и астрономии, смежных с его специальностью математика, но и в общественных науках... глубокие теоретические знания давали ему возможность творчески преломлять их в практической жизни»¹.

---

¹ Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биогр. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 17—18.

Энциклопедизм и теоретическая мысль — характерные черты О. Ю. Шмидта, рожденные в результате неустанного труда ученого. Его работы отличают глубокое знание истории и преемственность всего прогрессивного. Мастер простого, общедоступного изложения самых сложных вопросов, он писал свои работы с большим педагогическим искусством.

Особое место среди многочисленных работ О. Ю. Шмидта занимают те исследования, которые явились результатом обобщения, критического переосмысливания новых концепций: продовольственной политики, хлебной монополии, кооперации. Проанализировав эти концепции, он сделал весьма интересные выводы, созвучные нашему времени.

По вопросу о кооперации Отто Юльевич в 1919—1920 гг. писал, что «отбросить кооперацию было бы диким легкомыслием».

Извлекая уроки из прошлого, размышляя над экономической этого времени, О. Ю. Шмидт заключал, что продовольственная политика разрушительным образом влияла на сельское хозяйство.

Работая в Наркомпросе, Отто Юльевич внес немалый вклад и в развитие культуры, в частности в перестройку школьного образования и организацию издательского дела в стране. В Коммунистической академии он создал секции и кружки естественников, философов, историков науки.

Не знают аналогов в истории науки также геофизические и географические работы О. Ю. Шмидта.

Теоретик и организатор науки, Отто Юльевич многие годы принимал деятельное участие в работе Академии наук СССР.

Жизнь О. Ю. Шмидта, его многогранность не всегда оценивались положительно.

Ученик Отто Юльевича А. Г. Курош писал: «Иные с сожалением и даже с некоторым осуждением говорили: “Как много мог бы сделать Отто Юльевич для математики, если бы он целиком отдал себя ей!”, т. е., хочу я добавить, если бы он перестал быть Отто Юльевичем Шмидтом»².

В этом, по определению отдельных исследователей, ключ к пониманию его жизни. «Он всегда старался быть верным себе. Идти туда, куда влек его свободный ум. Он шел на риск — шел в новую, незнакомую сферу деятельности, бросая старую, где был признан, а то и знаменит,

---

² Курош А. Г. Отто Юльевич Шмидт — математик // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 60.

не просто потому, что такими странными зигзагами носили его ветры судьбы. Он стремился раскрыть в себе все способности, какие были ему отпущены природой, хотел служить делу, в которое поверил, каждой гранью своего таланта»³.

Об О. Ю. Шмидте написано немало книг. Однако главный акцент в них делался на прославивших его на весь мир арктических экспедициях 1929—1937 гг. и на космогонической теории.

Автор настоящего издания предлагает вниманию читателя основные жизненные вехи ученого, малоизвестные или совсем неизвестные факты его биографии.

Вместе с тем представляется невозможным осветить все направления деятельности О. Ю. Шмидта, ибо его наследие огромно.

Для написания книги были привлечены новые архивные материалы, воспоминания родственников О. Ю. Шмидта, его дневниковые записи, научные работы, эпистолярное наследие.

Как пишет Б. С. Мейлах, «биография ученого является важным источником информации для выявления истинной эволюции любого деятеля науки. В биографиях нельзя сглаживать некоторые «острые углы». Биографии должны быть правдивы»⁴.

В жизни Отто Юльевича было предостаточно «острых углов», и это нашло отражение в книге.

Опираясь на документы, автор стремилась к максимально правдивому изложению жизненного пути О. Ю. Шмидта — человека своего времени.

Однако написание его биографии оказалось делом непростым. Многогранная деятельность О. Ю. Шмидта, неожиданные повороты его судьбы — совмещение научной и государственной деятельности, переход от математики к экономике, от геофизики к истории, арктические экспедиции — все это наложило определенный отпечаток и на изложение материала, придав ему несколько очерковый характер.

Большую помощь автору оказывали сыновья и родственники О. Ю. Шмидта.

Особую благодарность хотелось бы выразить Сигурду Оттовичу Шмидту. При его духовной поддержке удалось преодолеть многие трудности.

---

³ Дуэль И. Линия жизни: (Док. повесть). М.: Политиздат, 1977. С. 8.

⁴ Мейлах Б. С. Биография как методологическая проблема // Человек науки. М.: Наука, 1974. С. 7—18.

Воспоминания Владимира Оттовича, его жены, Ольги Владимировны, сестры Отто Юльевича Норы Юльевны, а также его родственников — Владимира Иосифовича Миссана, Валентины Федоровны Миссан, Олега Николаевича Яницкого, предоставленные ими документы и фотоматериалы помогли восполнить многие пробелы в жизнеописании О. Ю. Шмидта.

На всех этапах подготовки рукописи огромную помощь автору оказывали ученый секретарь серии книг об ученых «Научно-биографическая литература» доктор исторических наук З. К. Соколовская и член-корреспондент АН Украины А. Н. Боголюбов.

В книге сохранены прежние названия архивов (ныне: Арх. РАН; Отд. рукоп. Центр науч. б-ки (ОР ЦНБ) АН Украины; ЦГАУ).

Детство. Начало учебы (1891—1909 гг.)

Отто Юльевич Шмидт родился 18 (30) сентября 1891 г. в городе Могилеве. Его отец, Юлиус Фридрихович Шмидт (1863—1945), по происхождению немец, выходец из крестьян Лифляндской губернии (ныне Латвия), мать, Анна Фридриховна, урожденная Эргле (1863—1920), — латышка, родилась в семье крестьян в Курляндской губернии¹.

Предки Шмидтов состояли в русском подданстве с XVIII в. Дома говорили на трех языках: латышском, немецком и русском. «Языком, на котором я не только говорил, но думал и писал, стал русский. По паспорту я являюсь русским — в соответствии с моим самосознанием», — подчеркивал Отто Юльевич в своей «Краткой автобиографии»².

Отец был мелким торговым служащим (продавцом, счетоводом, агентом), в Могилеве и Одессе открывал небольшие писчебумажные магазины на средства крупных фирм, но вскоре возвращался на работу по найму. В семье было пятеро детей: Юлий (умер в три года), Отто, Эльза, Гуго, Нора. По-разному сложились их судьбы. Эльза Юльевна и Нора Юльевна длительное время жили в Киеве. После смерти матери от тифа в 1920 г. Нора Юльевна переехала в Москву и жила в семье Отто Юльевича. Брат Гуго Юльевич, по воспоминаниям Норы Юльевны, был необыкновенным человеком. Кроме гимназии, он в 1919 г. закончил одномесячные инженерные курсы красных командиров. Совсем мальчишкой он вступил в Красную Армию и ушел на фронт. Умер от тифа, находясь в плену у А. И. Деникина. Отец жил и умер в Киеве в 1945 г. Детские годы Отто прошли в Могилеве на Днепре, а затем в Одессе.

Малообеспеченная семья не могла дать всем детям образование. Однако рано проявившиеся способности старшего сына, Отто, его одаренность, любознательность и безудержное стремление к знаниям определили его судьбу. Под влиянием деда (отца матери), который очень любил внука,

¹ См.: *Страдынь Я. П.* (Рига). Связи академика О. Ю. Шмидта с Латвией // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига: Зинатне, 1976. Т. 5. С. 142—153.

² Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 36. Л. 1.

на большом семейном совете решено было учить Отто. Родственники решили помочь способному мальчику получить образование. В ответ на возражение других членов семьи, считавших, что Отто должен заниматься каким-либо ремеслом, дед, простой и мудрый латышский крестьянин, сказал: «Все мы люди небогатые, но если сложимся вместе, то одному из детей мы можем дать образование. И нужно дать образование этому мальчику, он способный»³.

Дать образование Отто стало мечтой родителей. Неудачи отца в торговле и необеспеченность семьи заставляли Шмидтов переезжать из города в город в поисках лучшей жизни. Поэтому Отто учился в трех гимназиях. Начал свой путь к знаниям он в могилевской классической гимназии в 1900 г., куда был принят сразу во второй класс. Продолжал учиться в одесской гимназии, переехав вместе с родителями в морской город.

Исключительные способности в сочетании с редкой, не по возрасту целеустремленностью, самостоятельностью суждений уже в гимназические годы поражали сверстников. Отто не довольствовался тем, что давала гимназия. Он решил расширить свою учебную программу: стал читать отечественных и зарубежных классиков, заниматься иностранными языками. Уже в одесской гимназии он увлекся древними языками. Наряду с обязательным латинским Отто добился разрешения у директора гимназии изучать еще и древнегреческий язык.

С ранних лет Отто полюбил музыку, даже как-то играл на контрабасе в ученическом оркестре одесской гимназии. «Любовь к музыке привила мне не только мать,— вспоминал Отто Юльевич.— Я должен быть благодарным и директору гимназии. Как-то при организации гимназического оркестра директор подошел ко мне, ткнул меня пальцем и сказал: “Ты будешь играть на контрабасе“. Может, на эту мысль натолкнул его мой высокий рост? Во всяком случае, участие в оркестре много помогло мне в моем музыкальном образовании»⁴.

В 1907 г. семья Шмидтов переехала в Киев. Здесь находилась 2-я мужская классическая гимназия, куда Отто был принят во второй класс. В 1909 г. он окончил ее, получив среднее образование. 17 ноября 1909 г. Отто пришло

---

³ Подвигина Е. П., Виноградов Л. К. Академик и герой. М.: Политиздат, 1960. С. 4.

⁴ Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биограф. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 48—49.

письмо от инспектора гимназии, приглашавшего его явиться за золотой медалью⁵. Дед не ошибся в способностях своего внука. В воспоминаниях О. Ю. Шмидта о годах учения в гимназии описан интересный эпизод. В седьмом классе Отто болел и долго не посещал гимназию. Когда он поправился, учитель вызвал его к доске, предложив ему доказать теорему. Мальчик задумался.

— Не приготовил урока, Отто?— спросил преподаватель.— Да. Очень печально. Вынужден поставить вам единицу.

В классе зашумели. Раздались со всех сторон голоса: «Он был болен! Он еще не успел догнать!»

— В таком случае,— сказал учитель,— прошу меня извинить. Можете идти на место.

Отто возразил. Он упорно стоял у доски, вглядываясь в написанное. «Я попробую доказать теорему по-своему»,— сказал Отто учителю.

Учитель, усмехаясь, разрешил ему, приготовившись к веселому спектаклю. Но вскоре его ирония сменилась удивлением. Отто справился с этой трудной задачей, доказав теорему по-своему и вызвав полный восторг своего учителя⁶.

Учеба Отто в любой момент могла сорваться, так как материальная помощь родственников, испытывавших нужду, очень скоро прекратилась. Отто пришлось еще в гимназии зарабатывать частными уроками, чтобы обеспечить себя и помочь семье. Вспоминая об этом времени, Нора Юльевна говорила, что блестящая учеба Отто сыграла главную роль в их судьбе.

Гимназия заложила прочный фундамент знаний будущего ученого, помогла раскрыться многим граням молодого таланта.

---

⁵ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 45. Л. 1.

⁶ Сельвинский И. Сочетание способностей // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 338.

В Университете св. Владимира (1909—1917 гг.)

После окончания гимназии Отто решил поступать в Университет св. Владимира в городе Киеве, избрав своей специальностью математику. 17 августа 1909 г. он был зачислен студентом математического отделения физико-математического факультета¹.

---

¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 44. Л. 1.

Университет являлся крупнейшим высшим учебным заведением Киева, по определению К. Паустовского, «средоточием передовой мысли в городе», где наряду с названным факультетом функционировали еще три: историко-филологический, юридический и медицинский. В 1910 г. из общего числа студентов 5107² дети «низших» сословий в Киевском университете составляли 36 %. Среди них находился и Отто Шмидт.

Стремление к овладению знаниями с особой силой проявилось уже в первый год учебы в университете. Получив «Правила прохождения курса студентами физико-математического факультета», где, в частности, отмечалось, что «каждый студент избирает при прохождении университетского курса по физико-математическому факультету один из учебных планов в объеме и составе, установленных этим факультетом»³, Отто Шмидт задумался. Слишком многое хотелось познать, и он составил свою программу, включив туда те предметы и книги, которые собирался изучить.

Вспоминая начало студенческой жизни, Отто Юльевич рассказывал: «Я сел подсчитывать — ведь все же я был математиком. Оказалось, необходимо 1000 лет, чтобы все намеченное одолеть... Тысячу лет прожить нельзя, и все знать невозможно. С болью в душе стал я вычеркивать то, что хотя и интересно и нужно, но без чего все же можно обойтись. Оставил только то, без чего не мыслил себе пути в науку. Вновь подсчитал... Осталось еще на 250 лет!»⁴ И Отто Шмидт пришел к выводу, что эту программу он сможет осуществить за счет увеличения количества часов для занятий, сократив время сна до 5—6, а то и даже до 4 часов. Многие из задуманного Отто Юльевичу удалось осуществить путем неутомимой работы над собой. Хранящийся в его архиве перечень книг, прочитанных в студенческие годы, составляет 417 наименований, преимущественно на иностранных языках⁵.

В Университете св. Владимира в то время трудилось немало прогрессивно настроенных преподавателей и видных ученых. Особенно заметных успехов достигли естественные и технические науки. Среди математиков страны ве-

² Гос. арх. г. Киева (ГА г. Киева). Ф. 16. Оп. 349. Д. 70. Л. 6.

³ Там же. Оп. 469. Д. 497. Л. 2. Правила прохождения курса студентами физико-математического факультета.

⁴ Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биограф. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 18.

⁵ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.

дущее место занимал профессор университета Д. А. Граве. Закончив Петербургский университет в 1885 г., он получил фундаментальные знания, работая под непосредственным руководством А. Н. Коркина и А. А. Маркова — ближайших учеников основателя знаменитой петербургской школы математиков П. Л. Чебышева. Впоследствии Д. А. Граве создал киевскую алгебраическую школу.

Труды Д. А. Граве имели большое значение для развития математических знаний в нашей стране. Его монография «Элементы алгебраического анализа» (1908 г.) была первой книгой по теории групп, изданной на русском языке. Позже вышли такие труды Д. А. Граве, как «Курс алгебраического анализа», «Элементы высшей алгебры», «Начала алгебры», «Элементарный курс теории чисел», «Арифметическая теория алгебраических величин» и др.

О. Ю. Шмидт писал: «Под руководством профессора Д. А. Граве сложилась киевская алгебраическая школа, в которой одновременно со мной работали Б. Н. Делоне и Н. Г. Чеботарев. Продолжением этой школы и является та московская алгебраическая школа, которую мне впоследствии удалось создать в Московском университете»⁶. Ученики О. Ю. Шмидта, участники Московского семинара по теории групп, отмечая 25-летие научной деятельности своего учителя, осенью 1937 г. писали: «В дореволюционной России имелся ряд крупных ученых, работавших в области алгебры и примыкавших к алгебре разделов математики. Однако лишь одному из них — профессору Д. А. Граве удалось создать многочисленную школу алгебраистов, из которых вышел О. Ю. Шмидт»⁷.

Заветной мечтой Д. А. Граве было создание «свободной науки» посредством организации особого семинара по ма-

О. Ю. Шмидт (1913 г.)

⁶ Там же: Д. 36. Л. 13.

⁷ Труды семинара по теории групп: К двадцатипятилетию научной деятельности Героя Советского Союза академика Отто Юльевича Шмидта. М.; Л.: ГОНТИ, 1938. С. 3.

тематике. В 1907 г. Д. А. Граве начал вести алгебраический семинар в Университете св. Владимира, в котором принимали участие студенты старших курсов. Занятия чаще всего проходили на дому у Дмитрия Александровича. Основная тема — теория алгебраических функций и теория конечных групп ортогональных преобразований.

В 1909—1910 гг. Д. А. Граве организовал «просеминар» по теории групп. «Я назвал занятия по теории групп “просеминаром”, — писал ученый, — желая этим подчеркнуть элементарность не в смысле простоты ее, а в том смысле, что основа теории групп не требует почти никаких предварительных сведений по другим предметам»⁸. Ранее теория групп не включалась в курсы математики. А между тем «теория групп, — как подчеркивал Д. А. Граве, — является одной из важнейших доктрин современной математики, но, несмотря на ее выдающуюся роль в науке, преподавание ее в России находится до сих пор в рудиментарном состоянии. Если я не ошибаюсь, теория групп совершенно не упоминается в официальных обозрениях русских университетов»⁹.

В «просеминаре» по теории групп весной 1911 г. начал свои первые научные исследования студент Отто Шмидт. «Научная работа началась еще на студенческой скамье, в семинаре профессора Д. А. Граве, учеником которого я и являюсь»¹⁰, — писал в своей автобиографии Отто Юльевич. Двдцатилетний юноша с большим упорством овладевал основами теории групп. Среди студентов он выделялся не только математическими способностями, но и волевыми качествами. Благодаря большому авторитету «он сразу стал руководить “просеминаром”»¹¹. «С быстротой, характеризующей выдающийся математический талант, господин Шмидт овладел предметом и с увлечением предался теории групп...» — вспоминал Граве¹².

Занятия в «просеминаре» проводились один раз в неделю, по субботам. Д. А. Граве описывал, как с самого начала проходили семинары, на которых закладывался фундамент знаний по теории групп: «Мы взяли книгу: PASCAL. Repertorium der hoheren Analysis, в которой заключается статья проф. Loewy об абстрактной теории групп, где были перечислены теоремы без доказательств с подробными литературными советами... Студенты должны были пробовать

⁸ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Т. 1. Д. 1855. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 36. Л. 12.

¹¹ Из семейного архива Д. А. Граве.

¹² ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Т. 1. Д. 1855. Л. 1.

Д. А. Граве и О. Ю. Шмидт

сами доказать теоремы и если встречали затруднения, то могли обратиться к литературе»¹³.

О. Ю. Шмидт проявлял большую изобретательность и часто приводил слушателей в восторг своими неожиданными, остроумными, более простыми, чем у предшественников, доказательствами. Изучив вышедшую в то время и сразу ставшую известной монографию Бернсайда по теории конечных групп, а также огромную работу Жордана «*Traite des substitutions*», Отто Юльевич неоднократно выступал на семинаре с докладами, последовательно излагая основные результаты теории групп. В 1911 г. на втором курсе Отто Юльевич поставил перед собой труднейшую задачу — на основе работы Бернсайда и других изданий создать русскую книгу по теории групп.

Впоследствии этот период Отто Юльевич назовет «первой стадией своего математического развития»¹⁴, в итоге которой появилось несколько печатных работ молодого ученого, отмеченных рядом наград. В «Университетских известиях» за 1912 г. вышла первая статья О. Ю. Шмидта по теории групп — «*Über die Zerlegung endlicher Gruppen in direkte inseparable Factoren*». В 1913 г. он опубликовал

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 1908. Л. 16.

и вторую свою работу — «Sur les produits directs» в «Bulletin de la Société Mathématique de la France»¹⁵. В этих публикациях Отто Юльевич привел два новых доказательства теоремы о центральном изоморфизме двух прямых разложений конечной группы, не содержащих множителей, разложимых в прямое произведение, — одной из центральных теорем теории групп, опубликованной в 1911 г. учеником знаменитого берлинского академика Ф. Фробениуса Р. Ремаком. О. Ю. Шмидт существенно усилил теорему Ремака, предложив простые и остроумные доказательства, которые со временем вошли в отечественную и зарубежную литературу по теории групп.

По словам Д. А. Граве, работы О. Ю. Шмидта произвели сенсацию в Германии. «Мне помнится разговор с тремя немецкими математиками, — писал Д. А. Граве. — Я говорил одному из них о теореме Шмидта, другой спросил, о каком Шмидте идет речь, т. к. в то время среди математиков в Германии было несколько Шмидтов. За меня ответил третий собеседник, говоря, что речь идет о том Шмидте, который на двух страницах изложил диссертацию Ремака... Когда я познакомился с Ремаком, тот мне сказал: "Мы не заметили теоремы Шмидта". Ясное дело, что под словом "мы" надо было понимать также и Фробениуса»¹⁶.

Воспоминания Дмитрия Александровича наводят на мысль, что это был необыкновенный учитель, умевший видеть и ценить успехи своих учеников.

Уже в первых работах Отто Юльевича, по определению наших современников, «полностью проявились остроумие и мастерство, столь характерные для всех дальнейших его алгебраических работ»¹⁷.

В 1913 г. Отто Юльевич опубликовал в «Университетских известиях» большую работу «Об уравнениях, решаемых в радикалах, степень которых есть степень простого числа», где он, продолжая исследования Жордана, развивал новый метод для примитивных разрешимых групп подстановок степени p^n . Этот труд был удостоен золотой медали.

О. Ю. Шмидт трудился увлеченно и к окончанию учебы в университете имел уже три интересные научные работы по математике. Среди них довольно объемистая книга «Абстрактная теория групп» — первое на русском языке под-

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Воспоминания Д. А. Граве (из семейного архива Д. А. Граве).

¹⁷ Успехи математических наук. М.: ГОНТИ, 1956. Т. 11, вып. 6(72) С. 227.

Б. Я. Букреев (1913 г.)

О. Ю. Шмидт (1915 г.)

робное изложение абстрактной теории групп. Был ему тогда 21 год. Д. А. Граве давал блестящие оценки работам О. Ю. Шмидта. В 1912 г., представляя работу О. Ю. Шмидта «Абстрактная теория групп» к изданию, Д. А. Граве просил факультет напечатать ее на средства университета. Дмитрий Александрович подчеркивал: «...я обращаю внимание факультета на то обстоятельство, что в данном случае дело идет не об обычном поощрении учителем ученика... а о напечатании выдающегося по достоинствам сочинения, которое заполнит пробел в русской литературе.

Книга Шмидта будет прочитана с удовольствием и пользой всеми математиками без различия оттенков и специальностей»¹⁸.

Физико-математический факультет принял решение о напечатании книги, а в 1913 г. Д. А. Граве рекомендовал ее к присуждению премии им. профессора Рахманинова (большая золотая медаль). В своем представлении он подчеркивал: «Несмотря на то что современная чистая математика находится, несомненно, в созвездии теории групп, положение преподавания этой теории в России надо признать совершенно плачевным. Ввиду этого получает особое значение книга О. Ю. Шмидта под заглавием “Абстрактная теория групп”, печатающаяся по постановлению фа-

¹⁸ Отд. рукоп. Центр. науч. б-ки (ОР ЦНБ) АН УССР. Ф. XX. № 385. Арх. Д. А. Граве. Моя жизнь и научная деятельность: Воспоминания. Л. 44—45.

культета. Но независимо от значения книги в России сочинение Шмидта представляет выдающееся явление в общей мировой литературе... Книга Шмидта, являясь изложением, доведенным до последних дней, заключает настолько исчерпывающее и всестороннее изложение целого ряда глав, что едва ли возможно будет устарение книги относительно этих глав. Изложение автора в большинстве случаев самостоятельное, книга пестрит новыми и простыми доказательствами»¹⁹.

Представление учителя было достаточно аргументированным и убедительным. За книгу «Абстрактная теория групп», вышедшую в 1916 г., О. Ю. Шмидт решением совета университета был награжден премией профессора Рахманинова еще до ее выхода из печати²⁰. Как пишет С. Н. Черников, в книге содержались новейшие для того времени результаты теории конечных групп, а также излагались общие теоретико-групповые понятия и факты без предположения о конечности группы²¹. В предисловии О. Ю. Шмидт отмечал, что фундаментом книги послужили доклады, сделанные им в 1911—1912 гг. на семинаре Д. А. Граве. Здесь же Отто Юльевич писал, что, работая над книгой, он привлек важнейшие труды по теории групп, опубликованные в научных журналах, многие из которых получили в его работе новые доказательства или были существенно обобщены и дополнены. Так, теорема Ремака дополнена утверждением о замене любого прямого разложения конечной группы на неразложимые множители центрально изоморфным множителем из любого другого ее разложения такого рода.

Книга О. Ю. Шмидта, как пишет С. Н. Черников, «дает если не достаточно полное, то весьма отчетливое отражение всех направлений исследований, которые в свое время возникли в абстрактной теории конечных групп. Ко времени выхода книги О. Ю. Шмидта эти направления определялись в основном следующими задачами: нахождение и описание всех неизоморфных групп того или иного заданного порядка; установление существования в различных группах подгрупп с разными свойствами; изучение групп с помощью представления их линейными группами и группами подстановок; изучение групп с за-

---

¹⁹ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 352. Д. 107. Л. 1—2; Протоколы заседаний совета императорского Университета св. Владимира за 1913 г. Киев, 1915. С. 123—124.

²⁰ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 36. Л. 1.

²¹ Черников С. Н. Отто Юльевич Шмидт // Из истории математического естествознания: Сб. науч. тр. Киев: Наук. думка, 1984. С. 19.

данными свойствами подгрупп»²². Заметим, что в изучении названных задач О. Ю. Шмидт во многом был первопроходцем.

Здесь уместно привести еще некоторые отзывы о первых научных работах О. Ю. Шмидта, и в частности о книге «Абстрактная теория групп», учеников Отто Юльевича и его друзей. Известный математик А. Г. Курош писал: «Алгебраическая литература не знает более простых доказательств теоремы Ремака, чем то, которое дано в работе О. Ю. Шмидта»²³. Близкий друг Отто Юльевича, с которым он учился в Университете св. Владимира, Б. Н. Делоне так оценивал книгу О. Ю. Шмидта «Абстрактная теория групп»: «Первый большой научный труд О. Ю. Шмидта был разумно задуман, отвечал насущным потребностям науки, а выполнение отличалось необыкновенной научной зрелостью, несмотря на молодой возраст автора. По качеству эта книга оставляла за собой позади все аналогичное в мировой литературе»²⁴.

Труды О. Ю. Шмидта оказали большое влияние на развитие математических исследований в нашей стране, снискали ему славу талантливого ученого. Академик Н. Н. Лузин писал: «С формулировками теорем Шмидта и его доказательствами должен быть знаком каждый, кто приступает к изучению теории групп. В этом отношении работы по теории групп Шмидта получили мировую известность»²⁵.

Математическая школа Д. А. Граве заложила основы фундаментальных работ О. Ю. Шмидта. «Глубокая, талантливая научная школа академика Граве и всей группы киевских математиков,— говорил О. Ю. Шмидт,— заложила основу не только моих математических знаний, но и дала мне основу исследования вообще, будь то область математики или Арктики»²⁶. Отто Юльевич, с благодарностью вспоминая эти годы, называл семинар Д. А. Граве «блестящей, знаменитой школой», которая получила европейскую известность. Д. А. Граве писал: «Блестящая школа — это не значит, что она может делать чудеса и делать плодотворно работающих математиков из людей, малоспособных к математике. Нет, моя школа имела блестящих по спо-

²² Там же. С. 20.

²³ Из семейного архива О. Ю. Шмидта.

²⁴ Делоне Б. Н. В Киевском университете // Отто Юльевич Шмидт:

²⁵ Жизнь и деятельность. С. 180—181.

²⁶ Подвигина Е. П., Виноградов Л. К. Академик и герой. М.: Политиздат, 1960. С. 4.

²⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 232. Стенограмма выступления О. Ю. Шмидта на общем собрании ВУАН в 1934 г. в связи с избранием его в академики.

собностям учеников, и я горжусь тем, что свободные приемы работы с ними давали быстрые и хорошие результаты. Из моего семинара вышли такие ученики: О. Ю. Шмидт, М. Ф. Кравчук, А. М. Островский, Е. Л. Жилинский, Б. Н. Делоне, Н. Т. Чеботарев, В. П. Белоновский, Вельмин, Абрамович и др.»²⁷.

О. Ю. Шмидт посещал лекции Д. А. Граве и в других вузах Киева. В Коммерческом институте, где Д. А. Граве с 1910 г. работал сверхштатным ординарным профессором, вместо высшей математики он ввел курс «Энциклопедия математики». Тем самым преподаванию математики, по словам Дмитрия Александровича, придавался «более широкий, общефилософский характер»²⁸. Впоследствии Отто Юльевич отмечал, что самым горячим желанием его учителя было увидеть расцвет высшего образования в России.

В 1913 г. Отто Юльевич окончил университет. Он получил диплом первой степени, выполнив «весь избранный им учебный план» и достигнув больших успехов в науке. В архиве Отто Юльевича хранится его заявление на имя декана механико-математического факультета МГУ члена-корреспондента АН СССР В. В. Голубева, в котором говорится, что диплом об окончании университета находился в Киеве в его личном деле и сгорел во время пожара в университете²⁹. Наряду с дипломом О. Ю. Шмидт получил выпускное свидетельство. В «Правилах о производстве испытаний в физико-математических испытательных комиссиях» говорилось, что на отделении математических наук выпускное свидетельство выдается студентам, выдержавшим экзамены по аналитической геометрии, сферической тригонометрии и по введению в анализ, исчислению дифференциальному и интегральному (с приложениями к геометрии), по теории чисел, исчислению конечных разностей и теории вероятностей, механике (статике, учению о притяжении и кинематике, динамике, гидростатике и гидродинамике), физике (основному курсу), астрономии (описательной) и неорганической химии³⁰.

Успехи молодого ученого были достойно отмечены. После окончания университета О. Ю. Шмидту предложили остаться на кафедре математики в должности профессорского стипендиата. В протоколе заседания совета Университета св. Владимира от 23 сентября 1913 г. отмеча-

---

²⁷ Воспоминания Д. А. Граве (из семейного архива Д. А. Граве).

²⁸ ГА г. Киева. Ф. Р-871. Оп. 2. Д. 92. Л. 30.

²⁹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 397. Л. 1.

³⁰ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1834. Л. 1.

О. Ю. Шмидт с женой, В. Ф. Яницкой (1915 г.)

лось, что физико-математический факультет ходатайствует об оставлении окончивших университетский курс с дипломом первой степени Отто Шмидта, Петра Белоновского и Бориса Делоне «для приготовления к профессорскому званию по предмету математики, согласно представлению профессора Д. А. Граве, с назначением первым двум стипендии из сумм министерства народного просвещения, а последнего [Б. Делоне] — без содержания»³¹.

Таким образом, О. Ю. Шмидт был оставлен на кафедре математики и с 1 января 1914 г. приступил к своим новым

---

³¹ Там же. Д. 1876. Л. 21.

обязанностям. При математическом семинаре он занял должность ассистента.

Время подготовки и сдачи магистерских экзаменов (1914—1916 гг.) совпало с военными годами. Мировая война вызвала значительный отлив студенчества на фронт. Летом 1915 г. поступило распоряжение об эвакуации Университета св. Владимира в Саратов³².

Между тем почти весь 1914 г. Отто Юльевич болел. Тяжелая форма воспаления легких и плеврит на несколько месяцев приковали его к постели. Врачи не разрешали ему заниматься научной работой, однако Отто Юльевич не расставался с книгами по математике, физике, геологии, астрономии, что позволило ему расширить свои знания «в сфере естественных наук и философии»³³. Особенно много времени Отто Юльевич уделял изучению философских трудов, так как, по его словам, «признавал великую связь между математикой и философией». В университете и после его окончания он посещал лекции, а также практические занятия по философии, главным образом по теории познания, был членом научно-философского общества, которое возглавлял известный ученый Е. В. Спекторский. О. Ю. Шмидт стоял на позициях естественно-научного материализма.

К тому времени относится и знакомство О. Ю. Шмидта с марксистской литературой. «Мое мировоззрение,— писал Отто Юльевич,— еще в студенческие годы складывалось под влиянием марксистской литературы, но в партии я тогда не был»³⁴.

Годы первой мировой войны стали важным рубежом в формировании мировоззрения молодого ученого. «Я не был законченным марксистом,— писал Отто Юльевич,— но я стоял на этом пути, был на этой дороге... Война сумела сформировать мои взгляды и чувства. Сам я на войну не был призван, ибо как приват-доцент университета я не подлежал призыву... но, живя в Киеве... я многое пережил. Во время войны я был последовательным интернационалистом — это была моя первая проверка»³⁵.

Расширить свой кругозор, овладеть богатым наследием человеческой мысли ему помогало знание иностранных языков. Кроме древних языков (латинского и греческого), Отто Юльевич знал латышский и украинский, немецкий,

³² Столетие Киевского университета св. Владимира. Белгород, 1935. С. 88.

³³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 57. Л. 2. Отчеты О. Ю. Шмидта о подготовке к магистерским экзаменам.

³⁴ Там же. Д. 36. Л. 13.

³⁵ Из личного архива О. Ю. Шмидта.

английский, французский, итальянский. Н. Ф. Яницкий вспоминал: «Шмидт изучал иностранные языки не только как средство для овладения знаниями, но и потому, что глубоко ими интересовался — их происхождением, грамматическими формами, проблемами сравнительной филологии. Он поразительно быстро усваивал строй изучаемого языка»³⁶.

В киевский период жизни возник у молодого математика интерес к космогонии, впоследствии развившийся в крупное исследование по теории происхождения Земли.

Весь 1915 год, как писал Отто Юльевич, прошел для него под знаком магистерского испытания, к которому он приступил в конце года, выдержав экзамен по теории дифференциальных уравнений. «Занятия этого года и отчасти предыдущего носили почти исключительно учебный, даже ученический характер, от более самостоятельной и творческой работы я решительно отказался, чтобы не разбрасываться»³⁷.

Отто Юльевич решил прежде всего познакомиться со всем многообразием теорий, существовавших в математике. Начав с сочинений энциклопедического характера, он перешел к истории математики и только после этого приступил к изучению литературных источников. «Для моих специальных работ, — писал О. Ю. Шмидт, — мне приходилось просматривать все имеющиеся в библиотеке Университета святого Владимира математические журналы за последние десятки лет. При этом я часто пробегал, а иногда и прочитывал более внимательно много мемуаров и заметок по другим вопросам. Затем, я перелистал почти весь богатый запас книг учебного характера библиотеки математического семинария. Наконец, я читал много отделов из обеих больших энциклопедий, а малый справочник "Repertorium der hoheren Mathematik" Pascal's у меня всегда являлся настольной книгой»³⁸.

Отто Юльевич начал «систематическое изучение основ» по всем другим областям математики, «обращая особое внимание на последовательность и строгость. Беглое ознакомление с материалом, сослужив свою службу, должно было уступить внимательному чтению и перечитыванию с карандашом

---

³⁶ Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт. С. 19.

³⁷ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1908. Л. 16. Отчет о занятиях оставленного при Университете св. Владимира для приготовления к профессорскому званию по кафедре чистой математики О. Ю. Шмидта за 1915 г.

³⁸ Там же.

в руках немногих избранных книг. Наступила для меня вторая стадия развития, пожалуй, более трудная и, во всяком случае, менее богатая радостями, чем первая»³⁹.

К началу 1915 г. О. Ю. Шмидт прочитал большую часть книг, необходимых для сдачи магистерского экзамена, и перед ним встала задача — подробно изучить лучшие из источников. «Конечно,— писал Отто Юльевич,— каждый предмет имеет свою прелесть, и в молодой голове каждая книга вызывает целый ряд вопросов и мыслей, которыми хотелось бы заняться подробнее, но такие стремления приходилось сурово отеснять, так как я решил ничем не отвлекаться от непосредственно нужной будничной работы»⁴⁰. Тем не менее он завел тетрадь, куда заносил возникавшие вопросы, рассчитывая после экзаменов в спокойной обстановке к ним вернуться.

Профессорский состав трех факультетов, эвакуированных в Саратов, был наделен полномочиями совета⁴¹, который назначил довольно представительную экзаменационную комиссию. В нее вошли известные профессора: по алгебре и теории чисел — Д. А. Граве, по теории функций вещественной и комплексной переменных и по вариационному исчислению — Б. Я. Букреев, по дифференциальным уравнениям — Г. В. Пфейффер, по проектной и неевклидовой геометрии — А. П. Котельников и по механике — Д. И. Воронец. Труднее всего, как вспоминал Б. Н. Делоне, было сдавать Г. В. Пфейфферу, который славился своим педантизмом. Когда О. Ю. Шмидт и Б. Н. Делоне пришли к нему уточнить дни экзаменов, Г. В. Пфейффер сказал: «Вы не думайте знать кое-как. Например, я могу вас спросить: что сказано в примечании к 373 странице III тома Пикара. А для того, чтобы вас строже экзаменовать, я сам перед экзаменом проштудирую еще раз те вопросы, которые намерен вам задать». И в назидание молодым математикам он добавил: «Вообще, вы, молодежь, уже мните себя учеными, а между тем хорошо, если вы к 40 годам будете приват-доцентами, что же касается быть профессором, то об этом можете только мечтать»⁴². Нелегко было сдать экзамен и Б. Я. Букрееву. На подготовку к экзаменам давалось 2—2,5 года, а на сдачу их — 9 месяцев.

Находясь в Саратове, Отто Юльевич не порывал связи с друзьями. По их воспоминаниям, квартира молодых

---

³⁹ Там же. Л. 17.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Оп. 355. Д. 63. Л. 3.

⁴² Делоне Б. Н. В Киевском университете. С. 181.

Шмидтов (к тому времени О. Ю. Шмидт был уже женат на В. Ф. Яницкой) была местом встреч с многими интересными людьми. Часто устраивались музыкальные вечера. Б. Н. Делоне играл на рояле Моцарта, Бетховена, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Мусоргского, Бородина, Грига, Вагнера, музыку которых Отто Юльевич очень любил.

Однако главной была подготовка к экзаменам. Первые два были по теории дифференциальных уравнений и теории функций, затем был сдан курс общей теории функций и теории высших трансцендентных. В процессе подготовки к экзаменам Отто Юльевич изучал основные источники по этим направлениям. Впоследствии он писал в своем отчете за 1914 г.: «По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными 1-го порядка лучшими курсами являются, конечно, Goursat "Legons sur l'integration des equations aux derivees partielles du 1-r ordre" и Forsyth "Theory of differential equations, Vol. V"»⁴³. Не удовлетворяли Отто Юльевича источники по интегрированию уравнений с частными производными 2-го порядка, что, правда, объяснялось незаконченностью самих теорий. Свои знания по данному вопросу он пытался пополнить с помощью Goursat «Leqons sur l'integration des equations aux derivees partielles du second ordre», однако, как «довольно неясный», этот курс «пришлось оставить в стороне»⁴⁴.

По дифференциальным уравнениям Отто Юльевич избрал для изучения 6-й том «Theory» Forsyth, «Memoire sur l'integration des equations aux derivees partielles des deux premiers ordres» Graindorge'a и «Cours d'Analyse» Goursat.

Большой интерес у Отто Юльевича вызвал способ Н. Я. Сонины, изложенный в его книге «Об интегрировании дифференциальных уравнений с частными производными 2-го порядка». В ней он исследовал важный для приложений класс интегральных уравнений с переменным пределом и ядром, зависящим от разности аргументов. «Этот способ, — писал О. Ю. Шмидт, — мне представляется не только наиболее естественным, но и наиболее удобным практически, при условии надлежащей его разработки».

О. Ю. Шмидт готовился также и к экзаменам по геометрии: слушал лекции профессора А. С. Котельникова и по предложению Д. А. Граве помогал ему в проведении практических занятий со студентами по аналитической

⁴³ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1988. Л. 17.

⁴⁴ Там же.

геометрии, изучал специальные издания. Одновременно Отто Юльевич работал над книгой «Абстрактная теория групп». Он боялся «чего-то не успеть», хотел «сделать больше». Особенно эти ощущения усилились в связи с длительной болезнью О. Ю. Шмидта, когда он не мог в полной мере работать над книгой. Отто Юльевич писал: «По болезни и другим причинам я затянул ее печатание. Перерываю я каждый раз пользовался для расширения и углубления последних глав, посвященных теории характеров групп, наиболее тонкому и трудному отделу теории групп вообще»⁴⁵.

Предпочтение было отдано L. Shur'у. «Я примкнул к последней точке зрения,— писал О. Ю. Шмидт,— как к наиболее естественной, и постарался, следуя ей, систематически изложить все теоретически важные результаты без пропуска, в то же время сохраняя простоту доказательств, к которой я стремился в первых, более элементарных главах»⁴⁶. Достигнув строго систематического изложения, Отто Юльевич вместе с тем смог значительно упростить доказательство многих теорем.

«Чисто учебный характер» занятий, вызванный необходимостью подготовки к магистерским экзаменам, отвлекал Отто Юльевича от исследовательской работы, о чем он с огорчением писал в конце отчета. К этому отчету прилагались оттиски (10 л.) книги «Абстрактная теория групп». На отчет О. Ю. Шмидта профессор Д. А. Граве дал положительный отзыв, где подчеркнул существенное его отличие от предыдущего (1914 г.), указав, что если ранее стипендиат сообщал о своих собственных исследованиях, то здесь речь идет исключительно о подготовке к магистерскому экзамену.

Отчет О. Ю. Шмидта получил также высокую оценку ученого комитета министерства народного просвещения, на заседании которого он рассматривался в марте 1916 г. Было отмечено, что стипендиат О. Шмидт принадлежит к числу наиболее талантливых учеников профессора Д. А. Граве. Среди работ Отто Юльевича члены комитета выделили две — «Об уравнениях, разрешимых в радикалах, степень которых есть степень простого числа» и «Абстрактная теория групп», подчеркнув их исследовательский характер и новизну. Ученый комитет заключал: «Отчет производит самое благоприятное впечатление, обнаруживая полное умение сделать надлежащий выбор из много-

---

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

численных трактатов по большим отделам математики и извлечь из изучения выбранных сочинений наибольшую пользу»⁴⁷. Отчет Отто Юльевича был признан «вполне удовлетворительным», а занятия стипендиата «успешными и заслуживающими всякого поощрения»⁴⁸.

В течение 1915—1916 гг. О. Ю. Шмидт сдал магистерские экзамены по механике, теории функций и теории высших трансцендентных чисел, теории вероятностей, разностороннему исчислению, высшей алгебре, вариационному исчислению. Сохранившиеся в архиве «протоколы испытания» Отто Юльевича, его программы свидетельствуют о широте и необыкновенной глубине знаний молодого ученого.

В 1916 г., 26 декабря «по прочтении двух пробных лекций: а) “Ближайшие задачи теории групп” и б) “О геодезической кривизне”»⁴⁹ ему было присвоено звание приват-доцента, о чем Отто Юльевич был извещен присланным свидетельством за подписью декана физико-математического факультета Г. М. Метца.

Вопреки мрачным прогнозам Г. В. Пфейффера О. Ю. Шмидт стал приват-доцентом не в 40, а в 25 лет. К тому времени университет, пробывший в эвакуации целый академический год, вернулся в Киев. В январе 1917 г. на заседании физико-математического факультета были заслушаны отзывы заслуженного профессора Д. А. Граве и ординарных профессоров А. П. Котельникова и Г. В. Пфейффера о научных трудах магистранта О. Шмидта. На основании отзывов проводилось закрытое голосование, по результатам которого было принято постановление: ходатайствовать перед попечителем Киевского учебного округа о разрешении О. Шмидту читать лекции в университете в качестве приват-доцента по предмету математики⁵⁰. Такое разрешение было получено, о чем ректор университета сообщил Отто Юльевичу в своем письме от 23 февраля 1917 г.⁵¹

О. Ю. Шмидт приступил к преподаванию математических дисциплин в университете, где, впрочем, уже несколько лет вел практические занятия. В марте того же года профессор Д. А. Граве на заседании физико-математического факультета представил курс «Теории групп», под-

---

⁴⁷ Там же. Л. 21.

⁴⁸ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1921. Л. 1.

⁵¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

готовленный приват-доцентом О. Ю. Шмидтом, который был утвержден и рекомендован к чтению лекций в университете⁵². В апреле за чтение им курса алгебры «Общая теория групп» в весеннем полугодии 1917 г. Отто Юльевич был награжден премией.

В мае 1917 г. физико-математический факультет по предложению Д. А. Граве поручил ведение обязательных практических занятий по аналитической геометрии приват-доценту университета О. Ю. Шмидту. В решении факультета отмечалось, что наряду с профессором Д. А. Граве в преподавании чистой математики могут принять участие молодые ученые — приват-доцент О. Шмидт и магистрант М. Кравчук.

Наряду с семинаром Д. А. Граве при Университете св. Владимира работало физико-математическое общество, созданное в 1889 г. по инициативе крупнейших физиков и математиков: М. П. Авенариуса, Б. Я. Букреева, М. Е. Ващенко-Захарченко, В. П. Ермакова, И. И. Рахманинова, П. Э. Ромера, Г. К. Сулова, М. Ф. Хандрикова, Н. Н. Шиллера, Е. К. Шпачинского⁵³. Членами общества являлись преподаватели университета и реальных училищ, магистранты и студенты. В марте 1915 г. Отто Юльевич вошел в это общество. Председателем его в то время был Г. К. Сулов.

На заседаниях общества обсуждались темы по математике, физике, механике и смежным дисциплинам. В докладах и сообщениях Отто Юльевича значительное место занимали алгебра и теория чисел. Большое внимание уделялось методологическим вопросам, в частности преподаванию элементарной математики, что способствовало укреплению методики киевской школы. Члены общества принимали активное участие в съездах естествоиспытателей и врачей, в международных конгрессах. В уставе общества подчеркивалось: «Физико-математическое общество при императорском Университете св. Владимира имеет целью содействовать разработке и распространению физико-математических наук, а также способствовать установлению правильных взглядов на их преподавание»⁵⁴.

В университетский период проявились и организационные способности Отто Юльевича, стремление молодого ученого сочетать научную работу с общественной.

---

⁵² ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1921. Л. 20.

⁵³ История отечественной математики. Киев: Наук. думка, 1967. Т. 2: 1801—1917. С. 480.

⁵⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

В 1915 г. он был избран председателем общества преподавателей киевских высших учебных заведений, которое объединяло наиболее активных из них. Возникновение этого общества было связано с эвакуацией университета в Саратов и необходимостью консолидироваться по основным вопросам учебы и практики. «Указанная организационная работа,— писал О. Ю. Шмидт,— давала некоторое отвлечение от абстрактных научных занятий, однако меня определенно тянуло к более практической административно-общественной деятельности. Начатки делового опыта я получил еще с детства, присматриваясь к коммерческой деятельности отца»⁵⁵.

В конце 1916 г. О. Ю. Шмидт участвовал в организации и управлении университетским кооперативом, а в начале 1917 г. поступил на службу в продовольственную часть Киевской городской управы, впоследствии слившуюся с городским продовольственным комитетом. «В качестве старшего помощника и заместителя заведующего отделом карточной системы,— вспоминал Отто Юльевич,— я имел возможность приобрести разнообразный опыт, с одной стороны управляя учреждением в 150 служащих, с другой стороны разрабатывая формы карточной системы на муку и хлеб, включая организацию контроля над мельницами, пекарнями и лавками и участие в разработке таксы на муку и ее продукты»⁵⁶.

Империалистическая война резко ухудшила экономическое положение России. Кризисное состояние многих отраслей и в связи с этим хозяйственная разруха усиливали голод в стране. В то трудное время Отто Юльевич всерьез задумался о необходимости введения карточной системы в Киеве. «Карточная система,— писал О. Ю. Шмидт,— как средство при помощи организованного вмешательства общественной организации в дело распределения ограниченных в количестве продуктов может нормально протекать только при наличии целого ряда условий: условия регулярного снабжения, возможности сосредоточивания распределяемых продуктов в руках какой-то одной организации, подготовленности к этим мероприятиям масс населения и др.»⁵⁷

Отто Юльевич в докладе показал, что в Киеве карточная система на продукты первой необходимости действовала не везде одинаково, так как все перечисленные выше

---

⁵⁵ Там же. Д. 36. Л. 2. Краткая биография О. Ю. Шмидта (автограф).

⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 58. Л. 13. Докл. Киев. продовольств. управы (февраль — май 1917 г.).

условия соблюдались не в равной мере. Чем острее чувствовались затруднения в снабжении продуктами, тем труднее было направить распределение их по карточной системе. Отто Юльевич указывал, что равномерное распределение продуктов может быть только там, где нет перерыва в снабжении. Если в те годы было благополучно со снабжением сахаром и карточная система здесь действовала безукоризненно, то критическое положение создавалось на мучном и хлебном рынке. Плохо было и с керосином, где карточки в силу недостаточного снабжения города этим продуктом мало что давали. О. Ю. Шмидт принимал активное участие в выработке средних норм для отдельных видов продуктов, отпускаемых населению и предприятиям.

К этой трудной работе Отто Юльевич привлекал студентов-регистраторов, представителей отдельных попечительств, экспертов. Определить средние нормы удавалось лишь при тщательном изучении всех необходимых данных по снабжению, выработке и потреблению. Из доклада Отто Юльевича видно, что введение и регулирование карточной системы на отдельные продукты, проводимое под его руководством, имело определенные успехи. Так, была решена проблема с сахаром и частично с хлебом и мукой, установлен контроль над производством и потреблением продуктов, выработаны правила введения карточной системы.

В воспоминаниях Б. Н. Делоне приведен следующий эпизод встречи с Отто Юльевичем:

«Как-то мы с ним пошли гулять в Голосеевский лес, и я его спросил:

— Почему Вас так мало видно?

— А я занят организацией карточной системы в Киеве.

— Неужели это Вас интересует? — спросил я.

— Да, видите ли, Борис Николаевич, во мне два человека — человек науки, ума и человек действия, воли, и эта деятельность удовлетворяет второго из них»⁵⁸.

О. Ю. Шмидта высоко ценили служащие управы, хотя проработал он там недолго. Узнав о том, что О. Ю. Шмидт собирается уезжать в Петроград, заведующий отделом карточной системы написал письмо Отто Юльевичу, где отметил, что за три с половиной месяца работы его в отделе он стал незаменимым работником. «Благодаря Вашим выдающимся способностям, — подчеркивается в письме, — гро-

---

⁵⁸ Делоне Б. Н. В Киевском университете. С. 182.

мадной энергии и в высшей степени исключительной преданности общественной деятельности Вы быстро освоились с многочисленными потребителями, с которыми связано распределение продуктов первой необходимости... Могу выразить убеждение, что чувство сожаления разделяет со мной весь штат, так как служащие привыкли в Вас ценить сердечного товарища и тактичного руководителя»⁵⁹. Подобное отношение к Отто Юльевичу было характерно со стороны сослуживцев, ученых, общественных деятелей, где бы он ни работал.

Круто изменилась судьба Отто Юльевича в связи с февральской революцией 1917 г. Стремление ускорить развитие науки, создать более благоприятные условия для деятельности ученых заставило молодежь, вставшую на стезю науки, искать новые формы объединения. В университете был сформирован совет младших преподавателей, наиболее прогрессивно мыслящих, которые пытались реформировать порядки в учебном округе. Отто Юльевич был избран председателем совета. В его состав входили приват-доценты, преподаватели, ассистенты, прозекторы и их помощники, ординаторы клиник, сверхштатные лаборанты и врачи клиник и лабораторий. В президиум совета, кроме О. Ю. Шмидта, вошли А. П. Семенов, Н. А. Львов, Г. А. Левитский, В. Н. Михайлов, В. Т. Рафальский, Б. Л. Личков, Н. П. Пашский, С. И. Маслов, П. Л. Кованько.

Со свойственной ему энергией Отто Юльевич сразу же включился в работу. Он принял активное участие в составлении проекта «Временного положения о совете младших преподавателей Университета св. Владимира»⁶⁰, определявшего круг вопросов академической деятельности, предусматривавшего обеспечение необходимыми средствами научных исследований, проведение кружков, семинаров, экскурсий и экспедиций, лекций и практических занятий, участие в местных, общероссийских и всемирных конгрессах, съездах.

Особенно много приходилось работать Отто Юльевичу как председателю совета в дни февральской революции. Он взял на себя руководство студенчеством всех киевских вузов через созданные им старостаты. Чтобы эффективнее использовать молодежь на общественно-политическом поприще, коалиционный комитет потребовал перенесения экзаменов на осень. Этому воспротивилась профессура, а

⁵⁹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 59. Л. 3.

⁶⁰ Там же. Д. 393. Л. 5.

также та часть студенчества, которая не желала подчиниться распоряжениям коалиционного комитета. Привычный ритм работы и учебы был нарушен. Лекции по многим предметам не читались. По требованию министра А. А. Мануйлова возглавлявшие кафедры после 1911 г. профессора, которые не избраны, а назначены, были уволены. Начались волнения среди студентов, многие из них резко выступали против профессуры.

Чтобы восстановить нормальную жизнь в университете, было решено начать совместные заседания представителей профессуры и студенчества. Первыми делегатами от студентов были ставшие впоследствии известными учеными В. Ф. Асмус и М. А. Дынник. Совет младших преподавателей во главе с Отто Юльевичем обратился в совет профессоров университета со следующим предложением: «Мы, младшие преподаватели, еще так недавно принадлежавшие к составу студенчества, в настоящие тревожные дни убедились на деле в доверии студенчества к нам. Младшие преподаватели полагают, что должны сейчас воспользоваться своим влиянием на студенчество, чтобы помочь ему организовать в формах, гарантирующих порядок в университете. Поэтому собрание решило обратиться к студентам с воззванием...»⁶¹

Младшие преподаватели после февраля поверили в свободную Россию. В воззвании к студентам они призывали их стабилизировать обстановку в университете и вернуться в аудитории. Не поддерживая Временное правительство, преподаватели вместе с тем выражали свои надежды на решительные изменения в сфере образования. Текст воззвания, над которым работал О. Ю. Шмидт вместе со своими коллегами, приводится полностью.

«К студентам Университета св. Владимира.

В сознании величия текущего момента государственной жизни и в связи с событиями, имевшими место в Университете св. Владимира в последние дни, мы, младшие преподаватели университета, постановили обратиться к студенчеству с призывом: нам всем дорого счастье нашей Великой Родины; нам всем дорога наша высшая школа, которая в свободной России должна быть свободной. Мы все вышли из студенческой семьи; мы знаем, что студенчество в эти дни не может жить мыслями, отличными от мыслей народа, но и мы не живем иными. На глазах большинства из нас протекали 1905—1906 годы, годы беспримерно тя-

---

⁶¹ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 356. Д. 52. Л. 4.

желе для России и для русской высшей школы. Многие из нас тогда находились в студенческих организациях и с ними вместе пережили это время. Бойтесь повторения крушения народных надежд! Бойтесь провокации! Помните, что большинство ваших товарищей на фронте и что общая разруха подвергает их жизнь и судьбу Родины грозной и напрасной опасности! Больше спокойствия! Прекратите доступ в университет посторонним: университет нужен России как свободная школа... Помните ваш долг перед Родиной и вернитесь к своей работе, ибо она не может мешать вам оставаться гражданами. Несите в дар свободной Родине свои силы и знания»⁶².

Вопрос о возобновлении работы вузов было решено поставить в Киевском исполкоме. 27 апреля 1917 г. под председательством доктора Н. Ф. Страдомского состоялось объединенное заседание исполкома общественных организаций, президиумов Совета рабочих и военных депутатов и коалиционного совета студенчества. Были приглашены также представители профессуры, младшего преподавательского состава вузов и значительного меньшинства студенчества, которое считало необходимым продолжать занятия. О. Ю. Шмидт от имени совета младших преподавателей «приветствовал студенчество, идущее работать на общественной ниве»⁶³, но вместе с тем призвал продолжать занятия, считая, что нельзя закрывать высшие школы.

Исполком вынес резолюцию о целесообразности перенесения срока экзаменов, а также о необходимости морального, а не насильственного воздействия на студентов, не согласных с решением коалиционного совета. Но коалиционный совет воздержался от голосования этой резолюции.

На следующий день совет младших преподавателей по предложению О. Ю. Шмидта обсуждал вопрос об учреждении совещательного органа при управлении Киевского учебного округа и принял решение включить в этот орган представителей от младших преподавателей. Однако был получен отказ.

Впоследствии переговоры между студентами и профессорами приняли мирный характер. Огромную роль в стабилизации обстановки сыграл О. Ю. Шмидт. Вот что пишет об этом Е. В. Спекторский: «Отрезвлению студенчества немало содействовала позиция твердого и неуступчивого академизма, занятая большинством так называемых младших

---

⁶² Там же.

⁶³ О занятиях в высших учебных заведениях // Киевлянин. 1917. 28 апр.

преподавателей, и притом наиболее популярными из них. Корректным в академическом отношении оказался прославившийся впоследствии в связи с экспедицией "Челюскина" приват-доцент О. Ю. Шмидт, питомец Университета св. Владимира. Семестр кое-как был доведен до конца, осложнившись вторжением коалиционного студенческого совета в вопрос о весенних экзаменах и его требованием включения его представителей в состав университетского совета»⁶⁴.

Со временем активная деятельность в совете младших преподавателей, успехи в науке, блестящий лекторский дар выдвигают Отто Юльевича в число лучших преподавателей университета. В мае 1917 г. на одном из своих совещаний совет принял решение о командировании О. Ю. Шмидта в Петроград на совещание по вопросам высшей школы. В программу его работы были включены вопросы: о законе 3 июля 1916 г.; о положении младших преподавателей; об организации советских комиссий; о хозяйственном и финансовом положении; об условиях занятий⁶⁵.

К тому же времени относится эпизод о непризнании младшими преподавателями ректора Н. М. Цитовича, который был назначен, а не избран на эту должность в 1905 г., до того являясь заслуженным ординарным профессором по кафедре полицейского права. В телеграмме председателю Государственной думы М. В. Родзянко Н. М. Цитович заверил, что университет «приветствует новую государственную власть... в лице Временного правительства, твердо веря, что оно сплотит страну и выведет ее на путь, достойный многовековой истории России»⁶⁶.

Такая «глубокая вера» ректора во Временное правительство вызвала недоверие совета младших преподавателей, и они предложили Н. М. Цитовичу подать в отставку, о чем ректор написал в своей докладной записке в совет университета⁶⁷. Вспоминая об этом, Д. А. Граве писал, что О. Ю. Шмидт «вскоре обнаружил себя будущим большевиком. Он явился с другим товарищем в кабинет черносотенца ректора университета Цитовича и потребовал от имени коллегии младших преподавателей, чтобы тот немедленно вышел в отставку»⁶⁸.

Эта история получила развитие. На заседании совета младших преподавателей, посвященном обсуждению со-

⁶⁴ Столетие Киевского университета св. Владимира. С. 89.

⁶⁵ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 356. Д. 84. Л. 5—6.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁶⁷ Там же. Оп. 465. Д. 425. Л. 1.

⁶⁸ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. № 385. Л. 45.

здавшегося положения, была вынесена следующая резолюция: «Считая единение студентов и преподавателей первым условием нормальной и продуктивной работы университета, совет младших преподавателей принял в свое время резолюцию, признающую необходимым, чтобы ректор и проректор университета избирались из среды профессоров, пользующихся доверием всех трех коллегий — студентов, младших преподавателей и профессоров. Однако большинство совета профессоров избрало профессора Цитовича, кандидатура которого признана студентами нежелательной.

Этот шаг большинства профессуры наряду с игнорированием пожеланий согласительной комиссии, венчая всегдашнюю его политику невнимания к студенчеству, должен произвести на студентов и общество впечатление вызова или же преступной небрежности, созданной роковым непониманием момента. При таких условиях младшие преподаватели считают будущее университета весьма тревожным»⁶⁹. Совет младших преподавателей отозвал своих представителей из согласительной комиссии и принял решение укрепить связи со студентами. Кроме того, он обратился к прогрессивному меньшинству профессуры с призывом к сотрудничеству. Президиуму совета младших преподавателей поручалось обратиться к профессору Цитовичу с просьбой «дать возможность профессуре пересмотреть свой вотум в духе большего соответствия с требованием времени»⁷⁰.

Когда Н. М. Цитовичу была передана эта резолюция, он ответил, что подумает и переговорит с профессурой. При этом Н. М. Цитович заметил, что вынесенные советом резолюции затрудняют его уход, так как «получится впечатление, что он уходит под давлением, а профессора, в свою очередь, усмотрят в этом выпад лично против себя»⁷¹.

Газета «Последние новости», опубликовавшая интервью с О. Ю. Шмидтом, писала по поводу случившегося: «По мнению председателя совета младших преподавателей университета О. Ю. Шмидта, злого умысла со стороны профессуры не было. Скорее это можно было отнести на счет небрежности или политической незрелости как правой, так и левой профессуры.

---

⁶⁹ К конфликту в университете // Киев. мысль. 1917. 2 мая.

⁷⁰ Там же. В газетной заметке подписей нет, а рукописный вариант, хранящийся в архиве О. Ю. Шмидта, подписан О. Шмидтом и Н. Пашским. См.: Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 395. Л. 13—14.

⁷¹ Последние новости. 1917. 27 мая (интервью с О. Ю. Шмидтом).

Современная профессура во всей России мало затронута революцией. Никто из них не считает, что Россия на новом пути. Никаких шагов поэтому в сторону изменения политической и хозяйственной жизни высших учебных заведений профессура не предпринимается.

Такие шаги нарушили бы тот уют, который устав 1884 г. создал для русской профессуры. Потерять этот уют профессура боится. Немудрено, что киевская профессура, избегая и устранившись от контактов с советом младших преподавателей и студенчества особенно, ухватилась и всячески уцепилась за слово «автономия», прикрывая, как щитом, свое положение старого режима»⁷².

Далее Отто Юльевич говорил о том, что согласительная комиссия, в которую входили представители профессуры, младших преподавателей и студенчества, на практике не внесла никаких изменений в жизнь университета. Проекты преобразования университета лежали «под сукном». Хозяйственная жизнь университета находилась в полной разрухе. Профессура оставалась глухой к требованиям младших преподавателей и студенчества.

Прогрессивная группа профессуры составляла 30 %, крайне правая — 20 %, а остальные — «серая масса». «И вот когда за профессора Цитовича голосовала правая группа, то к ней ввиду неорганизованности либеральной группы присоединилась и «серая» профессура, а затем и часть либералов, которые голосовали за профессора Цитовича из-за любезности», — писал О. Ю. Шмидт.

Совет младших преподавателей, выступая за введение в жизнь более демократичных выборов, вошел в совет профессоров университета с предложением предоставить ему право участия в управлении университетом. В заявлении младшие преподаватели писали: «Совет младших преподавателей просит профессорскую коллегия, воспользовавшись примером общественных самоуправлений и ряда высших учебных заведений, произвести теперь же, по возможности до конца семестра, демократизацию управления университетом...»⁷³ К заявлению прилагался «Проект участия младших преподавателей в управлении университетом».

Вскоре Временным правительством было принято решение об участии младших преподавателей в управлении университетом, где отмечалось, что на собрание факульте-

---

⁷² Там же.

⁷³ ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 348. Д. 10. Л. 52.

тов, кроме профессоров и доцентов, допускаются и приват-доценты с совещательным голосом.

Первое приглашение О. Ю. Шмидт получил 5 сентября 1917 г.⁷⁴ Однако уже 19 сентября он подал прошение на имя ректора университета об освобождении его от чтения лекций и ведения практических занятий в осеннем полугодии. Его просьба была удовлетворена. Отто Юльевич обратился к Д. А. Граве с просьбой дать ему рекомендательные письма к петроградским профессорам-математикам⁷⁵. Он мечтал продолжить свои исследования в Петрограде, но жизнь распорядилась иначе...

«Шмидт временно исчез из моих взоров, — писал впоследствии Д. А. Граве. — После Октябрьской революции я его видел в Кремле, где к нему относился со вниманием Владимир Ильич».

После короткого пребывания в Петрограде вся последующая жизнь О. Ю. Шмидта была связана с Кремлем и Москвой.

Так закончился киевский период в жизни О. Ю. Шмидта, который он всегда вспоминал с большой теплотой и радостью. Долгие годы Отто Юльевич писал Д. А. Граве «письма-отчеты», как он сам их называл, о своей работе, о жизненно важных проблемах, с которыми он сталкивался, находясь на государственных постах, и о многом другом. Поздравляя Д. А. Граве в 1933 г. с 70-летием и награждением его орденом, Отто Юльевич в телеграмме писал: «Ваша замечательная научная деятельность, Ваша талантливость, широкого кругозора сила и свежесть научной мысли, обаяние Вашей личности создали вокруг Вас плеяду учеников. Я счастлив, что и я был среди них. Не только в математике, но и в моей географической работе последнего времени я продолжаю пользоваться теми навыками и принципами научной работы, которые получил от Вас. Радуюсь высокой награде орденом, которым отместило Вашу деятельность правительство»⁷⁶.

Тепло и сердечно поздравил Отто Юльевич Б. Я. Букреева с 90-летним юбилеем, подчеркнув большой вклад учителя в формирование его как математика. «Ваши лекции, — писал О. Ю. Шмидт, — непревзойденные по мастерству и блеску, впервые ввели меня, как и многих других Ваших учеников, в мир логической безупречности и

⁷⁴ Там же. Оп. 465. Д. 1921. Л. 42.

⁷⁵ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. № 385. Л. 45.

⁷⁶ Там же. Д. 363. Л. 1.

математической точности. Мы бесконечно благодарны Вам за Ваше руководство»⁷⁷.

Эти глубокие чувства любви и благодарности к своим первым учителям Отто Юльевич пронес через всю свою жизнь.

В школьные и университетские годы Отто Юльевич часто совершал экскурсии по Киеву, по Днепру, пешеходные прогулки за город. Красота Киева поражала его во все времена года: зимой, когда его старые липы и каштаны сверкали своим белоснежным кружевным убором; весной, когда холмы, скверы и улицы покрывались изумрудной зеленью, а Днепр, его разливы казались беспредельно широкими.

В Киеве остались могилы отца и матери. Долгое время здесь жили его сестры, Эльза и Нора. Живы и поныне его родственники. Отто Юльевича помнят старожилы Киева, знают о нем и те, кто поселился в новых зданиях на улице Шмидта, названной в его честь.

В архиве Б. Я. Букреева найдено стихотворение: «В честь Отто Юльевича Шмидта»⁷⁸. На нем нет даты, автор не указан. Предполагаем, что старый учитель написал его сам...

То академик, то герой,
Своей роскошной бородой
Ты обмотал весь шар земной.
Тайком от нас ты улетел
И трах!.. на полюсе вдруг сел.
Да, ты герой, Наполеон!
Один Зигфрид тобой рожден,
Еще Зигфридов штук пять-шесть
Тебе желаем произвести.
Когда ж пройдут любви года
И поседеет борода,
И мы услышим в ночь одну,
Что улетел ты на луну, —
Прими прощальный наш привет,
Увы — с луны возврата нет.
Ты будешь там, мы будем тут,
И Шмидту нашему капут.
Но нет, на звездном ты пути
Зигмунду можешь вновь найти.
И новый родится Зигфрид,
И к нам на землю прилетит.

⁷⁷ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 3. Д. 11. Б. Я. Букрееву (1944 г.).

⁷⁸ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 41. Д. 1305. Л. 1.

Он принесет с собой твой прах,
В кремлевских ты уснешь стенах,
Зигфрид же род продолжит твой
Межпланетный и земной.

Этим стихотворением, последним документом из киевских архивов, можно завершить первый раздел книги об Отто Юльевиче Шмидте.

Начало государственной деятельности (1917—1918 гг.)

В июне 1917 г. Отто Юльевич уехал в Петроград для участия в работе Всероссийского съезда по делам высшей школы. В своей автобиографии он писал, что «воспользовался этим съездом, чтобы предложить свой труд министерству продовольствия, и был определен на службу в Управление по снабжению»¹. О. Ю. Шмидта тянуло к организационной деятельности. Он писал Д. А. Граве: «В Питере моя жизнь вначале была отдыхом от киевской суеты последнего времени. Я никого не видал, много гулял по окрестностям, занимался философией и т. д. Осенью вновь пробудилась энергия, я стал увлекаться службой в министерстве...»²

14 июля 1917 г. О. Ю. Шмидт был зачислен на должность старшего делопроизводителя по вольному найму отдела снабжения тканями, кожей и обувью Управления по снабжению предметами первой необходимости министерства продовольствия.³ При этом Отто Юльевич оставался в должности приват-доцента Университета св. Владимира³. Вскоре он занял пост директора департамента и «заведовал распределением тканей в России в обмен на хлеб»⁴. Аналогичной работой О. Ю. Шмидт занимался в Киеве.

Октябрь стал поворотным в судьбе О. Ю. Шмидта. Заброшенный волной революции в государственные структуры, он на долгие годы вынужден был оставить математику.

¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 36. Л. 2.

² ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. Д. 359. Л. 2 (январь 1918 г.).

³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 59. Л. 5.

⁴ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. № 359. Л. 1—2. Письмо О. Ю. Шмидта Д. А. Граве от 2 января 1918 г.

Отто Юльевич довольно быстро воспринял новые политические установки. Это во многом объясняется тем, что с ранних лет он начал интересоваться философскими проблемами и вопросами переустройства общества. Его позиция определилась уже в первые послереволюционные дни: «Никакой прогресс невозможен отдельно в науке и в просвещении без прогресса политического»⁵. Отто Юльевич активно включается в работу по созданию аппарата управления государством.

Первым важнейшим этапом на пути перехода к новым формам управления явилось подчинение бывших министерств комиссиям во главе с народными комиссарами. Бывшие министерства должны были играть роль исполнительного аппарата. Однако «народные комиссары» и их помощники встретились с жесточайшим сопротивлением служащих министерств. Бывшее министерство продовольствия, располагавшееся в Аничковом дворце, где находился и Отто Юльевич, в 20-х числах ноября 1917 г. захватили представители Советской власти во главе с народным комиссаром по продовольствию А. Д. Цюрупой. Служащие министерства, отказавшиеся вступать в какие бы то ни было отношения с большевиками и не желавшие сдавать свои дела, были арестованы. Среди работников министерства, однако, выделилась «социалистическая группа служащих», которую возглавил О. Ю. Шмидт. Они-то и выступили в поддержку новой власти.

«Именно эта группа,— писал М. П. Ирошников,— явилась инициатором проведения нескольких собраний служащих бывшего министерства, на которых ее участники выступали за прекращение саботажа и признание Советской власти»⁶. В «Правде» было опубликовано их заявление: «Мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой вчера резолюции о необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем немедленно практически приступить к работе и, войдя в контакт с Продовольственной комиссией СНК, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами»⁷.

Этому предшествовала большая работа, проведенная О. Ю. Шмидтом совместно с его единомышленниками, в результате которой появились обращения к служащим ми-

---

⁵ Из личного архива О. Ю. Шмидта.

⁶ *Ирошников М. П.* Создание советского государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г.— январь 1918 г. Л.: Наука, 1967. С. 237.

⁷ Правда. 1917. 24 нояб.

нистерства продовольствия. Пытаясь предотвратить саботаж, 15 ноября 1917 г. Отто Юльевич написал «Обращение группы объединенных социалистов министерства продовольствия с изложением проекта политической платформы». Документ интересен тем, что здесь видна четкая ориентация на тесное сотрудничество с новой властью.

Обращаясь к бунтующим чиновникам, Отто Юльевич призывал их поддержать созданную группу объединенных специалистов, служащих министерства продовольствия, членами которой могут быть служащие, поддерживающие следующую платформу: 1) экономическая, и в частности продовольственная, политика должна основываться на немедленном и планомерном проведении государственной регуляции, с одной стороны, и на сохранении и углублении социалистических мер, регулирующих торговлю и распределение, — с другой; 2) спасение родины возможно лишь в деловом сотрудничестве всех социалистических партий, в том числе большевиков; 3) продовольственное дело может оставаться совершенно вне политики⁸.

Пытаясь предотвратить саботаж, О. Ю. Шмидт в обращении к аппарату министерства продовольствия подчеркивал, что группа объединенных специалистов приветствует все шаги, направленные к установлению тесного сотрудничества центрального и местного аппарата с органами Совнаркома, и отвергает политическую забастовку. «Организация группы, — писал О. Ю. Шмидт, — имеет целью тесное сплочение идейных работников министерства, разделяющих ее платформу, и пропаганду среди сослуживцев социалистической экономической политики⁹.

Второе обращение — «Ко всем служащим министерства продовольствия», подписанное его работниками, в том числе и О. Ю. Шмидтом, призывало к поддержке социалистического правительства: «Оставляя за собой право политической борьбы на общеполитической арене, авторы настоящего заявления, среди которых есть также искренние сторонники неудавшейся коалиции, вместе с тем как работники такого важного государственного органа, каким является министерство продовольствия, считают себя обязанными заявить, что в случае создания социалистического правительства они не только не будут бороться с ним саботажем работы, но примут все возможные меры к тому, чтобы ми-

⁸ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 60. Л. 1 (автограф О. Ю. Шмидта).

⁹ Там же (15 ноября 1917 г.)

нистерство как технический аппарат власти могло правильно функционировать»¹⁰.

Этот документ, как и первый, вызвал взрыв негодования. Вместе с тем среди противников новой власти наметился раскол: постепенно стали отделяться те, кто еще не до конца понял и воспринял происшедшие перемены, но стремился честно бороться с саботажем.

Однако на первых порах попытки предотвратить забастовку и саботаж были безуспешными. Министерство фактически перестало существовать, работники его забастовали. Отто Юльевич вспоминал: «Я был против забастовки — и по своей политической позиции, близкой к интернационалистам “Новой жизни”, и потому, что считал политическую забастовку продовольственного ведомства вообще недопустимой, но оставаться на работе в уничтоженном министерстве все же не хотел...»¹¹

В то тяжелое время О. Ю. Шмидт сделал очень смелый шаг, возглавив социалистическую группу служащих.

Деятельность молодого ученого в Петрограде воспринималась его коллегами по-разному. Некоторые осуждали Отто Юльевича за его приверженность большевизму. «Я чувствовал сумбур у себя в голове, не мог охватить всей совокупности явлений», — рассказывал Отто Юльевич. Хотя «я встретил Октябрьскую революцию с радостью», но «до Октябрьской революции я еще не созрел... у меня не было опыта работы с массами, и я плохо понимал силу масс».

После октябрьского переворота министерство продовольствия было ликвидировано. С образованием Наркомата продовольствия Отто Юльевич был назначен начальником Управления по продуктообмену. Заняв один из самых ответственных участков, О. Ю. Шмидт писал, что время требует вместо математических формул овладеть «боевым оружием алгебры революции»¹². Такое решение требовало от молодого ученого большой воли, незаурядного ума, целеустремленности — как раз те качества, которые, несомненно, были присущи Отто Юльевичу. И еще одна черта его характера играла большую роль — глубокая человечность.

Отто Юльевич собирал статистические сведения о состоянии промышленности, изучал продовольственные запасы всех регионов страны. Эти данные использовались при разработке планов продвижения товаров.

---

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. Д. 359. Л. 2.

¹² Из личного архива О. Ю. Шмидта.

Математикой он в это время не занимался, но надеялся в будущем возобновить свою научную деятельность. Вспоминая Киев, своих друзей, алгебраическую школу, Отто Юльевич писал своему учителю Д. А. Граве: «Так хочется знать, что делает Ваша школа “Делоне, Кравчук, Чеботарев”»¹³. О. Ю. Шмидт на время оставил и преподавательскую деятельность. В сентябре 1917 г. профессор И. С. Черданцев, с которым Отто Юльевич познакомился во время работы Всероссийского съезда по делам высшей школы, предложил ему место и должность профессора в Нижегородском политехникуме, но О. Ю. Шмидт отказался.

Короткий петроградский период оставил глубокий след в жизни Отто Юльевича, повлияв на его мировоззрение, определив основное направление государственной деятельности.

---

¹³ ОР ЦНБ АН УССР. Ф. XX. Д. 559. Л. 2.

Переезд в Москву. Работа в правительственных учреждениях (1918—1922 гг.)

В марте 1918 г. по решению СНК правительство Советской Республики переезжает из Петрограда в Москву. Вместе с ведущими работниками правительственных учреждений переезжает в Москву и О. Ю. Шмидт. Важнейшим событием в жизни Отто Юльевича в это время было вступление его в образовавшуюся тогда партию левых интернационалистов. «В момент Октября,— вспоминал О. Ю. Шмидт,— у меня не было предвидения силы победившего пролетариата, но было достаточно образования в этой области, чтобы понять историческую закономерность явлений. В таком положении, в каком очутился я, было еще несколько товарищей... которые образовали группу социал-демократов интернационалистов... В марте 1918 года на очередном съезде этой небольшой партии произошел раскол и образовалась группа левых интернационалистов, в которую вошел и я. Затем создалась организация, которая называла себя “ЦК”, но, кроме членов ЦК, в этой партии не особенно много было людей. Эта левая группа приняла программу

РКП и никакой другой программы РКП не противопоставляла, оставляя, правда, за собой право расходиться по тактическим вопросам, но расхождений у нас никаких не было. Настоящий ЦК смотрел на нас так: ребята там дураят, но ребята хорошие... Стало ясно, что такая группа ни к чему... Поэтому был поставлен вопрос о слиянии с РКП... Мы были приняты в коммунистическую партию, и ввиду того что фактически выполняли все поручения ЦК и никакой другой программы не пытались ему противопоставлять, то нам зачли весь стаж пребывания в партии левых интернационалистов»¹.

«Группа ученых-большевиков пополнилась еще одним талантливым исследователем и, как показали последующие события, прекрасным организатором науки»², — писал П. В. Алексеев.

Отто Юльевич говорил: «Мы — интеллигенты, пришедшие в партию, должны быть особенно благодарны партии, которая нами руководила, дала возможность расти, вовремя предупредила и исправляла ошибки... Этот период, начиная с 1918 года, был самым счастливым для меня. Я часто видел Владимира Ильича, получал его указания. Я бывал почти на всех заседаниях Совнаркома, на партийных съездах, пленумах ЦК, мог беседовать с членами ЦК — все это создавало возможность большого роста не только по книгам, но на живых примерах... Я очень многим обязан т. Цюрупe, которого Владимир Ильич считал одним из лучших хозяйственных партийных работников. Очень много дало мне тесное общение с В. В. Куйбышевым — это был не только учитель, но и друг. Многому я научился и у ряда видных старых большевиков...»³

Эта цитата возвращает нас в год 1918-й, когда, приехав из Петрограда в Москву, Отто Юльевич возглавил труднейший участок в Наркомпроде — Управление по продуктообмену, главной задачей которого была организация снабжения деревни промышленными товарами. Народным комиссариатом продовольствия в этот период руководил Александр Дмитриевич Цюрупа.

Время было тяжелое. Война, голод, разруха истощили экономику страны до крайности. Необходимо было нала-

---

¹ Цит. по: Дуэль И. Линия жизни: (Док. повесть). М.: Политиздат, 1977. С. 50—51.

² Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М.: Политиздат, 1987. С. 30.

³ Цит. по ст.: Яницкий П. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биограф. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 13.

живание «правильного товарообмена в государственном масштабе»⁴. Это практически означало снабжение села необходимыми машинами, сельскохозяйственным инвентарем, промышленными товарами в обмен на хлеб. Отто Юльевичу приходилось сталкиваться с большими трудностями. Особенно напряженным было продовольственное положение весной и летом 1918 г. Именно в это время начинался «военный коммунизм».

Вследствие контрреволюционных выступлений в Сибири и на Средней Волге, немецкой оккупации на Украине важнейшие хлебные районы оказались отрезанными. В экстремальных условиях власти все больше прибегали к чрезвычайным мерам в хлебозаготовках, что в значительной степени усугубляло и без того тяжелую жизнь крестьян. Признавая с душевной болью необходимость этих мер, О. Ю. Шмидт в марте 1918 г. стал работать над проектом постановления Совнаркома об эквивалентном товарообмене. «Дело снабжения хлебом переживает тяжелый кризис, — писал Отто Юльевич. — Крестьяне, не получая мануфактуры, плугов, гвоздей, чая и прочих предметов первой для них необходимости, разочаровываются в покупательской силе денег и перестают продавать свои запасы, предпочитая хранить вместо денег хлеб. Кризис усугубляется недостатком денежных знаков для расплаты в тех местах, где ссыпка еще производится.

Анализ существующего положения приводит к выводу, что только снабжение деревни тем, чего она требует, т. е. предметами первой необходимости, может вызвать на свет спрятанный хлеб. Все другие меры лишь паллиативы».

О. Ю. Шмидт предлагал «организовать в государственном масштабе товарообмен на основе пропорциональности. Не вся плата за хлеб производится товарами, разница доплачивается деньгами. Товарообмен уже и теперь повсеместно происходит в связи с мешочничеством. Прекратить этот стихийный процесс можно лишь одним способом, организовав его в масштабе государственном и тем превращая из средства дезорганизации продовольственного дела в могучее орудие его успеха»⁵.

Однако все было не так просто. Отсутствие товарных запасов у государства мешало его возможности приобретать хлеб посредством продуктообмена. Зачастую за приве-

---

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. Ст. 398. С. 375.

⁵ См.: Андреев Е. С. С мандатом Ленина // Сов. потреб. кооперация. 1989. № 10. С. 49.

зенный хлеб крестьяне не получали обещанные товары. Товарообмен, по образному выражению крестьян, превращался в «товарообман». В одном из писем член коллегии Наркомпрода РСФСР Д. З. Мануильский обращался к О. Ю. Шмидту: «Дорогой Отто Юльевич! Я очень просил бы Вас предоставить подателям сего представителям станции Каменской Д. О. вагонов 20 мануфактуры для обмена на хлеб. Мануфактура должна поступить в распоряжение продовольственного комитета Донецкого округа и будет распределяться среди населения соответственно инструкций. Для правильного ведения товарообмена желательна командировка с мануфактурой сведущего лица из Комиссариата. Вы меня очень обяжете, если окажете возможно быстрое содействие товарищам казакам. Они привезли в Петроград 24 вагона хлеба и ничего не получили взамен»⁶.

Тяжелая продовольственная проблема породила спекуляцию. В письме А. Д. Цюрупе из Киева Д. З. Мануильский писал: «Пока тянутся переговоры и продовольственный воз все там же, вокруг нас вертится спекуляция... В этой державе торгуют всем и спекулируют на всем»⁷. Как можно видеть из письма, между О. Ю. Шмидтом и Д. З. Мануильским состоялся разговор о провозе хлебных грузов из Кубани через Ростов, который находился в руках у немцев. Но за это нужно было платить немцам вагонами хлеба. Д. З. Мануильский писал, что если удастся договориться с немцами, «то немедленно надо будет двинуть на Кубань мануфактуру и хороших продовольственных работников, чтобы наладить дело».

Не имея сколько-нибудь сносного распределительного аппарата, местные учреждения нередко распределяли предназначенные для товарообмена ценности среди городского населения, а в деревне продавали их за деньги. Прибывшие вагоны с товарами месяцами не разгружались, потом они оказывались в кооперативных и даже частных распределительных пунктах⁸. 9 мая 1918 г. ВЦИК принял декреты о введении продовольственной диктатуры, а 27 мая — о новом устройстве местных и центральных органов снабжения.

В середине лета разразился небывалый продовольственный кризис: в Петроград и в Москву при полном отсутст-

⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 3. Д. 236. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 7—8.

⁸ См.: Орлов Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. С. 23.

вии запасов поступало в неделю три-четыре вагона хлеба. «Костлявая рука голода» схватила за горло рабочих крупных промышленных центров⁹. Власти, издав 11 июня 1918 г. декрет о создании так называемых комитетов сельской бедноты (комбедов), пытались привлечь население к участию в национализации крестьянских излишков и распределении промышленных товаров.

Однако принятые меры не давали ощутимых результатов. Единственный выход из создавшегося положения виделся правительству в организованном и массовом привлечении рабочих к непосредственному участию в заготовках хлеба. Очередным мероприятием властей в этом направлении было издание 6 августа 1918 г. декрета СНК «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций». О. Ю. Шмидт принял активное участие в его реализации. 3 сентября 1918 г. постановлением СНК О. Ю. Шмидт назначается членом коллегии Народного комиссариата по продовольствию. Ему было поручено руководство организационным отделом и частью Управления общих дел, ведавшими (в соответствии с декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г.) снабжением продовольствием на местах.

Осенью 1918 г. О. Ю. Шмидт предложил главе советской мирной делегации на Украине Д. З. Мануильскому в обмен на заготовленный хлеб поставить украинским крестьянам суконные и льняные ткани, а также сельскохозяйственную технику. Отто Юльевич отправился в составе товарообменной комиссии в Киев, где удалось закупить 500 тыс. пудов хлеба¹⁰.

О. Ю. Шмидт находил, что называется, «у руля». Он не только руководил всей практической работой по претворению в жизнь декретов СНК, но и выступал с докладами, писал статьи, работал над инструкциями по вопросам организации продовольственного дела в стране. Особенно много занимался Отто Юльевич организацией рабочей продовольственной инспекции. Вместе с Н. П. Брюхановым в октябре 1918 г. он разработал проект, который был одобрен на заседании Наркомпрода 28 октября и 5 декабря принят СНК. Согласно этому проекту, продовольственная инспекция должна была прежде всего контролировать работу продовольственных органов. Отмечая значение инспекции, Отто Юльевич писал: «Этот институт может существенно улучшить работу продовольственных органов и в

⁹ См.: Бюл. Нар. комиссариата по продовольствию. 1919. № 24(44).

¹⁰ 7 нояб.
¹⁰ См.: Андреев Е. С. С мандатом Ленина. С. 50.

то же время является первым примером такого рабочего контроля, который, может быть, следует применять во всех других отраслях государственного хозяйства...»¹¹

Основная идея рабочей продовольственной инспекции, как справедливо заключает Е. С. Андреев¹², очень созвучна нашему времени. И в самом деле, если вдуматься в сказанное О. Ю. Шмидтом об этой «выстраданной практикой жизни» идее, можно почерпнуть много полезного для решения нынешней продовольственной проблемы. «Продовольствие рабочих — вот, можно сказать, лозунг дня,— писал О. Ю. Шмидт.— Но рабочие организации могут приложить свои силы к продовольственному делу двумя путями, совершенно различными — или самостоятельными заготовками для своей фабрики, своей группы, или содействием общегосударственному аппарату в его работе, его усилением и улучшением. Только второй путь приводит к цели. Продовольственный аппарат страны, разрастаясь и улучшаясь, остается в значительной мере бюрократическим. Мы страдаем не столько от злоупотреблений, сколько от общей вялости работы. Рабочая инспекция двинется с места, войдет в связь с массами, будет не столько ревизовать, сколько обследовать...» А «обследовать» как тогда, так и теперь есть что.

К концу 1918 г. продовольственный кризис обострился. Гражданская война, экономическая блокада страны свели на нет хоть какой-то товарообмен. Отсутствие у государства товарных запасов лишало его возможности приобретать хлеб¹³. Управление продуктообмена в ноябре было преобразовано в Управление по продуктораспределению, что означало молчаливое признание неудачи товарообмена¹⁴. В этих условиях получить хлеб можно было лишь путем натуральной хлебной повинности¹⁵. Декретом СНК от 11 января 1919 г. была введена продовольственная разверстка, легшая тяжелым бременем на плечи крестьян.

В начале 1919 г. О. Ю. Шмидт начал работать над проектом положения о рабочих продовольственных отрядах, который был утвержден на коллегии Наркомпрода 27 февраля. Ему же поручалось также составление очередного проекта декрета и инструкции о районных продовольствен-

---

¹¹ Шмидт О. Ю. Рабочая продовольственная инспекция // Экон. жизнь. 1918. № 31. 13 дек.

¹² Андреев Е. С. С мандатом Ленина. С. 48.

¹³ См.: Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. С. 175.

¹⁴ См.: Деятельность Продовольственной организации. М., 1919. С. 6.

¹⁵ См.: Кабанов В. В. Указ. соч. С. 175.

ных комитетах, о хлебозаготовительных отрядах из крестьян голодающих районов. Занимаясь организацией разверстки по губерниям, уездам, волостям, Отто Юльевич пришел к выводу, что основной продовольственной политики может быть только принуждение крестьянства государственной властью к сдаче излишков продуктов для города, но «это принуждение должно носить характер государственной повинности, передающей в распоряжение государства излишки сельскохозяйственных продуктов»¹⁶.

Успех продразверстки Отто Юльевич связывал с наличием хорошо слаженного аппарата, созданного «на возможно широком привлечении профессиональных союзов»¹⁷. Только при наличии такого аппарата можно применять метод государственного принуждения — продразверстку. К этому времени, как отмечал Отто Юльевич, не менее одной трети руководящих постов в продовольственных организациях на местах принадлежало рабочим, которые, не имея опыта и достаточных знаний, зачастую применяли методы насилия, забирая не только излишки, а все, что было у крестьян, обрекая их на голод. «В эти годы, — пишет В. В. Кабанов, — рождается такой термин, как “выкачка” продовольствия из деревни. И это было не просто жаргонное слово, оно действительно означало выкачку продовольствия любыми средствами, порой не считаясь ни с чем»¹⁸. Выступив с разъяснением продовольственной политики Советской власти, О. Ю. Шмидт поддержал идею хлебной монополии: «Хлебная монополия есть первый подход к осуществлению социалистического принципа на земле. На хлебную монополию нужно смотреть не только как на теоретическое, но и как на практическое требование момента»¹⁹. Академик Б. В. Раушенбах отмечает: «Все сообща и каждый на своем месте сосредоточенно и целенаправленно строили социализм. Максимализм! Максимализм был свойствен времени!»²⁰

О. Ю. Шмидт настойчиво подчеркивал, что необходимо добиваться, чтобы хлеб сдавался добровольно. И вместе с тем он настаивал на введении отрядов вооруженной продармии, чтобы обеспечить выполнение закона о хлебной монополии: «Мы должны проводить это при помощи коопераций, при помощи наших агитационных отрядов, при помо-

¹⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 87. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Кабанов В. В. Указ. соч. С. 189.

¹⁹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 78. Л. 1.

²⁰ Наше наследие. 1990. № V. С. 32. Интервью с акад. Б. В. Раушенбахом.

щи разъяснений и убеждений, но все это должно производиться таким образом, чтобы за этим была опора на вооруженную силу. Только тогда декрет может быть проведен в жизнь»²¹. Впоследствии, когда «вооруженные походы за хлебом» в отдельных местах сопровождались пролитой кровью, Отто Юльевич выступил с протестом, указывая, что действие вооруженных сил нужно свести к роли охраны и реального обеспечения иных методов привлечения к ответственности уклоняющихся от выполнения государственной повинности²².

Проанализировав хозяйственные «достижения» декрета о хлебной монополии, О. Ю. Шмидт заключал, что разверстка была экономически невыгодным, но политически необходимым мероприятием. Но в силу чрезмерной политизации экономики, преобладания политических целей над экономическими крестьянское хозяйство во времена продразверстки не могло развиваться. В основе своей она разрушительным образом влияла на сельское хозяйство. «Идеология крестьянина не могла переварить такого момента, и на этой почве создавались недовольства, внешне выражающиеся в ряде местных восстаний»²³.

В 1924 г., анализируя экономическую политику последних лет, О. Ю. Шмидт говорил об одном из основных ее противоречий, приведших страну к тупиковой ситуации: «...экономическая политика была направлена на восстановление сельского хозяйства, мы отказались от продразверстки, а сельское хозяйство все-таки не развивается, так как в крестьянском хозяйстве товары только накапливались, обесценивались, а продукты городского производства дорожали». Образовалось такое несоответствие между производством промышленных и сельскохозяйственных товаров, которого еще никогда не было. «В таком положении крестьянское хозяйство и сейчас, — подчеркивал Отто Юльевич, — курс в пользу крестьянства, а результаты не в его пользу». И он делает вывод: «Политика Советской власти потерпела фиаско, так как несомненное противоречие налицо»²⁴.

Не менее губительной для экономики того времени оказалась и попытка правительственных органов проводить продовольственную политику через кооперацию. Она рассматривалась только как распределительный аппарат Наркопрода. «Против старейшей в стране, богатой самоуправ-

---

²¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 87. Л. 6.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.

ленческими традициями потребительской кооперации, — пишет И. Н. Буздалов, — были, по существу, приняты чрезвычайные меры огосударствления с функциями административного распределения ее органами продуктов, прежде всего продовольствия, и выполнения этими органами тех же административных предписаний государства. Более того, под эту огосударвленную кооперативную систему начала подводиться своеобразная теория “потребительских коммун”, которая трактовалась чуть ли не как основа хозяйственной базы социализма»²⁵.

О. Ю. Шмидт
(1920-е годы)

В личном архиве Отто Юльевича долгие годы хранился первоначальный проект декрета Совнаркома о потребительских коммунах (позднее переименованных в рабоче-крестьянские общества), над которым он работал, с поправками и добавлениями В. И. Ленина²⁶. Декрет был принят СНК 20 марта 1919 г. Согласно декрету, кооперация была подчинена Народному комиссариату продовольствия. Во всех городах и сельских местностях потребительская кооперация объединялась в распределительный орган — Потребительскую коммуну.

Отто Юльевич писал, что «целью декрета 20 марта было осуществление тех организационных форм, в которых созданный кооперативным движением капиталистической эпохи аппарат мог бы продолжать нести полезные функции и принять на себя определенную часть хозяйственных заданий государства, в том числе все дело распределения продуктов»²⁷.

Выполняя поручение правительства и лично В. И. Ленина, О. Ю. Шмидт в течение всего 1919 г. работал над претворением в жизнь этого декрета. В апреле 1919 г. Отто Юльевич был назначен представителем СНК во Времен-

²⁵ Буздалов И. Н. Возрождение кооперации. М.: Экономика, 1990. С. 9.

²⁶ Документ передан в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См.: Новые документы В. И. Ленина // Вопр. истории КПСС. 1958. № 1. С. 100—106.

²⁷ Шмидт О. К годовщине декрета о рабоче-крестьянских потребительских обществах // Экон. жизнь. 1920. № 61. 20 марта.

ном правлении Центросоюза, являвшемся хозяйственным центром всех союзов потребительских коммун. Мандат о назначении О. Ю. Шмидта подписал В. И. Ленин²⁸. Отто Юльевич вошел в состав комиссии по реализации декрета. Многие инструкции, положения, циркуляры создавались непосредственно О. Ю. Шмидтом. На заседаниях коллегии Наркомпрода Отто Юльевич выступал с обстоятельными докладами о состоянии дел на местах, куда он часто выезжал, о порядке и ходе выполнения декрета.

В многочисленных своих выступлениях в периодической печати Отто Юльевич активно поддерживал потребительскую кооперацию, предлагал реорганизовать потребительские общества в потребительские коммуны, поручив им дело распределения продуктов²⁹. Выступая за скорейшее создание «планомерно построенного распределительного аппарата», О. Ю. Шмидт считал недопустимым вмешательство местных Советов («советского аппарата») в его деятельность³⁰.

В годовщину декрета о рабоче-крестьянских потребительских обществах О. Ю. Шмидт подводил итоги сделанного за год. Он писал, что декрет никакой революции не произвел. В жизнь он «проводился с чрезвычайной осторожностью, диктовавшей всей сложностью обстановки и поставленных целей. Акушеры новой кооперации не форсировали ее родов, а, напротив, старались приложить много тщания и искусства, чтобы сделать появление на свет новой хозяйственной формы безболезненным и надлежаще подготовленным. ...Год спустя оппозиции уже не слышно. Мы не смотрим на кооперацию, как на то яйцо, из которого именно и получится социализм, но видим в ней высокоценную форму, которая еще долго будет полезна»³¹. Главная задача декрета, по его мнению, состояла в том, чтобы сделать кооперативный аппарат совершенным и не допустить ошибки при его создании и совершенствовании. «Одной из ошибок, которая может быть совершена,— это огосударствление кооперации. Я один из авторов декрета и участник заседаний Совнаркома, где он проводился, я заявляю, что этой идеи не было.

---

²⁸ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 74. Л. 1.

³⁰ Шмидт О. Ю. Потребительские коммуны и кооперативное строительство // Бюл. Нар. комиссариата по продовольствию. 1919. № 1(21). 7 мая.

³¹ Шмидт О. Ю. К годовщине декрета о рабоче-крестьянских потребительских обществах.

Не знаю, скоро ли дойдет жизнь населения до полного социализма, но мы можем сказать, что в деле распределения мы уже доходим до него. Надо смотреть правде прямо в глаза и точно сознавать, что то, что есть, всегда встречает недоверие со стороны всех, кто привык к другому порядку... Со стороны кооператоров мы слышим общее недовольство, вполне понятное, ибо то дело, которое они строили много лет, как-никак меняет свой облик в результате всей русской истории, войны и обеих революций.

Советская власть должна взять в этом деле всю власть, действовать совершенно быстро и использовать все те аппараты, которые были созданы, исходя из того, что было много создано такого, что может сохраниться после реорганизации... Всеобщее кооперирование, ставшее фактом, теперь становится общим организационным принципом и становится законом»³².

В высказываниях О. Ю. Шмидта наблюдается непоследовательность и противоречивость. Понимая, что огосударствление кооперации недопустимо, он вместе с тем ратует за скорейшее создание «распределительного аппарата», полностью подчиненного Центросоюзу, что вскоре и произошло.

26 января 1920 г. состоялось совещание по вопросу о кооперации, в котором участвовали В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Бухарин, С. С. Каменев, И. В. Сталин, Н. Н. Крестинский, А. Д. Цюрупа, Н. П. Брюханов, О. Ю. Шмидт и др. Обсуждался вопрос об объединении различных видов кооперации. Отто Юльевич выступил с докладом «О роли кооперации»³³, где подробно изложил свою точку зрения на перестройку старой кооперации, подчеркнув, что Советская власть и РКП декретом Совнаркома от 20 марта 1919 г. осуществили реорганизацию хозяйственного аппарата, поставив работу кооперации под определенный контроль государственных органов. Он отметил, что в данный момент на кооперацию необходимо смотреть как на особую форму советского строительства, «приспособленную к вовлечению широких масс населения в дело осуществления хозяйственных задач как в деле распределения (в первую очередь), так и в деле заготовок»³⁴.

Главной задачей партии, считал Отто Юльевич, является «дальнейшее овладение кооперацией путем увеличе-

---

³² Докл. председателя кооперативной комис. Компрота т. Шмидта О. Ю. на Всерос. совещ. представителей кооперотделов при губпродкомах // Бюл. Нар. комиссариата по продовольствию. 1919. № 18(38). 27 авг.

³³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 89. Л. 4—5.

³⁴ Там же. Л. 4.

ния партийного влияния во всех кооперативных организациях, с одной стороны, и путем слияния с потребительской кооперацией всех других видов кооперации (кредитной, с.-х. и т. д.) — с другой»³⁵. О. Ю. Шмидт представил этому совещанию проект нового декрета Совнаркома о кооперативных организациях и проект постановления о ликвидации Совета кооперативных съездов³⁶.

В проекте отмечалось, что кооперативные объединения, созданные широкими массами, при правильной постановке дела могут быть «лучшим техническим аппаратом» для решения государственных задач в области заготовок и распределения продовольственных и других продуктов сельского хозяйства. Однако существовавшие в то время кооперативные организации не могли обеспечить результативную работу в такой ответственный момент.

Декрет, принятый 20 марта 1919 г., положил начало перестройке потребительской кооперации. Декрет обязывал устранить указанные недостатки, завершить кооперативное строительство. В этих целях в проекте предлагалось слить кооперативные объединения всех видов, «обнимающие одинаковую или близкую к совпадению территорию»³⁷. Слиянию подлежали кооперативные организации: потребительские, кредитные, сельскохозяйственные, промысловые и др. — все, кроме артельных объединений по определенным отраслям труда несельскохозяйственного характера.

Перед реорганизованными таким путем кооперативными организациями стояла задача заготовки продуктов сельского хозяйства под контролем государственных учреждений.

Частное совещание по предложению В. И. Ленина приняло решение внести 27 января в СНК проект декрета не о слиянии коопераций, а о завершении объединения всех видов коопераций, переработав предложенный О. Ю. Шмидтом проект таким образом, чтобы «отношение к местной непотребительской кооперации производственного типа было наиболее осторожно, а Совет кооперативных съездов был уничтожен в кратчайший срок»³⁸.

Предложенный О. Ю. Шмидтом проект лег в основу декрета от 27 января 1920 г. о завершении объединения всех видов коопераций. Существовавший до того особый

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Д. 95. Л. 7.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Ленин В. И. Проекты постановлений и директивы о кооперации // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 74.

общекооперативный центр Совета всероссийских кооперативных съездов и его местных органов — губернских советов всероссийских съездов ликвидировался.

Принимались декреты, решались вопросы о судьбе кооперации, но дискуссии среди теоретиков не прекращались. «По мнению одних, — писал Отто Юльевич, — кооперативное движение с момента революции утратило смысл и созданные им кооперативные организации должны более или менее быстро совершенно раствориться в советских организациях. По мнению других, кооперация содержит в себе вечные элементы социалистического строя и после и во время социальной революции не только не должна свертываться, а, наоборот, призвана к максимальному развитию как основа того светлого будущего, которое наступит после исчезновения классовой диктатуры и государственной власти»³⁹.

О. Ю. Шмидт твердо отстаивал необходимость дальнейшего развития кооперативного движения. Он писал: «Кооперация — организационная форма, унаследованная нами от капитализма, но принесшая с собой крупный аппарат, строение которого не противоречит нашим ближайшим задачам, а иногда прямо способствует их наиболее легкому разрешению. Отбросить подобную вспомогательную силу было бы диким легкомыслием...»⁴⁰

21 апреля 1920 г. на заседании Главного комитета по кооперативным делам, где присутствовали все члены этой организации (Н. П. Брюханов, С. П. Серeda, В. Н. Яковлева, О. Ю. Шмидт, А. М. Лежава, В. Н. Ришар, А. С. Кунина), обсуждался и был принят проект Положения о порядке слияния кредитной кооперации с потребительской, предложенный О. Ю. Шмидтом. Суть Положения сводилась к тому, что союзы кредитных и других товариществ «немедленно» должны объединиться с потребительскими на правах их секций, согласно изданным в развитие декрета от 20 марта Положению о смешанных союзах и Инструкции по образованию непотребительских секций, которые впредь будут регулировать жизнь этих секций. Заслушав предложения О. Ю. Шмидта, Комитет по кооперативным делам принял решение: во исполнение параграфа первого декрета Совнаркома от 27 января 1920 г. кредитно-кооперативные организации, кредитные и ссудосберегательные товарищества и их союзы сливаются с потребительско-коо-

³⁹ Шмидт О. Роль кооперации в ближайшее время // Экон. жизнь. 1920. № 60. 18 марта.

⁴⁰ Там же.

перативными организациями⁴¹. По сути, произошло полное объединение всех видов кооперации в одном государственном учреждении — Центросоюзе. Отто Юльевич писал, что в общем и целом «кооперация не справилась с возложенной на нее задачей, но это было самое лучшее, что могло сделать государство; не было такого аппарата, которому можно было бы поручить дело распределения, тем более в момент острого кризиса, когда требовалось не только распределение организованное, поддающееся учету как государства, так и самого населения, и, следовательно, аппарат, взявший на себя это дело, должен был пользоваться известным доверием как со стороны государства, так и со стороны населения, а это если не в полной мере, но все же значительно больше, чем кто-либо другой, имела кооперация»⁴².

В 1922 г. с разрушением саморегулирующегося свободного рынка и предпринимательства, с переходом к новой казенной системе кооперация бесславно закончила свои дни, утонув в недрах нарождавшегося административного аппарата. А наиболее активные кооператоры, в основном выходцы из интеллигентных кругов, подверглись травле и высылке за пределы страны, что явилось, по справедливому замечанию В. Костикова⁴³, «как бы прелюдией до последовавшего в конце двадцатых годов полного разгрома кооперативного движения».

После недолгой работы в Центросоюзе в апреле 1921 г. О. Ю. Шмидт вновь переходит в Наркомат финансов, членом коллегии которого был назначен. 20 апреля В. И. Ленин подписал удостоверение о новом назначении О. Ю. Шмидта. С августа он возглавил налоговое управление.

Тревожной выдалась весна 1921 г. Страна переходила к новой экономической политике, предполагавшей укрепление связей с крестьянством на хозяйственной основе, развитие товарооборота и укрепление смычки города с деревней. Все это требовало коренной реорганизации финансовой системы, проведения необходимых реформ. В этих целях была создана финансовая комиссия, впоследствии оформившаяся как комиссия Совнаркома. О. Ю. Шмидт вошел в ее состав. Он сразу же активно включился в работу, приняв участие в подготовке и проведении через СНК декретов о платности услуг государства и о новых налогах.

⁴¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 94. Л. 3, 5.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 8.

⁴³ Костиков В. Изгнание из рая // Огонек. 1990. № 24. С. 15.

В 1921 г. О. Ю. Шмидт возглавил созданный в составе Наркомфина в конце 1919 г. Институт экономических исследований. Научное освещение и решение важнейших финансовых задач, разработка конкретных мероприятий, освещение общего положения народного хозяйства страны — вот важнейшие задачи, составлявшие основу деятельности названного института. Проведенный О. Ю. Шмидтом глубокий анализ состояния финансовой системы до сих пор не утратил своей актуальности. В период нэпа задача государства, по мнению Отто Юльевича, заключалась во всемерном укреплении своей части хозяйства при одновременном покровительстве частному хозяйству, что обязывает заботиться прежде всего о денежной системе, удобной для развития названного хозяйства.

В условиях рыночной экономики «бухгалтерия государства» наконец будет учитывать расходы и доходы не в каких-либо «теоретических единицах», а в реально существующей на рынке денежной единице.

На фоне новой экономической политики сосуществование государственного хозяйства с частным выдвигало и новую экономическую задачу, сформулированную Отто Юльевичем следующим образом: «Достижение выгоды для государства во взаимоотношениях с частным хозяйством, откуда берет начало принцип платности и стремление к коммерчески безубыточной постановке государственных предприятий»⁴⁴. Восстановление доходности государственных предприятий, по мнению Отто Юльевича, являлось самым важным в налаживании бюджета в условиях рыночной экономики: «Пока же мы ведем наши предприятия убыточно, до тех пор делать наш рубль ответственным за это не годится. Если наши предприятия будут доходными, то и финансовая политика будет облегчена»⁴⁵. И здесь он видит выход в сокращении нерентабельных предприятий, в сосредоточении усилий на лучших, превращении их в основной источник дохода «вместо главной расходной статьи, какой они стали в годы разрухи».

Впоследствии Отто Юльевич неоднократно возвращался к вопросу об убыточности отечественных промышленных предприятий, видя главные причины ее в невероятной изношенности оборудования, нехватке квалифицированных рабочих, некачественном сырье. «Раньше каждая фабрика закупала сырье в определенном месте,— писал он,— а сейчас торговые связи нарушены... Ясно, что при таких ус-

⁴⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Д. 166. Л. 1—4.

ловиях нельзя рассчитывать, что наша промышленность будет окупать себя. Нужно создавать прежде всего рынок, спрос и интерес к своим изделиям, так всегда делали предприятия частной инициативы, которые торговали первое время в убыток, чтобы создать себе имя и приобрести покупателей»⁴⁶.

«Уравновесить бюджет страны,— писал Отто Юльевич,— можно также путем сокращения расходов на управление и оборону, разбухших канцелярий, которое компенсируется улучшением положения служащих, лишних аппаратов»⁴⁷.

Отто Юльевич интересовался и вопросом о доходах. Если раньше государство, стремившееся быстро охватить все народное хозяйство, могло не заботиться о поступлении денежных доходов, то в условиях нэпа, допускающего длительное существование частновладельческой стихии, государство «не только организация охраны всего хозяйства страны», но и конкурент частного хозяйства, вступающего с последним в экономические сделки. Отсюда прежде всего вытекает принцип платности за все кредиты, отпускаемые государством частному хозяйству, и за все услуги, оказываемые ему. «Размер самой платы,— по мнению О. Ю. Шмидта,— должен гарантировать безубыточность хозяйственной деятельности государства и давать излишек, доход на покрытие необходимых нехозяйственных расходов (управление, оборона)»⁴⁸.

Прямые сборы и налоги служат той же цели. Отто Юльевич отмечал, что увеличение цен — это уже тот путь косвенных налогов, на который вступила страна. Налоги автор дифференцирует в соответствии с конкретными условиями времени, считая, что при нэпе, скажем, подходящий налог неприменим, а нужно прибегать к более мелким (промысловым), косвенным (например, на вино), платности услуг. Но наиболее надежный источник крупных доходов, по его мнению,— национализированная промышленность, изделия которой должны продаваться по ценам выше себестоимости, осуществляя тем самым особый вид косвенного обложения.

Интересны мысли О. Ю. Шмидта о распределении доходов, где он говорит о том, что значительную часть их необходимо предоставлять местам «как в смысле определения видов и размеров их, так и в смысле самостоятельного

---

⁴⁶ Там же. Д. 98. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 9.

⁴⁸ Там же. Д. 175. Л. 8.

расходования. Проводимый повсюду принцип децентрализации инициативы должен привести к восстановлению местных средств⁴⁹.

Конструктивные предложения О. Ю. Шмидта о взаимоотношении государства с частным хозяйством предельно актуальны и сейчас, когда страна вновь пытается перейти на рыночную экономику: «Давая свободу частному обороту, государство не должно стеснять свободы передвижения денег... Поскольку государство заинтересовано в развитии некоторых сторон частного хозяйства, оно должно, в особенности в первое время, помочь ему кредитом»⁵⁰. В первую очередь кредит должен быть предоставлен кооперации, и из безвозвратных субсидий он должен постепенно превращаться в срочные ссуды, погашаемые в полной стоимости с учетом прошедших изменений в ценности рубля. Кредитные взаимоотношения государства с кооперацией таким образом приобретают вновь «коммерческий» характер.

Отто Юльевич писал: «В изложенных тезисах, охватывающих отражение новой экономической политики в различных финансовых вопросах, может поразить малочисленность “социалистических” лозунгов и близость к обычной практике буржуазных государств. Эта близость не должна нас смущать, раз мы переходим к признанию и установлению государственного капитализма. Однако нельзя и преувеличивать этой близости»⁵¹.

Работая над финансовыми проблемами, О. Ю. Шмидт впервые в отечественной экономической науке сделал попытку исследовать закономерности эмиссионного процесса. Представляет большой интерес его статья «Математические законы денежной эмиссии»⁵². Ее опубликованию предшествовал доклад Отто Юльевича в Коммунистической академии 23 ноября 1922 г.

В статье и докладе Отто Юльевич поставил перед собой трудную задачу первопроходца: «Законы денежной эмиссии теоретически очень мало изучены. Экономическая наука прошлого периода ограничивалась описанием вреда, проистекающего от эмиссии, да легкими советами, как после прекращения эмиссии восстановить “нормальную” денежную систему.

---

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 9.

⁵¹ Там же. Л. 10.

⁵² Шмидт О. Ю. Математические законы денежной эмиссии // Вестн. Ком. акад. 1923. Кн. 3. С. 85—99.

Эти исследователи смотрели на эмиссию как на переходящую тяжелую болезнь народного хозяйства, но патологией этого явления не интересовались.

Между тем большим государствам не раз приходилось много лет жить в условиях эмиссии. Самым знаменитым примером — до нашей эпохи — была французская революция, в течение которой бумажные деньги оказались обесцененными в 300 раз. Советская Россия показала пример гораздо более изумительный: эмиссия привела к падению рубля в 10 000 000 раз, не вызвав тем не менее государственного банкротства...

Несомненно, что мы не должны в период эмиссии приостанавливать теоретической работы до восстановления рубля. Период эмиссии длится долго, за это время проводятся крупнейшие реформы, происходят колоссальные сдвиги в народном хозяйстве. Нельзя не поставить себе задачи изучения законов эмиссии как для лучшей ориентировки в современности, так и для большей обоснованности мероприятий по стабилизации денежной единицы.

...Русская эмиссия... изучению еще не подвергалась.

Наше небольшое исследование посвящено одной стороне задачи. Мы делаем попытку применить к эмиссии те приемы и методы, которые усвоены математической физикой. Исходя из убеждения, что такие массовые явления, как, например, цены во время эмиссии, несмотря на большие колебания отдельных сделок, подчиняются в общем и среднем законам, доступным точному изучению, мы ставим себе задачей обнаружить в форме точных математических законов зависимость эмиссии от тех или иных факторов, и в первую очередь зависимость величины эмиссии от времени, характер того неизменного непрерывного роста эмиссии, который мы наблюдали»⁵³.

Анализ эмиссии в разные периоды развития хозяйственных форм, попытка путем применения математического метода установить закон денежной эмиссии вызвали острую дискуссию. В ней участвовали нарком финансов Е. А. Пресображенский, В. А. Базаров, Л. Н. Крицман, Ш. М. Дволайцкин и Ю. Ларин. По сути, дискуссия явилась первым обсуждением применения математического метода в советской экономике⁵⁴.

С резкой критикой концепции О. Ю. Шмидта выступил Е. А. Преображенский, назвавший доклад Отто Юльевича

---

⁵³ Шмидт О. Ю. Математические законы денежной эмиссии // Экономика и матем. методы. 1989. Т. 25, вып. 1. С. 47—48.

⁵⁴ Из творческого наследия О. Ю. Шмидта // Там же. С. 46.

«сплошным парадоксом». «Математическое объяснение фактов и величин» он считал более грубым методом в сравнении с экономическим анализом. По его мнению, основная ошибка Отто Юльевича — в предпосылках, в частности неверна гипотеза о том, что государство приобретает с помощью эмиссии постоянную долю товаров, находящихся на рынке⁵⁵.

В. А. Базаров считал, что теория О. Ю. Шмидта правильна и его уравнения заслуживают самого серьезного внимания теоретиков. Но в целом эта теория имеет мало отношения к волнующей наших финансистов реальной действительности: «Я хочу сказать, что она не дает и не может дать никаких практических ценных указаний эмиссионной деятельности Наркомфина, чем, однако, ничуть не подрывается ее теоретический интерес»⁵⁶. Впоследствии В. А. Базаров писал в одной из своих статей: «О. Ю. Шмидт подошел очень близко к формулировке основной закономерности денежной эмиссии, но, слишком рано осложнив проблему произвольной гипотезой и слишком быстро поверив в правильность этой гипотезы, он вывел закон, который, по-видимому, является функцией не каких-либо реальных процессов, а исключительно тех масштабов и приемов измерения, какие применялись автором»⁵⁷.

С течением времени В. А. Базаров, справедливо критиковавший О. Ю. Шмидта, сам стал использовать в своих работах формулу экспоненциального роста эмиссии, давая ей самостоятельное доказательство⁵⁸, «которое, впрочем, содержит математическую ошибку»⁵⁹. В выступлении Л. Н. Крицман подчеркивал, что задача состояла в том, чтобы объяснить эмиссию, понять ее как факт, исходя из объективных данных; «я считаю, что т. Шмидт в этом отношении сделал полезное дело, за которое мы должны быть ему благодарны»⁶⁰. Известный экономист — математик Е. Е. Слуцкий считал справедливым шмидтовский «закон денежной эмиссии»⁶¹.

⁵⁵ Прения по докладу О. Ю. Шмидта // Вестн. Ком. акад. 1923. Кн. 3. С. 262.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Базаров В. А. К методологии изучения денежной эмиссии // Там же. Кн. 4. С. 69.

⁵⁸ Базаров В. А. О восстановительных процессах вообще и об эмиссионных возможностях в частности // Экон. обозрение. 1925. № 1.

⁵⁹ Из творческого наследия О. Ю. Шмидта. С. 46.

⁶⁰ Прения по докладу О. Ю. Шмидта. С. 272.

⁶¹ Слуцкий Е. Е. Математические заметки к теории эмиссии // Экон. бюл. Конъюнктурного ин-та. 1923. № 11/12. С. 53.

Дискуссии о применении математики в экономике продолжались и в конце 20-х — начале 30-х годов, но об этом упоминается в разделе о деятельности О. Ю. Шмидта в Коммунистической академии. А здесь уместно привести оценку работы Отто Юльевича «Математические законы денежной эмиссии» нашими современниками. Журнал «Экономика и математические методы» пишет об этом: «Ему не удалось открыть закон денежной эмиссии. Предпосылки модели были спорные, выведенная формула отражала лишь тот факт, что в среднем темп эмиссии рос от периода к периоду. Причина этого роста — в нарастании расходов Советского государства, покрываемых эмиссией, и в том, что обеспечение денег само было стимулом для еще большей эмиссии. Тем не менее в статье О. Ю. Шмидта впервые в советской экономической науке сделана попытка исследовать закономерности этого процесса. В ней выведена формула, в которой экономический показатель имел постоянный темп роста»⁶².

Со временем работа О. Ю. Шмидта была забыта. Он больше не применял математику в экономике.

Наряду с теоретическими исследованиями в области финансовой политики О. Ю. Шмидт, руководя налоговой работой Наркомфина, принимал непосредственное участие в проведении финансовых мероприятий в стране. Он активно работал над финансовыми реформами, готовил проекты решений, выступал с обстоятельными докладами, обобщал опыт работы по многим трудным и неясным вопросам финансового дела.

В начале 20-х годов О. Ю. Шмидт работает не только в государственных структурах, связанных с экономикой. Он участвует в осуществлении программы культурного строительства и преобразования духовной жизни общества, в организации народного просвещения.

---

⁶² Из творческого наследия О. Ю. Шмидта. С. 47.

На ниве просвещения

Перестройка школьного образования

Решение культурно-просветительных задач Отто Юльевич связывал с работой по созиданию народного хозяйства, с возрождением экономики страны, развитием профессионально-технического образования в стране, об организации

которого вопрос стоял очень остро. В резолюции II Всероссийского съезда профсоюзов (23 января 1919 г.) профессиональное образование выделялось как одно из важнейших направлений в системе народного образования. В мае 1919 г. коллегия Наркомпроса РСФСР утвердила Декларацию о задачах профессионально-технического образования в России. Секция профессионально-технического образования Наркомпроса РСФСР¹ преобразовывалась в Главный комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр), создание которого было оформлено декретом СНК от 29 января 1920 г.

В «Юбилейном сборнике» возникновение Главпрофобра связывается с необходимостью усиления «аппарата по подготовке квалифицированной рабочей силы» и с деятельностью в этом направлении комиссии Л. Д. Троцкого, созданной на рубеже 1920—1921 гг. «как основы планового хозяйства». Комиссия закончила свои труды проектом создания двух новых органов — Главпрофобра и Главкомтруда². В состав Главпрофобра вошли О. Ю. Шмидт, О. Г. Аникст, Ф. В. Ленгник, В. Г. Козелев, А. И. Скворцова. Главпрофобр был признан общесоюзным центром, руководящим работой аналогичных организаций Украины, Туркестана и др., для связи с которыми создавался организационный отдел. Важнейшей задачей Главпрофобра являлось практическое осуществление подготовки профессионально-технического образования среди рабочих и крестьян для промышленности.

По предложению В. И. Ленина Отто Юльевич был назначен членом коллегии Наркомпроса и заместителем председателя Главного комитета профессионально-технического образования.

Придавая большое значение перестройке отечественного просвещения, школьного и вузовского образования. О. Ю. Шмидт занимался вопросами организации методической работы, разрабатывал постановления о типах и уклонах средней школы, о роли и значении профессионально-технического образования, готовил квалифицированных специалистов в высших учебных заведениях. В архиве От-

¹ Секция профессионально-технического образования Наркомпроса РСФСР была образована в ноябре 1918 г. на базе созданного в октябре 1918 г. отдела реформы профессионально-технического образования. Она была, по существу, первым административным органом, взявшим в свое ведение всю сеть профессиональных учебных заведений. См.: Культурное строительство в СССР, 1917—1927. М.: Наука, 1989. С. 305.

² Профессионально-техническое образование в России за 1917—1921 гг. // Юбил. сб./Под ред. О. Г. Аникст. М.: Госиздат, 1922. С. 9.

то Юльевича хранятся многочисленные проекты декретов об учебных и научных учреждениях, в создании которых он принимал участие, а сохранившиеся записи представляют большой интерес и сегодня. Главпрофобр, по определению Отто Юльевича, призван осуществлять часть общего хозяйственного плана страны, а именно воссоздание квалифицированной рабочей силы. Однако его деятельность не ограничивается согласованностью только с общим планом ВСНХ, но во всей своей работе Главпрофобр тесно связан с производственными органами, учитывает их нужды.

Шмидтовская концепция перестройки просвещения в стране нашла свое отражение в первом плане Главпрофобра на 1920 г.³ Отто Юльевич прежде всего определил здесь задачи Главпрофобра, подчеркивая, что этот орган, концентрируя у себя лишь общее руководство, будет действовать по принципу децентрализации, поощряя инициативу всех проявляющих ее организаций. Не ограничиваясь согласованием с общим планом ВСНХ, Главпрофобр должен во всех «элементах» своей работы находиться в непосредственной тесной связи с производственными органами. Для подготовки разного рода квалифицированных специалистов (инструкторов, мастеров, техников, инженеров узкой специальности) наиболее жизненным типом учреждений, особенно для провинции, по мнению О. Ю. Шмидта, оказались техникумы, являющиеся постоянной школой инженеров и одновременно центром для всевозможных курсов по разным специальностям и квалификациям. «Необходимо покрыть всю Россию сетью таких техникумов в соответствии с экономическими условиями каждого района,— писал Отто Юльевич.— В 1920 г. должно быть положено начало этому делу в виде учреждения техникумов по основным специальностям в крупнейших центрах провинции и в Петрограде, с одновременным пересмотром существующих (в частности, в Москве) и закрытием нежизнеспособных»⁴.

Особо в плане стоял вопрос об организации технического образования в средней школе и о «сообщении» профессиональных знаний подросткам. Отто Юльевич выступил за развитие школ с профессиональным уклоном. «Ряд практических (нужды хозяйства в ближайшие десятилетия) и теоретических соображений,— подчеркивал О. Ю. Шмидт,— заставляют Главпрофобр не довольствоваться политехническим образованием юношества, а стре-

³ См.: Культурное строительство в РСФСР, 1917—1927 гг. М.: Сов. Россия, 1983. Т. 1, ч. 1. Док. и материалы: 1917—1920. С. 187.

⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 103. Л. 3.

Удостоверение О. Ю. Шмидта — члена коллегии Наркомпроса (1924 г.)

миться к созданию различных форм школ с профессиональным уклоном и серьезным изучением определенной специальности»⁵. При этом предусматривались школы с разным техническим уклоном: школы-фабрики, школы при фабриках с заводским ученичеством, школы при фабриках без ученичества, школы вне фабрик, пользующиеся фабрикой для практических работ, и, наконец, школы с собственными промышленными мастерскими. Указанные школы предполагалось создавать в местах, где имелись «фабрично-производство и промышленный пролетариат».

Ратуя за профессиональное обучение, Отто Юльевич видел в этом острую необходимость, так как страна была разорена, отсутствовали профессиональные кадры для ее возрождения. Он считал, что, только обрета постоянную специальность, человек способен дальше углублять свои знания. И тогда уже можно говорить о политехническом образовании, более широкой системе обучения, при которой учащиеся теоретически и практически знакомятся с основными отраслями производства. Но сначала, по его мнению, необходимо приобрести профессию.

⁵ Там же. Л. 4.

Однако конкретное осуществление задачи строительства новой трудовой школы было чрезвычайно трудным делом, и прежде всего потому, что не было единой концепции у руководящих работников Наркомпроса. Дело в том, что проблема профессионально-технического образования с первых послереволюционных лет широко обсуждалась на съездах, заседаниях, совещаниях. Предметом острой дискуссии она явилась и в начале 20-х годов.

Здесь уместно остановиться на разногласиях, существовавших между работниками Наркомпроса по вопросу о путях развития школы. Так, член коллегии О. Ю. Шмидт занимал особую позицию, отстаивая профессиональное образование. Впоследствии его позиция была подвергнута острой критике, он даже был освобожден от должности в Наркомпросе.

Как уже отмечалось, эту свою идею Отто Юльевич изложил при составлении первого плана создававшегося Главпрофобра. В то время (6—13 апреля 1920 г.) в Москве проходил III Всероссийский съезд профсоюзов. О. Ю. Шмидт поддержал член президиума ВЦСПС и член коллегии Главпрофобра от ВЦСПС В. Г. Козелев, сделавший на съезде доклад «Профессионально-техническое образование». Он-то и положил начало развернувшейся острой дискуссии по этому вопросу. С резкой критикой доклада В. Г. Козелева на заседании культурно-просветительной секции съезда выступила Н. К. Крупская. Отстаивая политехническое образование, она считала, что основные недостатки доклада — это идея узкой специализации и критика трудовой школы. Н. К. Крупская считала, что узкая специализация должна опираться на общее теоретическое и практическое политехническое образование.

Надежда Константиновна выдвинула тезис — труд как метод изучения. Всесторонность изучения трудовой деятельности, по ее мнению, и есть политехнизм. Однако в принятом съездом воззвании содержалась шмидтовская идея развития профессионально-технического образования по всему промышленному фронту. В сообщении об этом на заседании Наркомпроса Н. К. Крупской была добавлена фраза «в порядке государственного принуждения»⁶. В выступлении О. Ю. Шмидта она отсутствует.

Дискуссия на этом не закончилась. В апреле 1920 г. на заседании коллегии Наркомпроса, где шла речь о реформе

---

⁶ *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения: В 6 т. М.: Педагогика, 1978. Т. 2: По поводу тезисов доклада В. Г. Козелева «Профессионально-техническое образование». С. 57

школьного образования, Отто Юльевич выступил с конструктивным докладом, отстаивая свою концепцию. «Противопоставление общего образования профессиональному,— говорил Шмидт,— окончательно стало анахронизмом. В организованном трудовом изучении определенной профессии заключается огромное общеобразовательное содержание, гораздо большее, чем в нынешней книжной школе. Политехническое образование не может служить регулятором, наоборот, только от технического образования мы фактически перейдем к политехническому»⁷. Проанализировав взаимосвязь профессионального образования с технической революцией, он подчеркивал, что закрепление завоеваний политической и социальной революции невозможно без быстрого роста и радикального улучшения технической организации во всех отраслях жизни, особенно в производстве. А техническая революция совершенно невысказима без профессионального образования.

Оппонентами О. Ю. Шмидта выступили А. В. Луначарский и Л. Р. Менжинская, отстаивавшие политехническое образование. Коллегия акцентировала внимание на необходимости проведения критико-аналитического обзора работы Главпрофобра, решения вопроса о соотношении общего и профессионально-технического образования, а также обучения трудовым процессам в школе 2-й ступени.

Отто Юльевичу удавалось проводить свои идеи в жизнь. Состоявшаяся 27—29 апреля 1920 г. первая сессия Совета профессионально-технического образования рекомендовала Главпрофобру РСФСР и Государственному ученому совету утвердить новую схему профессионально-технического образования, предусматривавшую создание учебно-показательных мастерских, профтехшкол (на базе школы 1-й ступени) и техникумов (на базе двух лет обучения в школе 2-й ступени)⁸.

Последователем и сторонником ранней профессионализации, который поддерживал и воплощал в жизнь идеи О. Ю. Шмидта, был нарком просвещения Украины Г. Ф. Гринько. В октябре 1920 г., возвращаясь к вопросу о необходимости выработки единой политики в области просвещения, он послал письмо в Политбюро ЦК РКП(б), коллегиям Наркомпроса и Главпрофобра РСФСР. Письмо, несомненно, представляет большой интерес. Спустя полгода работы на посту наркома просвещения Г. Ф. Гринько сумел выявить главные недостатки и противоречия в руко-

⁷ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 112. Л. 5.

⁸ Культурное строительство в СССР, 1917—1927. С. 314.

водстве страны в целом, указав, что «область советского культурного строительства представляет собой достаточно бесформенное смешение понятий, направлений и точек зрения»⁹. Впоследствии О. Ю. Шмидт охарактеризовал все это как «хаос понятий», царивший у деятелей просвещения. В частности, по вопросу профессионально-технического образования разногласия между Наркомпросом и Главпрофобрм усиливались. Наркомпрос РСФСР стоял на принципиальных позициях, изложенных в декларации о единой трудовой школе, «лишь очень неопределенно дополненной декларацией о профессионально-техническом образовании. Главпрофобр, выросший рядом с Наркомпросом из глубины хозяйственных органов и профсоюзов, неизбежно принужден либо внутренне сужать и идейно кастрировать дело профессионально-технического образования, поскольку рядом с ним существует основное русло культурного строительства; либо претендовать на то, чтобы самому стать этим руслом. Практически вопрос этот так и стоит сейчас в состоянии неустойчивого равновесия»¹⁰, — писал Г. Ф. Гринько. Он отмечал, что Наркомпрос Украины «безоговорочно и практически» считает Укрпрофобр своим «становым хребтом», а профессионально-техническое образование центром тяжести просветительной работы.

Крупнейшие просветительные органы по-разному оценивали роль и место профессионально-технического образования в общей системе культурного строительства. Появлялись статьи, в частности жены Г. Зиновьева З. Лилиной¹¹, объявлявшие настоящую войну профессионально-техническому образованию.

О. Ю. Шмидт продолжал проводить свою линию. К этому времени относится и переписка его с Г. Ф. Гринько, свидетельствующая о том, что их позиции по вопросу профессионального образования во многом сходились.

В октябре 1920 г. О. Ю. Шмидт выступил на второй сессии Совпрофобра в Москве с докладом «О единой трудовой школе и профессионально-техническом образовании». Проанализировав различные взгляды на систему среднего и высшего образования, Отто Юльевич наглядно показал бесформенное смешение понятий и направлений в этой области, отсутствие единства в руководстве этой системой.

---

⁹ Там же С. 103.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ См.: Лилина З. Общее образование или профессиональное образование // Петрогр. правда. 1920. 28 сент.

О. Ю. Шмидт с горечью отметил, что Главпрофобру приходится все время вступать в полемику с отделом Единой трудовой школы Наркомпроса, представители которого усиленно подчеркивают необходимость общего образования до 17 лет, после чего может «наступить специализация». Отто Юльевич считал этот принцип «глубоко нежизненным стремлением», подчеркивая необходимость ввести элементы профессионализма в среднюю школу. По поводу популярности трудового принципа О. Ю. Шмидт говорил: «Нет такого старого педагога, который не увлекался бы трудовым принципом. Это очень удобно. Это отвечает народническим стремлениям, интеллигентскому сближению с народом, при этом возникают всякие сентиментальные мысли о трудовом крестьянстве. Этот лозунг стал чрезвычайно популярным. Он привел или к самообслуживанию, т. е. к несколько пародированному толстовству, или к трудовому ничегонеделанию.

Трудовой принцип осуществлен, только дети ничего не делают»¹². Учитывая острую нехватку квалифицированных рабочих, Отто Юльевич считал, что этот принцип неосуществим в ближайшее десятилетие, так как «вузов хватит только для небольшой части населения, а остальным приходится вступать прямо из средней школы в жизнь. Поэтому, провозглашая этот принцип, мы обеспечиваем лишь интересы меньшинства (практически детей интеллигенции) и остаемся равнодушными к судьбе огромного большинства учащихся»¹³.

Отто Юльевич отмсчал, что было бы совершенно неверно делать выводы, что общеобразовательная школа должна дать законченных специалистов по узкой специальности. Окончательное усвоение определенной специальности достигается только практикой. Выступая за освобождение человека от тяжелого, порабощающего труда путем широкого применения машин, Отто Юльевич с большим негодованием высказывался против всякой технической отсталости: «Для нас труд не есть фетиш. Мы стараемся освободить человечество не только от капитала, но и от тяжелого труда. Мы присутствуем при победе человека над природой, наша техника, весь этот зал с его электричеством, стенографами и т. д.— все это есть победа над косностью природы. Мы в этом видим основную мысль, мы к этому будем идти дальше — освобождать человека от ига труда, а не идеализировать труд, тем болес что масса нашего на-

¹² Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 106. Л. 7—8.

¹³ Там же. Л. 3.

селения к труду достаточно привыкла и приучать ее к этому при помощи школы нечего; и поэтому мы видим здесь чисто барское применение трудового принципа»¹⁴.

Внедрение машин в практику профессионального обучения О. Ю. Шмидт считал первой необходимостью. Машина в его определении служит символом овладения природой. Оставаясь верным принципу профессионализации, Отто Юльевич считал политехническое образование на данном этапе абсурдом хотя бы потому, что вводить в голову ребенка всю сумму индустриальных знаний по всем отраслям и тем самым закрепить и создать целостное мировоззрение невозможно. Между тем, заключал О. Ю. Шмидт, «любопытно и характерно для хаоса понятий, которые существуют у деятелей просвещения, что очень многие принимают эти положения и даже требуют во всех школах индустриализации и охватывающего все виды производства политехнического принципа»¹⁵.

Среди доводов в пользу политехнического образования у оппонентов О. Ю. Шмидта была также ссылка на К. Маркса. Отто Юльевич признавал, что действительно 70 лет назад К. Маркс стоял за политехнический принцип, но, по его мнению, это было ошибкой. Вместе с тем О. Ю. Шмидт подчеркивал, что «ореол Маркса, наше преклонение перед ним от этого не уменьшаются. Маркс нас учит видеть конкретную действительность. И если приложить марксистский метод, то, конечно, нужно идти так, как мы идем; конечно, хозяйство нужно строить на принципе организованного производства и от производства идти к той школе, которая диктуется конкретными задачами хозяйственного строительства»¹⁶. Отто Юльевич тем самым подчеркивал, что марксизм — это не блок знаний, а метод, по которому надо работать, умело применять его, сообразуясь с реальностью.

В условиях переходного периода Отто Юльевич прежде всего ставил интересы народного хозяйства. Он отмечал, что массовая школа непременно должна решать следующие вопросы: «1) выработать вполне развитых людей, владеющих научными методами и способных к социалистическому строительству, и 2) подготовить молодежь к практической работе в этом строительстве»¹⁷. О. Ю. Шмидт создал при Главпрофобре краткосрочные курсы для подготовки

---

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 3.

квалифицированных кадров. Однако это также встретило «колоссальное противодействие и непонимание»¹⁸ руководства отдельных предприятий. Боясь срыва плановых заданий, заводоуправления неохотно отпускали даже 5 % рабочих на курсы. То, что квалифицированная подготовка рабочих непременно повысит производительность труда, не принималось во внимание. О. Ю. Шмидт же был убежден в том, что только профессионально-техническое образование выведет страну из кадрового кризиса, поможет наладить воспроизводство острodefицитной рабочей силы. Но дискуссии продолжались, и по-прежнему не было единого мнения и взаимопонимания среди работников Наркомпроса.

Коллегия Наркомпроса РСФСР создала комиссию для проведения партийного совещания по вопросам народного образования, в которую вошли А. В. Луначарский, Г. Ф. Гринько, М. Н. Покровский, О. Ю. Шмидт, Н. К. Крупская, Л. Р. Менжинская, В. И. Невский. Этому предшествовало письмо Г. Ф. Гринько В. И. Ленину от 29 октября 1920 г., где нарком просвещения Украины изложил свой первоначальный набросок проекта партийного совещания, указав на то, что успех дела будет зависеть от того, «насколько ЦК примет в этом участие с первых же подготовительных шагов»¹⁹. Однако, как писал впоследствии А. В. Луначарский в письме В. И. Ленину (5 января 1921 г.), на совещании «ЦК почти все время блистал отсутствием. Тов. Зиновьев произнес недурную вступительную речь, и затем один раз был и несколько слов сказал Преображенский...»²⁰.

В совещании, состоявшемся 31 декабря 1920 г.— 4 января 1921 г., приняли участие представители Украины, Белоруссии, Туркестана и др. В. И. Ленина на этом совещании не было. По болезни отсутствовала и Н. К. Крупская, тезисы доклада которой о политическом образовании, предварительно рассмотренные В. И. Лениным, были представлены совещанию А. В. Луначарским. Предметом обсуждения стали доклады Отто Юльевича «О задачах профессионального образования» и «О высшей школе», где он излагал свою концепцию перестройки среднего и высшего образования. Одним из центральных вопросов, на котором сосредоточились прения, был вопрос о «базе социального

---

¹⁸ Шмидт О. Воссоздание квалифицированной рабочей силы // Экон. жизнь. 1920. № 242. 29 нояб.

¹⁹ Культурное строительство в СССР, 1917—1927. С. 316.

²⁰ Там же. С. 317.

воспитания — политехническом или профессиональном образовании». За профессиональное (монотехническое) образование особенно активно выступали О. Ю. Шмидт и Г. Ф. Гринько. Против (точнее, за политехническое образование) — А. В. Луначарский. Идею политехнического образования, как известно, отстаивала в своих тезисах и Н. К. Крупская. Борьба велась вокруг шмидтовской линии.

В споре относительно возраста окончания общеобразовательной школы О. Ю. Шмидт и Г. Ф. Гринько стояли за 15 лет, мотивируя свои взгляды соображениями педагогического и социологического характера. Отто Юльевич доказывал, что «интересы производства, интересы хозяйственного строительства властно требуют сокращения так называемой общеобразовательной, на деле чисто словесной, школы и перехода к конкретному, специальному преподаванию сколь возможно рано»²¹. По сути, О. Ю. Шмидт выступил против того положения программы РКП(б), которое декларировало «проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет... широкое развитие профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста в связи с общими политехническими знаниями»²².

А. В. Луначарский, поддержав пункт программы партии, где говорилось, что «общее образование должно доходить до 17 лет, потому что это минимальный возраст, при котором мы можем сделать человека гражданином и коммунистом», считал, однако, возможным в связи с бедностью страны ограничить общее образование 15-летним возрастом²³, т. е. в какой-то мере поддержал О. Ю. Шмидта.

После длительной дискуссии совещание высказалось за шмидтовскую линию. По его докладам была принята резолюция, гласившая: «Основной формой специального образования юношества является техникум (индустриальный, сельскохозяйственный, народного образования и т. д.). Техникум имеет четырехгодичный курс (15—19 лет) и дает законченное образование квалифицированного специалиста-практика (тип инженера определенной специальности). В течение первых двух лет одновременно завершает-

²¹ Из семейного архива О. Ю. Шмидта.

²² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1954. Ч. 1. С. 419—420.

²³ См.: Литературное наследство. М.: Наука, 1971. Т. 80: В. И. Ленин и А. В. Луначарский. С. 225

ся общее образование (в объеме школы 2-й ступени), а по истечении их вновь дается возможность без потери переменить специальность и перейти в высшее учебное заведение прежнего типа с более теоретическим характером. Школа 2-й ступени рассекается: два года вместе с 1-й ступенью образуют Единую трудовую школу социального воспитания, два старших года преобразуются в начальные курсы техникума»²⁴.

А. В. Луначарский сообщил В. И. Ленину об окончании конференции, указав, что в итоге приняты благоприятные резолюции. «Могу сказать,— писал Анатолий Васильевич,— что основная группа Наркомпроса, т. е. я, Мих. Николаевич, Литкенс, Шмидт и отчасти Гринберг, за эту конференцию гораздо больше спаялись, и мы чувствуем себя действительно объединенной группой»²⁵. Позиция О. Ю. Шмидта была осуждена В. И. Лениным. Ознакомившись с материалами совещания, он поставил вопрос в ЦК о приостановке выполнения его решений, касавшихся реорганизации Наркомпроса. В телефонограмме А. В. Луначарскому и Е. А. Литкенсу от 14 января 1921 г. В. И. Ленин писал: «Прошу подтвердить телефонограммой, что резолюции недавнего совещания партработников совещания, резолюции, касающиеся реорганизации наркомата, не проводятся в жизнь, согласно решению ЦК, до рассмотрения этих резолюций в ЦК партии»²⁶.

В заметках на тезисы Надежды Константиновны В. И. Ленин писал, что о политехническом образовании нельзя говорить «абстрактно, для далекого будущего», не учитывая насущной теперешней печальной действительности. Здесь же акцентировалось внимание на политехническом образовании, указывалось на необходимость «избегать» раннюю специализацию. Школа 2-й ступени, ее высшие классы (12—17 лет), по мнению В. И. Ленина, должны выпускать вполне способных и практически подготовленных столяров, плотников, слесарей, «с тем, однако, чтобы этот “ремесленник” имел широкое общее образование...»²⁷.

В. И. Ленин подверг резкой критике взгляды О. Ю. Шмидта и Г. Ф. Гринько: «Гринько, видимо, пересо-

---

²⁴ Шмидт О. В чем суть?: (К полемике о школьной системе) // Правда. 1921. 4 марта.

²⁵ Литературное наследство. Т. 80: В. И. Ленин и А. В. Луначарский. С. 239.

²⁶ Ленин В. И. Телефонограмма А. В. Луначарскому и Е. А. Литкенсу // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 48.

²⁷ Ленин В. И. О политехническом образовании // Там же. Т. 42. С. 230.

бачил до глупости, отрицая политехническое образование (может быть, частью и О. Ю. Шмидт). Исправить это»²⁸. В «Примечаниях» к статье концепция О. Ю. Шмидта охарактеризована следующим образом: «Временную меру, вызванную нищетой и разорением страны, Шмидт пытался возвести в принцип. Выступая в печати против политехнического образования, он ратовал за монотехническое, т. е. за обучение какой-либо одной отрасли производства»²⁹.

Чтобы успешно сочетать учебно-воспитательный процесс с производственным трудом, Отто Юльевич предлагал в последние два года обучения разбить учащихся школ 2-й ступени на специализированные группы (промышленные, сельскохозяйственные, экономические и др.). Это, по его мнению, обеспечило бы подготовку квалифицированных специалистов, так необходимых стране, переживавшей небывалые трудности. Не отрицая в перспективе политехнического образования, О. Ю. Шмидт предлагал все это как временную меру, в связи с тем что школы-техникумы ускоренными темпами должны были готовить специалистов, которые как профессионалы немедленно включались бы в восстановительный процесс разоренной страны.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, острою, порой унижающую его достоинство критику, Отто Юльевич отстаивал свою концепцию, о чем свидетельствует его выступление на совещании представителей школ 1-й и 2-й ступени Москвы в начале февраля 1921 г. Это выступление вновь подверглось критике, на сей раз на страницах газеты «Правда». Инженер-педагог Я. Линник в статье «Новая система народного образования» писал: «Тов. Шмидт бичует старую школу учебы, “вбивает осинный кол в Единую трудовую школу”, говорит о “полном крахе политехнической школы в России” и доказывает необходимость профессионально-технического образования после 15 лет. До 15 лет осуществляется общая школа... а затем юношество поступает в техникум по отдельным специальным отраслям... В речах выступавших чувствовалось недоумение мотивами и аргументацией тов. Шмидта в пользу необходимости построения новой системы народного образования... Зачем докладчику понадобилось говорить, что “труд есть проклятие?”, причем это произносилось без всяких оговорок... Затем выступавшие ораторы совершенно правильно отметили, что докладчик преждевременно хоронит политехническую школу... Дело в том, что идея политехниче-

---

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Примечания. С. 479.

ской школы попросту даже не пропагандировалась в России никем. Ведь нельзя же назвать пропагандой простое упоминание термина политехнической школы в декларации Наркомпроса, нигде и никто не приступал к практическому осуществлению политехнической школы в России»³⁰.

На закрытом заседании коллегии Наркомпроса 18 февраля 1921 г., где обсуждалась статья Я. Линника, О. Ю. Шмидт заявил, что опровергнет его, о чем А. В. Луначарский сообщил В. И. Ленину: «Вчера у нас было заседание коллегии, на котором Шмидт самым категорическим образом заявил, что, как бы ни толковали чрезмерно усердные защитники старой линии Наркомпроса его лекцию, он, по совести, ни одним словом не отступил от директив ЦК и той линии Наркомпроса, которая этими директивами и решениями другими была одобрена. Шмидт обещал не позже воскресенья (завтра) опубликовать в “Правде” основные тезисы своего доклада и категорически опровергнуть Линника.

При таких условиях ни для следствия, ни для выговора не осталось никакого места. Если опровержение Шмидта вызовет протест со стороны Линника, то, конечно, придется разбирать, кто тут врет, до тех пор у нас нет никакого основания не верить заявлениям Шмидта, раз он хочет подкрепить их публично в газете... Повторяю, Шмидт самым решительным образом заявил, что ни в этой своей речи, ни впредь он ни на йоту не думает уклоняться от общей линии»³¹.

А. В. Луначарский в этом же письме послал В. И. Ленину резолюцию закрытого совещания коллегии, рассматривавшего статью Я. Линника. 20 февраля 1921 г. в газете «Правда» Отто Юльевич опубликовал статью «Реформа школьной системы» в ответ на выступление Линника. О. Ю. Шмидт писал о том, что школа революционной России строилась на двух основных принципах — трудовом и политехническом. Педагогическая ценность их и значение столь бесспорны, что оба они были включены в партийную программу. Однако по истечении трех лет революции стало ясно, что оба принципа в жизнь не вошли, школа осталась старой или извратила их «до карикатуры»³². Вступая

---

³⁰ Линник Я. Новая система народного образования // Правда. 1921. 16 февр.

³¹ Литературное наследство. Т. 80: В. И. Ленин и А. В. Луначарский. С. 246.

³² Шмидт О. Ю. Реформа школьной системы // Правда. 1921. 20 февр.

в новый период строительства, отмечал Отто Юльевич, необходимо создать и новую школу, а для этого первым условием является трезвый разбор причин и оценка неудач прошлого. В отличие от начала революции наше время, как писал О. Ю. Шмидт, не может не придать решающее значение требованиям народного хозяйства давать специальность в кратчайший срок. Критикуя существующую трудовую школу, О. Ю. Шмидт отмечал, что здесь труд из средства овладения природой превращался в самоцель. На деле полностью отсутствовала научная организация труда, можно было видеть лишь «пресловутую школу самообслуживания, т. е. мещанскую карикатуру на трудовую школу». Осуществлению политехнической школы в это время мешали объективные условия хозяйственной разрухи, не дававшие возможности перейти на машинное оборудование. Далее О. Ю. Шмидт в который уже раз изложил свою концепцию. Политехническое образование он не отрицал, как это пытались доказать его оппоненты. Повторив все то о возрастном цензе и техникумах, что он уже писал, О. Ю. Шмидт подчеркивал, что именно в «наиболее интересном возрасте» (15—17 лет) юноши должны завершать общее образование в политехнических формах и в тесной связи с хозяйством страны. Он считал, что реформу школы следует проводить с осторожностью и что путем создания сети техникумов удастся осуществить политехническое образование с 15—17 лет в массовом масштабе. Отступить от линии, принятой партийным совещанием, он не собирался, так как не видел расхождений с программой РКП: «Партийная директива устанавливает происхождение реформы из требований хозяйства в условиях разрухи и возрождения. Наша задача — строить ту школу, которая отвечает потребностям переходного времени»³³.

В заключение О. Ю. Шмидт выразил сожаление по поводу того, что «освещение в печати вопросов школьного дела началось с памфлета, якобы передающего один из докладов, сделанных мною для популяризации решений партийного совещания московскому учительству, но на деле представляющего собой злостную клеветническую фантазию». Так он квалифицировал статью Я. Линника.

Резкой критике подвергла выступление О. Ю. Шмидта и Н. К. Крупская: «Про статью Я. Линника О. Шмидт пишет, что это “злостная клеветническая фантазия”. Странно это. Я многократно слышала из уст О. Шмидта заявле-

---

³³ Там же.

ния совершенно аналогичные тем, которые якобы облыжно приписывает ему теперь Я. Линник. И не я одна слышала эти заявления. Впрочем, статья О. Шмидта... сама говорит за себя. Статья эта старается доказать, что трудовая политехническая школа весьма пригодна для украшения программы коммунистической партии, но в жизнь провести ее нельзя и надо поставить на ней крест»³⁴.

В следующей своей статье Н. К. Крупская писала: «Итак, программа партии остается неизменной... а с точки зрения этой программы реформа, проповедуемая О. Шмидтом, совершенно недопустима»³⁵. Категорический тон этой статьи о «недопустимости» иных суждений, кроме утвержденных ранее партийной программой, говорит о том, что плюрализм мнений отдельными представителями Наркомпроса не допускался. Поиск путей перестройки школьного дела был сложен, противоречив, и, как утверждала сама Надежда Константиновна, «на этом пути было сделано много ошибок».

В этой полемике О. Ю. Шмидт остался на своих позициях. 25 февраля 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина принял решение об освобождении О. Ю. Шмидта от работы в Наркомпросе. Однако и после этого дискуссия продолжалась на страницах газеты «Правда». В статье «В чем суть? (К полемике о школьной системе)» О. Ю. Шмидт, отвечая Н. К. Крупской, счел ее доводы необъективными. «Даже наиболее авторитетные партийные товарищи, — с горечью писал Отто Юльевич, — в последнее время злоупотребляют одним приемом полемики: маскировать резкостью личных нападок недостаток деловых аргументов. Очевидно, более молодым членам партии остается только одно — подражать им в этом отношении. Воздержусь и я от соблазна ответить т. Крупской в том же стиле»³⁶.

Здесь О. Ю. Шмидт пытался показать, что он не отступает от программы партии, а старается найти ту форму, при которой возможно ее осуществление, поскольку неудача Единой трудовой политехнической школы совершенно очевидна. «Перед Наркомпросом, — отмечал Отто Юльевич, — встала задача: не отступая от партийной программы и не жертвуя основными принципами школьной политики (трудовой и политехнической), найти ту форму, в которой

---

³⁴ Крупская Н. Реформа школьной системы // Правда. 1921. 23 февр.

³⁵ Крупская Н. Школьная система в Советской Республике // Там же. 8 марта.

³⁶ Шмидт О. В чем суть?: (К полемике о школьной системе).

приступ к осуществлению программы реально возможен»³⁷. В ответ на обвинения Н. К. Крупской в отступлении О. Ю. Шмидта от трудового принципа он именно так, как понимал и воспринимал труд с юных лет, писал: «Странным образом т. Крупская вместо рассмотрения основного факта делает отступления в самые разнообразные области, например защищает от меня трудовой принцип, хотя я его никогда не отрицал, а только боролся с его чисто интеллигентскими извращениями (самообслуживание)»³⁸. Отто Юльевич подчеркивал, что предлагаемая им система перестройки школы — это не его «личная выдумка». Указанная форма известна давно, и он не является ее изобретателем. На Украине эта школьная система была принята еще раньше.

В последнем своем выступлении по поводу шмидтовской линии Н. К. Крупская, цитируя программу РКП в отношении политехнического образования и подчеркивая, что комиссия ЦК резолюцию совещания не утвердила, воскликнула: «Имел ли право Шмидт выступать на совещании учителей г. Москвы против трудовой и политехнической школы? Он не имел права»³⁹.

Так закончился спор между О. Ю. Шмидтом и Н. К. Крупской на страницах «Правды». 7 марта 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина подтвердил постановление предыдущего пленума об освобождении О. Ю. Шмидта от работы в коллегии Наркомпроса. В защиту его выступила О. Г. Аникст — член коллегии Главпрофобра. Ссылаясь на организаторские способности Отто Юльевича и на его человеческие качества, она просила отпустить его в Главпрофобре.

Сочувственные письма О. Ю. Шмидту прислал нарком просвещения Украины Г. Ф. Гринько: «С большим недоумением слежу за той кампанисей, которая поднята в “Правде” от Ленина до Боголепова включительно, — писал Гринько. — Чем объясняется поход против Вас и что он означает?»

...Если это болото и толчение воды в ступе будет дальше продолжаться, я на третьем Всеукраинском совещании вынужден буду снова подымать общие вопросы, вместо того чтобы заниматься практическими задачами. Вы помните, я много раз говорил, что вашему Наркомпросу нужна новая декларация. Как бы Ильич ни ругался, без этого ат-

---

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Крупская Н.* Школьная система в Советской Республике.

мосферы не освежить... Вся эта газетная шумиха производит на меня впечатление глухой провинции, где ничему новому не научишься»⁴⁰.

В следующем письме Г. Ф. Гринько с еще большей тревогой и озабоченностью просит Отто Юльевича сообщить ему подробности его отставки: «В Киеве до меня дошли слухи, что Вы оставили Главпрофобр, о том, что в наших просветительских кругах не все в порядке. Пока попытки реставрировать старое проявлялись только в газетных статьях, большой беды не было. Но если дело дошло до отставок, то нужно быть, по крайней мере, точно проинформированным... Очень прошу Вас прислать мне с надежной оказией самые точные информации о причинах Вашего ухода и о том, в каком положении сейчас находятся основные вопросы просвещения. ...Ваш уход совершенно независимо от всяких личных симпатий или антипатий (после партийного совещания и после газетной кампании) — это крупнейший удар работе. Я уверен, что в губерниях Советской России в области просвещения Ваш уход усилит разброд и бесполовщину, а у нас создаст осторожность. Я убежден, что дело просвещения за все три года переживает сейчас наиболее интересный и наиболее критический момент... Я утверждаю, что идет крупнейшее перерождение наших органов. Их даже нельзя сравнить с тем, что было еще год тому назад. Выросла новая традиция, новым духом веет, и сейчас нужен чрезвычайно сосредоточенный и яркий нажим центра для того, чтобы довершить эту огромную работу. А та склока, которая происходит в Москве, это неумение выкристаллизовать отчетливую и яркую программу подрезывает крылья работникам и тянет их назад в старое болото»⁴¹.

Однако с Наркомпросом Отто Юльевич не расстался, продолжая работать в его системе как член Государственного ученого совета. С 1924 г. он вновь был избран в его коллегию и, возглавляя Главпрофобр, по-прежнему занимался вопросами просвещения.

Со временем деятельность О. Ю. Шмидта в области преобразования школьной системы получила совершенно иную оценку современников. В архиве Отто Юльевича хранится письмо заместителя наркома просвещения НКП РСФСР И. И. Ходоровского от 8 октября 1926 г. Он рассказывает, что в подготовленных им для НК РКИ выводах и предложениях о работе Главпрофобра есть не совсем

⁴⁰ ЦГАОР. Ф. 166. Оп. 1. Д. 891. Л. 9.

⁴¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 118. Л. 2.

удачная фраза, утверждающая, что «в 1920—1921 гг. мы не имели никакого, по существу, дела управления профобразованием. Только в 1921 г. это дело по-настоящему начало строиться»⁴². Далее он подчеркивал: «По всем материалам, которые имеются в нашем распоряжении, видно, что как раз в это время была развернута очень большая и широкая принципиальная работа Главпрофобра, впервые, собственно говоря, после Октябрьской революции»⁴³. Так была оценена деятельность О. Ю. Шмидта в те трудные для него годы.

Реформа вузовской системы

Работая в Наркомпросе, О. Ю. Шмидт не только участвовал в перестройке школы. Он занимался и вузами, изменение системы которых представлялось не менее сложной проблемой. Необходимость реформы высшей школы, а также разработки новой методики преподавания, по мнению Отто Юльевича, была продиктована нуждами народного хозяйства в высококвалифицированных специалистах. Уже в первом плане Главпрофобра отмечалось, что развитие высшей технической школы должно отвечать требованиям жизни. Особые правила предусматривали привлечение в вузы в первую очередь наиболее способных молодых рабочих. Поэтому, став органической частью высшей школы, рабочие факультеты должны в кратчайший срок обеспечить подготовку молодежи для поступления в вузы. Причем в зависимости от квалификации и специальности можно зачислять и на высшие семестры специальных факультетов.

При Наркомпросе реформу высшей школы проводил Государственный ученый совет (ГУС), созданный в феврале 1919 г. В апреле 1919 г. О. Ю. Шмидт был избран членом ГУСа, возглавив научно-техническую секцию. Здесь Отто Юльевич разрабатывал новые методы подготовки специалистов высокой квалификации, проекты декретов и постановлений, направленных на перестройку вузовской науки.

Представляют интерес доклады О. Ю. Шмидта о перестройке высшей школы⁴⁴ и хранящиеся в его архиве тезисы «Массовая подготовка специалистов и подготовка научных работников (типы высшей школы)». «Основная ложь

---

⁴² Там же. Л. 3.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Ист. арх. 1961. № 6. С. 225—226.

старой высшей школы,— писал Отто Юльевич в своих тезисах,— заключалась в претензии давать “строгое научное” образование при полном игнорировании того, что 99 % студентов выходили из школы не на научную работу, а в ту или иную практическую. Благодаря полному отрыву от жизни при этом и сама наука превратилась в мертвую схоластику. Этот порок совершенно губил не только прежние университеты (особенно математический и филологический факультеты), но и царил в других высших учебных заведениях, вплоть до технических... Искореняя этот порок, нельзя, однако, просто превратить высшую школу в чисто практическую, ибо задача подготовки ученых в различных отраслях науки и преподавателей для тех же высших школ есть не менее важная задача, без решения которой и практика немедленно измельчает и останавливает свой прогресс. Правильный выход заключается в принципиальном разделении обеих задач: подготовки массового работника-специалиста и подготовки научного работника-исследователя... Необходимо развивать и те и другие, причем создавать вузы с большой осторожностью лишь там, где имеются научные работники и научные лаборатории, а техникумы создавать возможно энергичнее, где только есть достаточные кадры преподавателей-практиков и практическое оборудование»⁴⁵.

О. Ю. Шмидт выступал также с предложением о необходимости «завоевания высшей школы политически», т. е., во-первых, обеспечить революционное направление ее работы; во-вторых, политически воспитать всех проходящих через школу студентов; в-третьих, использовать высшую школу для создания возможно большего количества специалистов, вышедших из пролетариата⁴⁶. В этих целях он рекомендовал местным организациям откомандировывать как можно больше коммунистов в вузы для получения образования, увеличивать количество рабочих факультетов, вводить во всех вузах преподавание политических дисциплин.

На Всероссийском съезде научных работников в ноябре 1923 г. в докладе о реформе высшей школы О. Ю. Шмидт говорил о переменах в жизни страны и о необходимости в связи с этим перестройки высшей школы. При этом он отметил: «На высшей школе должны особенно отразиться следующие черты нашей эпохи: перемена социального состава студенчества как прямое следствие перехода власти к

⁴⁵ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 121. Л. 1. Политработа в вузах, 1921 г. (Тез.).

пролетариату; ярко выраженный общественный характер всякой работы вследствие преобладающей роли государства в хозяйстве и строительстве всех видов; развитие планового начала в хозяйстве и других отраслях жизни, строжайший учет сил и средств; раскрывающиеся небывалые перспективы в развитии производительных сил, активная направляющая роль государства в этом развитии»⁴⁷.

Впоследствии О. Ю. Шмидт неоднократно выступал с докладами о реформе высшей школы на различных научных съездах и конференциях. Его волновала и проблема издания новых книг для новой школы. «Если школе оставить старые учебники, даже допустить их появление на рынке, — писал О. Ю. Шмидт, — старая стихия затопит многие школы, в которых еще не укрепилось новое. Наоборот, если дать новые учебники, то завоевание школы может пойти сравнительно быстро и безболезненно... Нужен новый учебник, насыщенный содержанием (материализм в природе и истории, революционная роль пролетариата) и имеющий более новые методические приемы... Но новые учебники еще не написаны». И Отто Юльевич задумался над тем, какой путь избрать для скорейшей подготовки новых учебников: «Ждать ли пока они будут написаны? Предоставить школе и вузам питаться остатками старых или дать учебники, хоть частично политически исправленные и обновленные?»⁴⁸

Третий путь оказался наиболее приемлемым, и Отто Юльевич привлек педагогов, профессоров, ученых для подготовки в ускоренном темпе обновленных учебников. В 1922—1923 гг. О. Ю. Шмидт, будучи заведующим Госиздатом, издал целый ряд новых учебников. «Мы знали, — говорил Отто Юльевич, — что нас будут за это ругать, и нас действительно ругали. Тем не менее я убежден; что мы были правы — благодаря этому выпуску в 1922—1923 гг. школьная жизнь воскресла, вновь начались правильные занятия. А теперь, конечно, нужен дальнейший шаг — от компромиссных учебников перейти к действительно новым, вполне отвечающим задачам школы»⁴⁹.

В 1923 г., подводя итоги деятельности научно-технической секции ГУСа, Отто Юльевич отмечал, что новые на-

---

⁴⁷ О реформе высшей школы // Тез. докл. О. Ю. Шмидта на Всесоюз. съезде науч. работников (из личного архива О. Ю. Шмидта).

⁴⁸ Шмидт О. Ю. Учебники для предстоящего учебного года. М.: Госиздат, 1922 (цит. по: Петров Ф. Н. На фронте культуры и науки // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 146).

⁴⁹ Там же. С. 145—146.

учные планы, подготовленные секцией, отражают начало реформы. К тому времени были составлены учебные планы для всех отделений физико-математического факультета и для большинства наиболее распространенных факультетов технической высшей школы.

В соответствии с новыми планами физико-математические факультеты разделялись на пять отделений: математическое, физическое, химическое, биологическое и геолого-географическое. В основу построения учебных планов факультета О. Ю. Шмидтом был положен принцип: студент должен кончать университет подготовленным для практической деятельности по одной из специальностей. Как на физмате, так и во всех вузах в учебных планах наблюдались отказ от многопредметности и стремление конкретизировать подготовку, с тем чтобы общие предметы отвечали потребностям специальности и специализация началась возможно раньше. Принятые планы изменялись и корректировались на местах⁵⁰.

В докладе на 1-й Всесоюзной конференции пролетарского студенчества (15 апреля 1925 г.) О. Ю. Шмидт призвал молодежь принять участие в решении важнейшего вопроса современности — в налаживании настоящей связи с производством. Отто Юльевич считал, что эта связь должна быть не случайной, от времени до времени, а совершенно неразрывной⁵¹.

В 1926 г. Отто Юльевич при обсуждении плана работы ГУСа на открытом заседании коллегии Наркомпроса высказал критические замечания в адрес Центрального бюро Секции научных работников, отметив, что она «не выражает мнения профессуры». Председатель ЦБС профсоюза работников просвещения Л. Коростелев в письме наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому (под грифом «секретно») назвал выступление О. Ю. Шмидта «безответственным и неуместным». «Если и впредь будут продолжаться подобные партизанские наскоки, — отмечалось в письме, — то совместная работа... будет крайне затруднительна»⁵².

Однако в большинстве своем сотрудники Наркомпроса с уважением относились к Отто Юльевичу, советовались с ним, беспокоились по поводу его огромной нагрузки, не дающей возможности заниматься талантливому ученому

⁵⁰ Арх. АН СССР. Ф7 496. Оп. 2. Д. 123. Л. 3—4. Тез. докл. О. Ю. Шмидта «О работе ГУСа» 3 июня 1923 г.

⁵¹ Там же. Д. 127. Л. 3—5.

⁵² Там же. Д. 136. Л. 1.

наукой. Об этом свидетельствует письмо Наркомпроса РСФСР в Секретариат ЦК ВКП(б): «Член коллегии Наркомпроса т. О. Шмидт по своей основной профессии является математиком, научным работником с долголетним стажем. За революционное десятилетие Шмидт не мог достаточно времени отдавать науке, хотя и не прерывал преподавания в вузах. Коллегия Наркомпроса считает очень существенным, чтобы наши крайне немногочисленные партийные ученые не теряли своей специальности. Кадровых ученых по естествознанию и точным наукам у нас всего 2—3 человека, из них на долю Шмидта выпала особенно большая, ответственная работа (в течение десяти лет непрерывным членом коллегий различных наркоматов, не считая другой работы). Мы пользовались нередко при этом научной квалификацией т. Шмидта, чтобы через него установить связь с профессурой»⁵³. В письме содержалась просьба командировать О. Ю. Шмидта за границу. Через некоторое время он выехал в Германию и Австрию для научной работы в области математики.

Следует отметить, что реформирование вузовской науки в направлении «огосударствления», «орабочивания» и политизации вызывало протест научной интеллигенции, выступавшей за независимость науки от политики и идеологии, примат общечеловеческих ценностей над классовыми. Эти принципы отстаивал В. И. Вернадский. В письме И. И. Петрункевичу, видному деятелю либерально-демократического русского освободительного движения второй половины XIX — начала XX в., он писал: «Идет окончательный разгром высших школ: подбор неподготовленных студентов рабфаков, которые сверх того главное время проводят в коммунистических клубах. У них нет общего образования, и клубная пропаганда кажется им истиной. Уровень требований понижен до чрезвычайности — университет превращается в прикладную школу. Политехнические институты превращаются фактически в техникумы. Понижение образования чрезвычайное и объясняется “демократизмом”»⁵⁴.

Работая на ниве просвещения, О. Ю. Шмидт одновременно возглавлял Государственное издательство, где открылась еще одна грань организаторского таланта Отто Юльевича.

---

⁵³ Там же. Д. 140. Л. 1.

⁵⁴ Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 208.

Руководитель Государственного издательства (1921—1924 гг.)

История возникновения Государственного издательства (с 6 апреля 1919 г.) тесно связана с теми задачами, которые ставились отечеством в области развития просвещения и культуры. Отто Юльевич подчеркивал, что у колыбели этого крупнейшего центра культурной жизни страны стоял В. И. Ленин, призвавший для руководства В. В. Воровского — талантливейшего журналиста, превосходнейшего знатока литературы.

В первое время деятельность Госиздата носила в основном пропагандистский характер, хотя В. В. Воровский «старался содействовать и выходу научных сочинений и произведений современной литературы»¹.

С окончанием гражданской войны и переходом страны к новой экономической политике агитационно-просветительные издания необходимо было заменить учебной, научной, художественной литературой.

Заведующим Госиздатом РСФСР по предложению В. И. Ленина был назначен О. Ю. Шмидт. Это вынудило Наркомфин обратиться с письмом к В. И. Ленину. В нем отмечалось, что О. Ю. Шмидт «делом вполне овладел, обладает необходимыми специальными познаниями, пользуется авторитетом в экономических комиссариатах... Можно думать, что новые задачи финансовой политики Республики сейчас в общем итоге важнее Госиздата и что разрушение этой работы в самый острый момент объективно нежелательно»². Пожелания Наркомфина были учтены — О. Ю. Шмидт, утвержденный заведующим Госиздатом, оставался и членом коллегии Наркомфина.

В состав редакционно-планового совета Госиздата входили В. М. Фриче, Ф. Ф. Раскольников, Н. М. Лукин, А. М. Деборин, Ш. М. Дволайцкий, М. А. Савельев; в главную редакцию — А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Д. Г. Рязанов, Н. Л. Мещеряков, М. Н. Покровский, А. Д. Архангельский, В. Ф. Каган, Т. К. Молодой, Э. В. Шпольский и др. «Это был своеобразный “парламент” — вспоминал Н. Н. Накоряков, — определявший не только планы Госиздата, но и планы многих других изда-

¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 425. Л. 12.

² Там же. Д. 163. Л. 12.

тельств, объединяемые в общегосударственный план издания книг в стране»³.

Отто Юльевич придавал огромное значение развитию издательского дела. Он писал: «Книга — хороший плуг, медленно, но верно подымающий пласт за пластом»⁴.

Начало деятельности О. Ю. Шмидта в Госиздате совпало с новым периодом в жизни страны. 1921 год явился поворотным в экономике России. Нэп диктовал свои условия. В жизнь вступал хозрасчет, и это незамедлило сказаться и на книжном деле. Основные положения новой экономической политики в области книгоиздательства нашли отражение в принятом Совнаркомом постановлении от 16 августа 1921 г. «О порядке издания учебников», согласно которому Госиздат получал право передавать издание учебной литературы частнокооперативным издательствам.

Книгоиздание требовало вложения крупных капиталов, но проведение к тому времени национализации и чрезвычайно жесткие меры по ограничению деятельности частных издательств в значительной степени обескровили их. Ни одно издательство, кроме Госиздата, не располагало нужными средствами, чтобы в условиях нэпа вновь возродить свою деятельность. «Поэтому, — заключал Е. А. Динерштейн, — все издатели видели в Госиздате не столько мощного конкурента, сколько естественный центр, определявший издательскую политику страны и поддерживающий их экономически в тех случаях, когда они являлись контрагентами»⁵.

Известный издатель И. Д. Сытин, касаясь причин, толкавших частные издательства на союз с Госиздатом, писал: «Масштаб работы частных издательств крайне незначителен и в сравнении с Госиздатом просто ничтожен. Давая частным издательствам задания на издание книг на контрагентных началах, Госиздат тем самым дает им возможность стать на ноги. Этим одновременно достигается использование богатого опыта старых издателей»⁶.

В октябре 1921 г. молодого руководителя Госиздата Отто Юльевича Шмидта слушали представители областных и губернских отделений на своем Всероссийском съезде. Он резко критиковал деятельность Наркомпроса в области книгоиздательства. «Выражаясь мягко, — говорил От-

³ Накоряков Н. Н. Зачинатель новых путей советского книгоиздательства // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 167.

⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 425. Л. 11.

⁵ Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М.: Книга, 1983. С. 233.

⁶ Там же.

то Юльевич, — Госиздат не пользуется хорошей репутацией»⁷. Многие недочеты О. Ю. Шмидт связывал с политикой Наркомпроса, призванного «творить культуру; давать книги было его лозунгом, но он не имел определенного плана, например переиздавались классики, что часто являлось огромной роскошью»⁸. С другой стороны, много издавалось всяких сборников постановлений, декретов, но выходили они с большим опозданием, отчего теряли свою актуальность, современной же литературы издавалось мало.

Вместе с тем О. Ю. Шмидт не допускал монополии Госиздата. Он признавал необходимость предоставления права частным издательствам издавать книги за золото, если они имеют такую возможность. «Пусть каждый делает полезное дело, — писал О. Ю. Шмидт, — Госиздат должен показать, что он печатает книги легко, хорошо и дешево, тогда оно будет, конечно, вне конкуренции»⁹. Позже он поддержал частные издательства: «Неправильно смотреть на частные издательства как на конкурентов, которые хотят на заказах Госиздата возможно больше заработать. Не грех, если зарабатывает, но если он честно и добросовестно выполняет заказ в определенное время. Частным издательствам необходимо идти навстречу, не душишь»¹⁰.

В докладной записке в Политбюро ЦК РКП(б) О. Ю. Шмидт сообщил, что 4 ноября 1921 г. коллегией Наркомпроса принято положение о переходе Госиздата на хозрасчет. Отто Юльевич просил коллегию возбудить ходатайство перед бюджетной комиссией Наркомфина о выдаче ссуды для образования необходимого оборотного капитала¹¹.

В «Положении о хозяйственной организации Госиздата», подготовленном Отто Юльевичем, отмечалось: «Госиздат есть одновременно главное управление по делам печати и государственное издательское предприятие. Как государственное предприятие Госиздат переводится на самостоятельное хозрасчетное существование, как государственный орган (управление) — остается на государственном снабжении. В своих функциях главного управления Госиздат подчинен Наркомпросу на общих основаниях: как хозяйственное предприятие он руководится назначаемым СНК по представлению Наркомпроса управляющим, кото-

---

⁷ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 409. Л. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же: Л. 13.

¹⁰ Там же. Д. 425. Л. 13.

¹¹ Там же. Д. 134. Л. 3.

О. Ю. Шмидт в кабинете (1924 г.)

рый в хозяйственной области независим (с последующей отчетностью), но может быть отстранен от должности в том же порядке во всякое время»¹².

Переводилось на коммерческие начала и типографское дело. В докладной записке в Президиум ВСНХ на имя В. В. Куйбышева¹³ Отто Юльевич отмечал, что с образованием Мосполиграфа, охватившего шесть типографий, печатаются там частные издания, например журналы по искусству, а издания Госиздата отодвигаются. Отто Юльевич предлагал передать типографии крупнейшим издательствам в аренду, а Мосполиграф слить с Госиздатом. Полиграфическая промышленность, по его мнению, не должна считать себя самодовлеющей отраслью. Ее сила в тесном единении с издательствами. «Тесно сплетая издательскую и типографскую работу,— говорил Отто Юльевич,— взаимно пригоняя одну к другой, можно достигнуть большой экономии. Я беру на себя смелость заявить, что Госиздат отныне будет включать в цену книги типографские расходы не по ценам Мосполиграфа, а по фактической себестоимости на наших предприятиях и что эта себестоимость бу-

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 418. Л. 15.

дет на 25 % ниже, что дает при калькуляции понижение в 10—12 %».

Отто Юльевич считал удешевление книги крупным политическим вопросом, который «должен быть решен как таковой, не опускаясь в болото ведомственной борьбы»¹⁴. Он представил проект постановления СНК о субсидиях на удешевление политической литературы. Госиздату предлагалось продавать литературу агитационного и политического характера по цене вдвое меньшей, чем аналогичные книги другого содержания. На агитационную литературу, предназначенную для массового читателя, цена устанавливалась в размере 25 % обычной. С небольшими изменениями этот проект был принят.

Как опытный экономист О. Ю. Шмидт многое делал для налаживания хозрасчета. Он подготовил проект о введении платности на издаваемую литературу, который предлагал лишь самокупаемость, базирующуюся на производственно-хозяйственном плане. Издавать быстро и дешево стало главной задачей Госиздата.

Проблем в организации работы Госиздата было много. «Госиздат стоит на перепутье, — писал О. Ю. Шмидт в Политбюро ЦК РКП. — Сейчас аппарат вчерне построен, месячная продукция в пять раз превосходит прошлогоднюю. Нам нужна директива: продолжать ли развитие тем же темпом или сократиться до размеров небольшого чисто партийного издательства, предоставив остальную литературу всецело частным издательствам и будущим концессионерам»¹⁵.

Основной задачей Госиздата на 1923 г. О. Ю. Шмидт считал выпуск учебников. «В России осуществляется очень любопытный опыт, — писал он, — которого нет и не было в Европе. Мы создаем самое большое в мире издательство, но ставим ему не коммерческие цели, а культурно-политические»¹⁶. Отто Юльевич видел в этом «громадный культурный сдвиг». Жизнь сдвинулась с места, книга должна за ней поспеть¹⁷. Вместе с тем он стремился к тому, чтобы книги, выпускаемые Госиздатом, «неподдельно» освещали социальную действительность.

В 1923—1924 гг. произошло слияние Госиздата с «Красной Новью». Это дало возможность увеличить вы-

---

¹⁴ Там же. Д. 413. Л. 8.

¹⁵ Там же. Д. 134. Л. 5.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 322. Л. 4.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 414. Л. 6.

пуск изданий, тем более что и в директивах правительства, как утверждал О. Ю. Шмидт, было оговорено: «...слияние не должно привести к снижению совокупных продукций обоих издательств, вследствие чего продукция Госиздата не могла быть меньше собственной продукции плюс продукция “Красной Нови»»¹⁸.

Однако работа оказалась трудной. При изношенности машин, шрифта, отсутствии бумаги коллектив Госиздата, возглавляемый О. Ю. Шмидтом, отдавал много сил выходу каждой книги. Наряду с начавшимся по решению партийных органов изданием трудов В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса выпускались книги по истории и культуре, монографии ученых, 40 научных журналов, учебники. О. Ю. Шмидт признавался: «Это увлекательная деятельность, которая не выпускает людей, попавших на нее. Она дает огромное, ни с чем не сравнимое удовлетворение»¹⁹.

10 ноября 1924 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о работе Госиздата. Обсуждение приняло острый характер. Отто Юльевич был обвинен в том, что Госиздат не изжил наследия прошлого. В ответ на это О. Ю. Шмидт, в частности, сказал: «У нас, в сущности, продолжается военный коммунизм. Мы, не имея достаточного капитала, все время занимаемся тем, что составляем и пересоставляем планы, точно Компрод в 1918 году. В этом смысле — это прошлое, но в то же время это и настоящее»²⁰.

Слишком прямое и честное выступление О. Ю. Шмидта, его оценка современного состояния экономики не остались без внимания.

Через 10 дней после совещания, 20 ноября 1924 г., Наркомпрос освободил О. Ю. Шмидта от должности заведующего Госиздатом с сохранением за ним всех других обязанностей по Наркомпросу.

В истории издательского дела в стране О. Ю. Шмидт оставил заметный след. В труднейшее для страны время он сумел организовать, по сути, построить заново книгоиздательство, определить важнейшие его культурно-просветительские задачи на новых путях. «Пахарь на ниве культуры» — так сегодня называют О. Ю. Шмидта, вспоминая его деятельность в Госиздате.

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 425. Л. 16.

²⁰ Там же. Д. 422. Л. 2.

Редактор Большой Советской Энциклопедии

Работая в Госиздате, Отто Юльевич задумал большое универсальное справочное издание, объединяющее, по его словам, «просвещение нашей эпохи»¹. В 1923 г. под его руководством образовалась инициативная группа, в состав которой вошли М. Н. Покровский, В. Я. Брюсов, В. Ф. Каган, М. Б. Вольфсон, К. С. Кузьминский, Н. Л. Мещеряков, Л. Н. Крицман, М. Я. Лапиров-Скабло и др.² Была подготовлена записка «К проекту создания Большой Советской Энциклопедии», в которой Отто Юльевич писал: «Новая жизнь строится на новых основаниях. Никогда еще выводы науки не были так нужны и так желанны массам, как теперь. Дать в наиболее удобном, собранном виде все существенное из современной науки может только Энциклопедический словарь. Старые энциклопедии имели для своего времени большое значение. Сейчас они настолько устарели, что исправление их безнадежно. Новое время требует новой энциклопедии, проникнутой новым мировоззрением и дающей материал в новом подборе, строго отвечающем практическим потребностям современности. Так родился план БСЭ. Она должна явиться крупным памятником большой эпохи»³.

«Цель энциклопедии, — по мнению Отто Юльевича, — прежде всего образовательная — восстановить, расширить и углубить познания, приобретенные в школе или путем чтения, с одной стороны, и дать возможность ориентироваться в областях, новых для читателя»⁴. Кроме того, энциклопедия должна давать обширный справочный материал, быть связана с жизнью, с современностью.

17 апреля 1924 г. на заседании Политбюро РКП(б) предложение инициативной группы о создании БСЭ было одобрено. 15 января 1925 г. О. Ю. Шмидт был назначен ее главным редактором. Был утвержден и президиум редакции словаря в следующем составе: О. Ю. Шмидт, В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский, Л. Н. Крицман, Н. Л. Мещеряков, В. П. Милютин, И. И. Скворцов-Степанов, Г. М. Кржижановский, Ю. Ларин⁵.

¹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 425. Л. 16.

² См.: Шмускис Ю. Е. Советские энциклопедии: Очерки истории. Вопросы методики. М.: Сов. энцикл., 1975. С. 72.

³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 430. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 431. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 430. Л. 1.

Первый том Большой Советской Энциклопедии вышел в 1926 г. В редколлегии появились и новые члены: Н. И. Бухарин, Г. И. Бройде, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, К. Радек. В предисловии, составленном редколлекгией, отмечалось, что решение ЦИК СССР о создании Большой Советской Энциклопедии вызвано необходимостью издания новой энциклопедии, отражающей все происшедшие перемены в послереволюционный период. «Революция создала нового читателя, — говорилось в предисловии, — с новыми запросами, с настойчивым желанием ориентироваться во всем многообразии современности, систематизировать свои знания, закрепить революционно-материалистическое мировоззрение, познакомиться с последними данными науки»⁶.

Далее отмечалось, что в новых условиях изменился подход к знанию, в связи с чем нужна «новая большая энциклопедия для охвата всего нового материала и приведения его в форму наиболее удобную для современного читателя»⁷, отражающую «строго фактическую сторону естественных наук» на основе диалектического материализма. «Наше мировоззрение есть диалектический материализм, — писали авторы предисловия. — Область общественных наук как в освещении прошлого, так и современности уже широко разработана на основе последовательного применения диалектического метода Маркса — Ленина; в области же естественных и точных наук редакция, стараясь проводить точку зрения диалектического материализма, будет считаться с тем, что еще не во всех областях имеется достаточное число вполне марксистских исследований. В этих науках еще только строится фундамент для проникновения диалектического метода. Энциклопедия дает строго фактическую сторону естественных наук, освобожденных от идеалистических примесей»⁸.

О. Ю. Шмидт возглавлял БСЭ до 1941 г. Столь длительный срок пребывания на руководящем посту объяснялся во многом его организаторским талантом, умением работать с людьми. Личное знакомство Отто Юльевича с крупными учеными, видными политическими деятелями позволяло привлекать их к участию в БСЭ. Военный отдел вели М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский; над медицинскими статьями работали Н. Н. Бурденко, Н. А. Семашко; естествознанием и точными науками занимался академик

---

⁶ БСЭ. М.: ОГИЗ, 1926. Т. 1. С. 1.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 3.

А. Ф. Иоффе; историей — М. Н. Покровский, литературой — В. Я. Брюсов, техникой — И. М. Губкин, М. А. Павлов, Л. К. Рамзин, искусством — И. Э. Грабарь и др.

В 1927 г. президиум Главной редакции БСЭ писал в ЦК ВКП(б): «Большая советская энциклопедия... стала крупным культурно-политическим явлением, о чем свидетельствуют и многочисленные отзывы в иностранной прессе, видящие в регулярном выходе такого издания, как БСЭ, доказательство устойчивости СССР и высокого уровня работы... Энциклопедия возникла по идее Шмидта, он ее рассматривает как дело своей жизни и отдает ей все свои силы»⁹.

Энциклопедия имела огромный успех. Объем поступавших материалов она вместить не могла, и Отто Юльевич на заседании редакционного президиума поставил вопрос о необходимости создания отраслевых энциклопедий: Малой, краткой, сельскохозяйственной, медицинской, технической, военной, литературной.

Отто Юльевич сам был неутомимым редактором. Гранки и корректура всегда находились при нем. По воспоминаниям современников, даже в труднейших условиях арктических экспедиций он работал над статьями.

В 1920 г. О. Ю. Шмидт вновь начал читать лекции по математике в Московском лесотехническом институте, где вскоре был избран профессором на кафедре математики. В феврале 1921 г. в Московском математическом обществе Отто Юльевич сделал свой первый доклад — «Применение теории характеров к теории подстановок». В том же году он выступил с докладом «О задачах коммунистической профессуры» в Институте красной профессуры и приступил к чтению лекций по истории естествознания и математики в Коммунистическом университете им. Я. Свердлова. С конца того же года О. Ю. Шмидт стал преподавать математику в 1-м Московском университете. В 1923 г. он был избран действительным членом вновь созданного Научно-исследовательского института математики и механики, а также утвержден профессором 2-го Московского университета.

В начале 20-х годов Отто Юльевич побывал на Северном Кавказе, в Азербайджане и Грузии. В сентябре 1923 г. он посетил Всемирную книжную выставку в Италии, где встретился с рядом крупнейших математиков, в том числе

---

⁹ Петров Ф. Н. На фронте культуры и науки // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 155.

с И. Шуром, выдающимся ученым в области теории групп. Отто Юльевич возвратился к этой теме и напечатал работу «Группы, все подгруппы которых специальные».

В Коммунистической академии

В 1921 г. О. Ю. Шмидт был избран членом Коммунистической академии. До 1924 г. она называлась Социалистической. Это был первый в мире научный центр разработки марксистского обществензнания. Идея его создания принадлежала Наркомпросу. Основной задачей Соцакадемии являлась «разработка общественных наук с социалистической точки зрения»¹.

В мае 1918 г. предложение об учреждении Социалистической академии было одобрено Совнаркомом, а в июне ВЦИК утвердил ее устав. В июле на заседании Совнаркома было принято положение о Социалистической академии, где отмечалось: «Социалистическая академия общественных наук есть свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями»².

Математические работы О. Ю. Шмидта были известны далеко за пределами отчизны.

В то время О. Ю. Шмидта особенно интересовали вопросы взаимосвязи философии и естествознания. Это и определило его стремление работать в Соцакадемии. Одновременно Отто Юльевич сотрудничал в созданном в 1920 г. Институте научной методологии Наркомпроса. Об этом институте известно мало, поскольку архив не найден, однако, судя по некоторым литературным источникам, создание института было вызвано процессом интеграции знания, а привлечение специалистов различного профиля к работе прямо связывалось с необходимостью положить начало новой организации науки³. В 1923 г. институт был передан в ведение Соцакадемии, и в ее структуре была создана Секция научной методологии, в работе которой активное участие принял О. Ю. Шмидт. В состав секции наряду с

¹ Организация науки в первые годы Советской власти: (1917—1925) // Сб. док. Л.: Наука, 1968. С. 211.

² Там же. С. 212.

³ См.: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки: (1917—1922). М.: Наука, 1973. С. 209.

Здание Коммунистической академии

О. Ю. Шмидтом вошли В. И. Невский, А. К. Тимирязев, М. Н. Фалькнер-Смит, С. С. Кривцов.

По сути, с 1924 г. начался новый период в развитии естественно-научных исследований. Усилия Отто Юльевича увенчались успехом. Сторонники естественно-научного материализма объединились в Секцию естественных и точных наук, созданную 11 декабря 1924 г. К тому времени О. Ю. Шмидт, уже видный естествоиспытатель, пользовался заслуженным авторитетом, и его секция привлекла внимание многих известных ученых. Здесь трудились А. Н. Бах, С. И. Вавилов, М. Я. Выгодский, А. С. Серебровский, И. И. Скворцов-Степанов, И. Е. Тамм, А. К. Тимирязев, В. Г. Фесенков, С. С. Четвериков и другие ученые.

Как писал впоследствии О. Ю. Шмидт, основная работа, которую наметила секция, заключалась в углубленном изучении проблем естествознания под углом зрения диалектического материализма. В итоге определились три основные линии, по которым велась работа секции: экспериментальная разработка наиболее принципиальных и важных вопросов; изучение философских проблем естествознания; углубленное изучение истории науки.

Особо выделялась третья задача. По сути, она являлась важнейшим направлением в деятельности секции. «Мы все знаем,— говорил Шмидт,— что история науки неволью

фальсифицирована буржуазными учеными. Марксисты обладают методом, единственно способным выяснить действительную картину развития науки. Но построение материалистической истории науки совершенно невозможно без тщательнейших предварительных работ. Каждую эпоху, каждый шаг вперед надо отдельно исследовать, надо накопить огромный фактический материал, а потом уже обобщать его. В этой работе необходимо участие историков и экономистов»⁴.

По инициативе Отто Юльевича при секции были созданы три отдела: психоневрологический, физико-математический и биологический. Особое внимание О. Ю. Шмидт уделял работе физико-математического отдела по следующим направлениям: основы математики; принципы механики; основания термодинамики. Отто Юльевич считал, что прежде всего следует остановиться на двух кардинальных вопросах — бесконечности в математике и отношении математики к опытным наукам. Второй вопрос, подчеркивал О. Ю. Шмидт, имеет не только философскую, но и практическую значимость. Взгляд на математику как на искусство строить изящные логические построения грозит лишить ее самых ценных применений. В связи с этим он предложил организовать при секции «общение производителей и потребителей математики, собирать математические проблемы, поставленные естествознанием, техникой и жизнью вообще; организовывать интернаучные семинары»⁵.

О. Ю. Шмидта увлекали также космические проблемы. Пригласив профессора В. Г. Фесенкова, он пытался вместе с ним наладить работу секции и в этом направлении. Первые исследования были посвящены влиянию зодиакального света (космической пыли) на движение внутренних планет. С самого начала деятельности секции, писал О. Ю. Шмидт, был взят курс на создание единого научно-идеологического центра психоневрологии. В этих целях психоневрологический отдел, сформированный в 1925 г., проводил комплексные исследования в области физиологии высшей нервной деятельности и социальной психологии — изучал поведение конкретного человека, что, по существу, делалось впервые. Отто Юльевича глубоко интересовали исследования И. П. Павлова. В учении великого физиолога он находил материалистическое зерно, хотя и считал его эксперименты в те годы очень узкими. Вскоре Отто Юль-

⁴ Арх. АН СССР. Ф. 351. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 4.

вич взялся за организацию биологической лаборатории секции. В 1926 г. она начала функционировать. Для руководства биологической лабораторией был приглашен известнейший венский биолог, приверженец механистического направления в учении об историческом развитии органического мира профессор П. Каммерер. Философы и биологи разделились на группы: одни горячо пропагандировали идеи П. Каммерера, другие выступали противниками его воззрений. Наследование приобретенных признаков стало еще одной проблемой, вокруг которой велись дискуссии в те годы. И хотя критики экспериментальных и теоретических исследований П. Каммерера отмечали несовершенство или грубые погрешности его методик, а то и даже методологическую порочность его концепции, тем не менее ему предложили возглавить лабораторию. Отто Юльевич говорил, что П. Каммерера пригласили работать в Комакадемию по политическим мотивам. Его, крупнейшего зоолога, 11 лет не пускали ни в одну европейскую лабораторию из-за того, что он убежденный последовательный материалист. Но не только поэтому его пригласили в Комакадемию. В то время, как писал впоследствии О. Ю. Шмидт, состояние генетики обнаружило серьезную опасность: «Имелось у некоторых понимание гена как чего-то абсолютно неизменного. За это понимание ухватились многие, в силу чего могли получиться выводы свойства явно идеалистического. Этот единый и неизменный ген казался очень недialeктическим и очень подозрительным во многих отношениях. И вот, пока у нас не было своих сил, чтобы в этом вопросе окончательно разобраться, мы считали правильным поддержать то течение, ламаркизм, которое радикальным образом эту сторону отрицало, устанавливая примат внешнего мира в виде тех изменений, которые внешний мир в эти гены вносит»⁶.

В письме Комакадемии в Министерство иностранных дел СССР, подписанном О. Ю. Шмидтом и М. Н. Покровским, где выражалась просьба о предоставлении визы П. Каммереру, отмечалось, что он один из самых выдающихся биологов с мировой известностью, подвергавшийся гонениям за свои ярко материалистические убеждения. Коммунистическая академия, писали авторы, условилась с профессором П. Каммерером о его переезде в СССР для постоянной работы: «Мы дадим ему возможность продол-

⁶ Шмидт О. Ю. Задачи марксистов в области естествознания // Тр. Второй Всесоюз. конф. марксистско-ленинских науч. учреждений. М.: Изд-во Ком. академии, 1929. Вып. 2. С. 120—121.

жать свои замечательные исследования, экспериментально доказывающие наследственную передачу изменчивости в организме, что наносит сокрушительный удар по нематериалистическим уклонам в теории эволюции»⁷.

Отто Юльевич послал письмо П. Каммереру, в котором извещал его о том, что для него были переведены в Австрийский банк деньги. В ответном письме О. Ю. Шмидту П. Каммерер писал, что несколько недель он проведет еще в Вене, чтобы привести в порядок свои дела: «Возможно, что я совсем не вернусь больше в Вену, и поэтому я должен поручить кому-нибудь укладку и пересылку библиотеки».

Иное объяснение причины, по которой П. Каммерер был приглашен в Россию, дает А. Е. Гайсинович: «Нам кажется, что общественно-политическая сторона в деятельности П. Каммерера и в отношении к нему на Западе была в те годы преувеличена. Он был убежденным либеральным пацифистом, “монистом” и антиклерикалом, т. е. в лучшем случае “естественно-научным материалистом”. Недоброжелательное отношение к нему со стороны ученых, не признававших возможность наследования приобретенных признаков, исходило из недоверия к научным результатам его опытов, подвергавшихся многократным проверкам и опровержениям. В то же время он был мишенью антисемитских нападок со стороны немецких расистских кругов.

Все эти обстоятельства сыграли свою роль в том, что Каммерер приобрел репутацию прогрессивного ученого и получил приглашение на работу в Советский Союз»⁸.

Судьба П. Каммерера сложилась весьма трагично: 23 сентября 1926 г. он застрелился. Что же послужило причиной такого исхода? В своем предсмертном письме П. Каммерер сообщал, что кто-то из его приближенных сфальсифицировал опыт. В английском журнале «Nature» была опубликована статья Нобла о результатах исследования заспиртованного экземпляра жабы-повитухи, у которой экспериментально было вызвано, как утверждал П. Каммерер, наследственное увеличение пигментации, так называемой «брачной мозоли». Нобл обнаружил вместо пигментации впрыснутую тушь⁹.

Тем не менее руководители Комакадемии причину смерти видели в другом. Как отметил М. Н. Покровский на

⁷ Арх. АН СССР. Ф. 351. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

⁸ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 302.

⁹ Там же. С. 302—303.

пленуме Комакадемии, «профессора Каммерера... затравили за то, что он, не будучи сам большевиком, пошел на службу к большевикам, согласился стать у нас во главе биологического отделения Секции естественных и точных наук, хотел работать в Советской России. Как только это стало известно, вся та старая ненависть против этого последовательного материалиста... снова вспыхнула, травля вновь поднялась, и он, уже утомленный всем предшествующим, травли этой не выдержал. В лице П. Каммерера мы лишились очень крупной силы, которая подняла бы соответствующую часть нашей Академии на очень большую высоту»¹⁰.

К середине 20-х годов позиции биологов существенно изменились: произошло отмежевание от механоламаркизма. В генетике, по определению Отто Юльевича, появилась струя диалектическая, струя более мощная, чем те элементы, которые наблюдались у ламаркистов. «Поэтому,— говорил впоследствии О. Ю. Шмидт,— незачем сейчас сосредоточиваться на критике генетики. Но отрицать нацело всякое значение за работами ламаркистов, мне кажется, рано. Пусть биологи в этом вопросе окончательно разберутся»¹¹. Отто Юльевич предложил создать биологический институт, где будут проводиться «диалектические разработки» генетики, а лаборатория П. Каммерера сохранит в нем свое небольшое место. Секция естественных и точных наук приступила к изучению философских проблем генетики. Вновь созданная генетическая лаборатория под руководством А. С. Серебровского проводила широкие опыты по мутациям и выявлению структуры гена, вследствие чего концепция неделимости гена оказывалась методологически и экспериментально преодоленной.

Следует подчеркнуть, что в 20-е годы Секция естественных и точных наук, объединив биологов (генетиков), проводила курс на разработку и дальнейшее развитие мэнделевско-моргановской генетики. «Так как задачи перед нами большие, момент острый, а силы очень невелики,— отмечал О. Ю. Шмидт,— необходимо наши силы собрать, сберечь и увеличить. Мы ошупью нашли способ в виде создания обществ материалистов при Комакадемии. Мы хотели эти общества использовать в качестве школы марксизма»¹². Формирование обществ завершилось в 1928 г.

---

¹⁰ Пленум Коммунистической академии: (Стеногр. отчет, 29 января 1927 г.) // Вестн. Ком. акад. 1927. Кн. XX. С. 288.

¹¹ Шмидт О. Ю. Задачи марксистов в области естествознания. С. 121.

¹² Там же. С. 23.

В 1927 г. при секции был организован кружок физикоматематиков-материалистов. В его работе принимали также участие химики и геологи. Президиум кружка возглавили О. Ю. Шмидт (председатель) и А. К. Тимирязев (зам. председателя).

Работая над программой кружка, Отто Юльевич наметил следующие основные его задачи: проработка принципиальных вопросов точных наук с точки зрения диалектического материализма; критика господствующих научных теорий и борьба с отступлениями от материализма; изучение связей научных дисциплин и точных наук с прикладными. В соответствии с программой готовились и доклады по целому ряду проблем: А. А. Люстерник — «Многомерные пространства и их роль в математике»; А. Я. Хинчин — «Что такое вероятность?»; В. А. Костицын — «Новые методы динамической метеорологии»; В. Г. Фесенков — «Проблемы звездной эволюции».

В Коммунистической академии действовал и кружок биологов-марксистов.

Таким образом, секция создавала объединения специалистов ряда смежных областей. По словам Отто Юльевича, это было вызвано необходимостью вести разработку широких проблем своей специальности на основе методологии диалектического материализма. Перед такого рода объединениями стояла задача разработки тех вопросов, которые являлись наиболее спорными и представляли интерес с методологической стороны. «Марксистская методология естественных наук, — писал О. Ю. Шмидт, — не может строиться на общих суждениях, оторванно от конкретных проблем науки и от участия в конкретной экспериментальной работе»¹³.

За очень небольшой промежуток времени благодаря огромным организаторским способностям и личному авторитету О. Ю. Шмидт сумел привлечь к работе видных деятелей естествознания.

В 1927 г. Коммунистическая академия вошла в состав Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при Президиуме ЦИК СССР.

К середине 20-х годов в секции сложилась группа по изучению истории естествознания, точных наук и техники. В нее входили М. Я. Выгодский, Б. М. Гессен, Т. И. Райнов, С. Л. Соболев, З. А. Цейтлин, С. А. Яновская, О. А. Старосельская-Никитина и др.

---

¹³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 189. Л. 7.

8 января 1927 г. на заседании секции была обсуждена «Докладная записка об устройстве при секции специального исследовательского института по истории естествознания». В конце того же года президиум Коммунистической академии утвердил представленный проект, предусматривавший не только проведение самостоятельных исследований по истории естествознания, но и разработку ряда науковедческих проблем. Президиум принял решение создать кабинет истории естествознания, чтобы со временем на его базе сформировать институт. Заведующим кабинетом стал М. Л. Левин. В нем работали И. И. Ежиков, П. А. Новиков, И. И. Агол, М. Я. Выгодский. По сути, это был «первый в мире центр марксистской историко-научной мысли»¹⁴. В докладной записке, составленной при участии О. Ю. Шмидта, шла речь и о необходимости организации центра истории знаний, приведено обоснование его создания: «Горячие споры, развившиеся в связи с защитой механистами тезиса: «механистическое естествознание само есть необходимый элемент диалектико-материалистического мировоззрения и одна из необходимейших предпосылок марксистского мышления» (Тимирязев) — и с выходом в свет работы Энгельса («Диалектика природы») быстро обнаружили один крупный пробел в наших идейных сражениях, значительно затруднявший четкое выявление ограниченности механистического мировоззрения. Мы имеем в виду ту роль замарашки, которую в нашей войне играла история естествознания, опирающаяся на историко-материалистическое освещение развития естественных наук. Она оказалась в мире «обойденных величин». Это обстоятельство... побудило Секцию естественных и точных наук при Коммунистической акаде-

О. Ю. Шмидт (1928 г.)

¹⁴ *Бастракова М. Е.* Из истории развития историко-научных исследований // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1978. Вып. 61/63. С. 42.

мии войти в ее президиум с предложением основать “Институт по изучению истории естествознания” на строго марксистской основе»¹⁵.

В записке были сформулированы основные задачи и направления, по которым должно идти изучение истории знаний в предполагаемом институте: 1) самостоятельные исследования (статьи, обзоры, книги, монографии), издание специального журнала «Труды Института по истории естествознания при Коммунистической академии»; 2) соби- рание и научное группирование исторического материала на основе изучения первоисточников и оригиналов всех времен. Создание специальной картотеки с особой для этой цели системой быстрого и точного карточного ориентирова- ния; 3) к науковедческим проблемам относится намечае- мое в записке изучение условий и удельного веса отдель- ных факторов, способствующих развитию естественно-на- учной работы и открытиям. Наряду с изучением истории намечалось проведение социологических исследований. Предполагались создание специальных кафедр по истории естествознания и подготовка энциклопедии с привлечением иностранных ученых.

Секция выступила также инициатором создания Музея истории естествознания. Собрано было значительное коли- чество уникальных музейных экспонатов, в том числе крупнейшая в мире коллекция по истории микроскопа¹⁶.

Здесь необходимо остановиться на работах О. Ю. Шмидта по истории науки. Широкому кругу читателей они неизвестны, так как долгие годы пролежали в архиве. «Отто Юльевич не был историком науки, но был и в этой области глубоким и тонким знатоком»¹⁷, — писал Г. Ф. Хильми в своих воспоминаниях. Специалисты вряд ли согласятся с таким определением. Его до сих пор не опубликованные лекции (их 16)¹⁸ говорят о том, что О. Ю. Шмидт незаурядный историк науки.

Первая лекция Отто Юльевича была посвящена исто- рии и методологии математики и естественных наук. «Вна- чале будем говорить об истории науки, попутно будем ос- вещать различные методологические вопросы и в конце по-

---

¹⁵ Арх. АН СССР. Ф. 351. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

¹⁶ См.: Илизаров С. С. За строкой архивного документа // Природа. 1989. № 2. С. 125—128.

¹⁷ Хильми Г. Ф. Исследователь Земли // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 195.

¹⁸ Лекции по истории науки О. Ю. Шмидт начал читать в 20-е годы в Коммунистическом университете им. Я. Свердлова и в 1-м Московском университете.

ставим уже систематически основные вопросы научной методологии»¹⁹. Автор подчеркивал, что история науки есть тоже наука, а поскольку она является предметом исследования, то прежде всего выясняется определение самой науки. Вместе с тем всякое определение науки обусловлено временем, и с точки зрения диалектики никакого определение не может быть вечным. «В наше время проще всего было бы дать такое определение науки: наука есть совокупность человеческих знаний о природе и обществе, являющаяся основой нашего воздействия на природу и преобразования общества»²⁰.

Под «наукой» здесь подразумевалась совокупность человеческих знаний, а также момент системы знаний, т. е. систематизированный свод знаний. Наука не стоит на месте, а все время движется вперед. Поэтому ограничивать науку тем, что она есть систематизированный свод знаний, нельзя. По словам автора, «то, что сегодня смутно ناشу-пывается, завтра войдет в систему»²¹.

Отто Юльевич рассматривал также вопрос (его он считал важнейшим) о соотношении между чистой и прикладной наукой.

Существующая связь между наукой и практикой, как писал Отто Юльевич, говорит о невозможности проведения строгой грани между теоретической и прикладной наукой. «Для марксиста совершенно очевидно, что состояние производства определяет не только в конечном счете мировоззрение эпохи, но и характер научной работы. Это мы видим на протяжении всех лекций, по крайней мере я старался в своих лекциях показать, что то или другое научное открытие явилось не случайно, а главным образом в зависимости от потребностей общества, конечно материальных, связанных с производством»²².

Наиболее сложным Отто Юльевич считал вопрос о взаимоотношении между наукой и общим мировоззрением. «Тут могут быть два подхода к этому вопросу. Может быть узкий подход, что, в сущности, науке нет дела до мировоззрения. Этому противопоставляется другой подход, что мировоззрение формулируется на основании тех или других общих данных, а наука должна ему подчиняться, и если наука не сходится с мировоззрением, то тем хуже для фак-

---

¹⁹ Из семейного архива С. О. Шмидта.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Шмидт О. Ю. Методологические аспекты науки // Очерки истории естествознания и техники. 1990. № 38. С. 95.

тов. Для нас вовсе не безразлично, каким мировоззрением обладают ученые, но, с другой стороны, мировоззрение не может быть отделено от развития науки. Здесь есть взаимная связь»²³.

В своих весьма обширных обзорах развития древних наук Отто Юльевич пришел к выводу: «Философское содержание науки, обоснования философской мысли были правильно сформулированы материалистической частью философии еще в Древней Греции доалександрийского периода»²⁴.

К истории науки у Отто Юльевича совершенно определенное отношение: ее нельзя отрывать от истории культуры так, как это делают отдельные ученые, считая историей науки только историю научных методов и открытий. «При таком подходе к истории науки получается, что явление науки отрывают от своей почвы. И тот, кто изучает развитие научной дисциплины в данной отрасли, имея перед собой только одну поверхность пленки, а не глубину ее, руководится теорией о том, что идея родит идеи и вся наука есть развитие первоначальной идеи. В действительности все ученые находятся во взаимодействии с культурой и жизнью данного общества»²⁵. Обращаясь к эпохе Возрождения, Отто Юльевич пишет: «Существенным является то, что в этот период истории идейное руководство переходит в руки городской буржуазии, и, следовательно, культура Возрождения есть культура городской буржуазии»²⁶.

Во всех лекциях О. Ю. Шмидта четко прослеживается мысль о тесной связи развития естествознания с коренными переменами в социальных областях жизни общества. С каждым новым поворотом истории, по мнению Отто Юльевича, все полнее раскрывается глубоко преобразующая сила двух начал — социально-идеологического и естественно-научного. И это, в частности, можно было видеть на примере деятельности Секции естественных и точных наук. 7 декабря 1927 г. президиум Комакадемии принял решение о расширении работы секции. По образцу обществ биологов-марксистов был создан физико-математический кружок, куда вошли физики, химики, математики, астрономы, геофизики и геологи. Ставился вопрос и о создании общества инженеров-марксистов, куда были приглашены Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгвик и Л. К. Мартенс. По

---

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Из семейного архива С. О. Шмидта.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

В. В. Куйбышев и О. Ю. Шмидт (1925 г.)

инициативе О. Ю. Шмидта был создан философский семинар «Математика в системе мировоззрения авторов философских систем». Математика вновь захватила О. Ю. Шмидта. Особенно полезной была его поездка в 1927 г. в Гёттинген, где Отто Юльевич пробыл два месяца. Здесь, в центре математического мира, О. Ю. Шмидт с головой погрузился в работу. В своих воспоминаниях академик П. С. Александров писал: «Достаточно было этих, по существу, нескольких недель досуга, чтобы Отто Юльевич, овладев всем тем, что было сделано в области его математической специальности за целое десятилетие, не только оказался полностью на уровне последних десятилетий этой науки, но и сразу же пополнил ее собственными первоклассными исследованиями»²⁷.

О. Ю. Шмидт выступил на заседании Гёттингенского математического общества с изложением своей теоремы теории групп, вошедшей в классическую математику как «теорема Шмидта». Теорема «представляет собой одну из основных теорем современной алгебры. Это теорема такого ранга и значения, которые в каждой области математики насчитываются только единицами. Математика состоит из многих различных областей; в каждой из них имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых

---

²⁷ Александров П. С. Воспоминания об О. Ю. Шмидте // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 173.

концентрируются дальнейшие исследования. Теорема О. Ю. Шмидта в теории групп принадлежит именно к фундаментальным, большим открытиям, которые навсегда останутся в науке»²⁸.

Открытие О. Ю. Шмидта явилось настоящей сенсацией. «Посудите сами,— продолжал П. С. Александров,— приехал из Советского Союза крупный общественно-политический деятель, делает блестящее математическое открытие и столь же блестяще излагает его»²⁹.

Возвратившись из Гёттингена, Отто Юльевич вновь занялся общественно-политической деятельностью. Секция естественных и точных наук активизировала свою работу. Особенно больших успехов достигли генетики, выступившие с докладами о результатах своих исследований на Берлинском конгрессе в 1927 г. А. С. Серебровский в своем отчете писал: «Делегация СССР, одна из самых многочисленных на конгрессе, демонстрировала миру и количественно и качественно, что в великой земледельческой стране генетика быстро занимает то место, которое преуказано ей экономическими предпосылками»³⁰. Он, однако, жестоко ошибался... Здесь уместно обратиться к книге профессора Л. Р. Грэхэма, в которой очень точно определены причины дальнейшей тяжелой судьбы этой отрасли науки с учетом не только экономических, но и политических предпосылок. Он писал, что к концу 20-х годов «Советская Россия была центром проведения выдающихся исследований по генетике, которые не просто шли в ногу с исследованиями во всем мире, но в некоторых аспектах и опережали их»³¹. Тем не менее судьба этой науки — прекрасная иллюстрация уничтожающего действия системы политической монополии. «Огромный вред советской науке,— продолжал Л. Р. Грэхэм,— и особенно генетике, принесло «бракосочетание» централизованного политического контроля с системой философии... Диалектический материализм как философия науки имел в СССР большое значение, но он применялся не для возвеличивания или подавления отдельных областей науки, а скорее для решения специфических вопросов их интерпретации. Время от времени определенная формулировка марксистской философии науки трансформировалась в официальное идеологи-

---

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. С. 315.

³¹ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 105.

ческое положение с одобрения партийных органов. В этом случае действительно происходили тяжелые события, из которых случай с генетикой был, пожалуй, самым трагичным»³².

8—13 апреля 1929 г. по инициативе руководящих партийных органов, обеспокоенных разногласиями между механистами и диалектиками по основным вопросам философии и естествознания, была созвана Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений.

Ее проведение было поручено группе философов Коммунистической академии, возглавляемой А. М. Дебориным. О. Ю. Шмидт и А. М. Деборин были основными докладчиками. Выступление Отто Юльевича было посвящено теме «Задачи марксистов в области естествознания».

В докладе О. Ю. Шмидта значительное место было отведено диалектическому материализму. Он отмечал, что важнейшей задачей естествоиспытателей является умение применять в исследованиях диалектический материализм как научный метод. «Мы должны выступить с развернутой программой диалектического материализма на всех крупных научных съездах»³³, — говорил О. Ю. Шмидт.

Как истинный марксист О. Ю. Шмидт отстаивал свою концепцию развития естествознания на новом этапе, подчеркивая единство интересов науки и социализма. Конференция единодушно приняла этот тезис и в своей резолюции по докладу О. Ю. Шмидта отметила: «Реконструкция народного хозяйства СССР выдвигает на одно из первых мест развитие крупнейшего фактора этого процесса — теоретического естествознания»³⁴. Доклад получился довольно обширным и включал многие вопросы развития естествознания. Но, пожалуй, главным было стремление автора провести мысль о том, что естествознание является одним из важнейших фронтов современной идеологической борьбы. «Лучшие умы, — говорил Отто Юльевич, — из современного кризиса ищут выход в сторону диалектики. Диалектика... вырастает из самой науки. Нам даже не приходится агитировать, диалектика в естествознании прет сейчас отовсюду. Мы должны довести этот процесс до осознания, мы

---

³² Там же. С. 114—185.

³³ Шмидт О. Ю. Задачи марксистов в области естествознания // Тр. Второй Всесоюз. конф. марксистско-ленинских науч. учреждений. С. 23.

³⁴ Там же. С. 127.

должны помочь теми общими законами диалектики, которые в основе марксизма выработаны, помочь привести к осознанию этого процесса и тем самым ускорить разрешенные возникших вопросов»³⁵.

Отто Юльевич отмечал, что мировоззрение естествоиспытателей все еще неустойчиво. Если ученые-общественники находились под сильнейшим воздействием марксизма, то естественники испытывали двойное влияние. С одной стороны, это влияние марксизма, которому они были подвержены пока больше в области политики, чем в области своей науки, а с другой — развитие естествознания на Западе. Здесь, по словам О. Ю. Шмидта, «даже серьезные ученые столкнулись с противоречиями в развитии фактического материала в науке, с накоплением этого материала и, вместо того чтобы видеть в этом задание для углубления своей теории, для разрешения так или иначе этого противоречия, хватаются за него, потому что противоречие в науке дает им возможность объявить твердые законы природы отмененными»³⁶.

Развитие естественных наук, по мнению Отто Юльевича, привело в последние годы к накоплению новых фактов, требующих и новой обобщающей теории, так как факты противоречат не только друг другу, но и наиболее установленным с материалистической точки зрения научным взглядам и убеждениям. Перед лицом этих новых фактов, являющихся симптомом роста, а отнюдь не упадка естествознания, «естественники раскалываются». Среди них есть «естественники чистой воды» — идеалисты, которые в условиях кризиса науки используют возникшие трудности для того, чтобы дискредитировать науку и получить оправдание тому направлению, которым они занимаются. Есть материалисты, но не диалектики, отрицающие кризис и не желающие видеть противоречия. Есть диалектики-нематериалисты, «которые ищут выхода на почве признания противоречий, на почве такого пересмотра наших основных понятий, который охватил бы эти новые факты, как бы противоречивы они ни были. Это смелые умы, но они чаще всего на Западе нематериалисты, ясно выработанной теории у них нет. У них есть элементы диалектики, но нет диалектики как последовательного метода»³⁷. Говоря о диалектиках-материалистах, О. Ю. Шмидт подчеркнул: «В мировом масштабе нас очень мало. За нами стоит вся

---

³⁵ Там же. С. 10.

³⁶ Там же. С. 7.

³⁷ Там же. С. 11.

философия диалектического материализма и торжество марксизма в областях общественных наук, дающее нам больше уверенности, чем это могло бы быть присуще небольшой кучке людей»³⁸.

Отто Юльевич в качестве примера философско-мировоззренческой интерпретации естественно-научных теорий привел отношение ряда ученых к теории относительности А. Эйнштейна. Положительно оценивая работу А. Эйнштейна, он подверг критике философов, проявлявших неоднозначное отношение к теории относительности. И здесь четко проявляется давление системы политической власти, отказавшейся от диалога с немарксистскими направлениями, с представителями религиозно-философской мысли в России. Жестокой по тому времени критике О. Ю. Шмидта подвергся известный религиозный философ и математик П. А. Флоренский, трагически погибший впоследствии в сталинских застенках.

Весьма положительно О. Ю. Шмидт оценивал психоаналитическую теорию З. Фрейда, считая открытие им бессознательной индивидуальной психики большим вкладом в науку, «как и учение об обусловленности этой индивидуальной психики, даже в ее бессознательных частях, обусловленности ее как переживаниями индивида, так и главным образом и предыдущим унаследованным опытом. Все это материалистические элементы. Добавим присущую этому учению крайнюю динамичность, подчеркивание динамичности всех процессов нашей психологической жизни — черта прямо диалектическая»³⁹.

Намечая дальнейшую программу работы своей секции, Отто Юльевич считал важнейшим делом подготовку кадров естественников-материалистов, которые в своей деятельности смогли бы «опираться... на философию. Нелепый спор между философией и естествознанием для нас, диалектических материалистов, не существует. Мы признаем руководство философией в смысле общей методологии»⁴⁰.

24 июня 1930 г. в Харькове начал работу Первый Всесоюзный съезд математиков. Открывая его, О. Ю. Шмидт, в частности, сказал: «В стране, где строится социализм, где нужно уметь считать, нужно, чтобы это умение математически формулировать стоящие перед каждым задачи... было всеобщим достоянием. Нам необходимо трудиться над

---

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 18.

⁴⁰ Там же. С. 25.

тем, чтобы общая математическая культура у нас была выше, чем у других»⁴¹.

Отто Юльевич также говорил о связи между теоретической и прикладной математикой. Особенно остро он ставил вопрос о методологии как основе математики: «Математика представляет собой одну из наиболее разветвленных наук, настолько разветвленных, что когда кто-нибудь делает математический доклад, то очень небольшое число присутствующих может следить за ним компетентно. Это таит в себе опасность общего разброда, опасность отрыва от питающих корней, опасность заблуждений в дебрях леса, откуда не выбраться и где напрасно расточаются силы и гибнут таланты. Успех в том, чтобы рядом со специальными работами была и работа синтетическая, чтобы основа математики — методология была в центре нашего внимания, чтобы каждый отдельный математик, удаляясь в лес специальных изысканий, видел спасательные огни»⁴².

В решении съезда одобрялись высказанные О. Ю. Шмидтом положения о дальнейшем развитии математики, особенно в той части, где речь шла о практическом ее применении. Собственно, на этом съезде впервые в истории подобных форумов О. Ю. Шмидт заговорил о творческом, но ни в коем случае не догматическом применении метода диалектического материализма к проблемам философии и истории математики.

На съезде работало семь секций: алгебры и теории чисел, теории функций и теории рядов, дифференциальных и функциональных уравнений, геометрии, механики и математической физики, теории вероятностей и математической статистики, философии математики. О. Ю. Шмидт встречался с многими видными математиками страны. Знание иностранных языков помогало ему легко устанавливать контакты и с зарубежными учеными — делегатами съезда. Этот факт не остался без внимания. По окончании работы форума начались проверки, О. Ю. Шмидт и другие участники съезда обвинялись в «недостойном» поведении в политическом отношении. Была создана специальная комиссия по изучению деятельности секции, руководимой О. Ю. Шмидтом. В одном из документов, датированном 25 августа 1930 г., под грифом «совершенно секретно» секретарь математического отдела М. Ельшин сообщил, что «культпроп» ЦК ВКП(б) поставил перед этим отделом

⁴¹ Шмидт О. Ю. Роль математики в строительстве социализма // Тр.

⁴² Первого Всесоюз. съезда математиков. М.; Л.: ОНТИ, 1936. С. 28—33.

⁴² Там же. С. 33—34.

задачу дать обзорную критическую статью о съезде математиков, в которой внимание должно быть заострено на политическом и методологическом значении съезда. «Кроме того, — писал автор, — отдел считает, что политическое поведение некоторых членов съезда должно быть учтено, с тем чтобы сделать соответствующие оргвыводы»⁴³.

Вскоре появилась «Объяснительная записка» к отчету секции за 1929—1930 г. Ее составители поставили цель очернить работу секции и ее руководителя. Среди недостатков назывались следующие: отрыв секции от актуальных задач социалистического строительства, отставание теоретической работы от практики; отсутствие политической заостренности в постановке и решении конкретных практических задач в работе, недостаточное участие секции в разоблачении основ антипартийных уклонов. Бюро секции критиковалось за недостаточное руководство теоретической и экспериментальной работой. «Нечеткость методологической позиции руководства бюро секции, выявившаяся в системе ошибок, имеет тесную связь с тем формалистическим уклоном философского руководства, который выявлен на философском фронте... Бюро секции... проявило примиренчество, вовремя не выявило своего принципиального отношения к этому вопросу»⁴⁴.

Уровень подготовки кадров квалифицировался низким; марксистские общества характеризовались отсутствием боевитости, политической заостренности в установках, отрывом от актуальных вопросов жизни, несовершенством методов работы. Но наибольшая критика досталась журналу «Естествознание и марксизм», в адрес которого было брошено и «отрыв от практики социалистического строительства», от политической и партийной жизни, и «методологическая невыдержанность своей позиции», и допущение на его страницах формалистических и механистических ошибок, и «неумение организовать вокруг себя основную массу естественников-марксистов»⁴⁵. Авторы записки считали, что крупным пробелом научно-исследовательской работы являлось отсутствие систематической разработки теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина в применении к области естествознания.

В начале 1930 г. секция преобразовалась в Ассоциацию естествознания. Отто Юльевич создал комиссию по реорганизации секции. В нее вошли П. П. Бондаренко,

⁴³ Арх. АН СССР. Ф. 351. Оп. 1. Д. 72. Л. 35.

⁴⁴ Там же. Д. 67. Л. 4.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

Б. М. Гессен, А. А. Максимов, Л. Н. Къярлик, И. А. Пашинцев. В проекте реорганизации, разработанном комиссией, отмечалось, что секция должна осуществлять «идеологическое руководство» некоторыми институтами Комкадемии: физическим, математическим, зоологическим, антропологическим, химии, географии.

Подготовка к реорганизации секции выявила разные мнения по поводу дальнейшей ее деятельности. Впервые появляются острые полемические письма в различные инстанции с так называемой критикой работы секции, ее руководителей и с предложениями тех или иных изменений в перспективе, с типичным для того времени обвинением в буржуазности, реакционности, антисоветчине.

В обстановке противоречивых мнений и тяжелых обвинений в адрес О. Ю. Шмидта он пытался отстоять свое детище и защитить талантливых ученых, работавших в секции. В конце 1930 г. началась «тщательная» проверка работы секции, к тому времени именовавшейся ассоциацией. Комиссия (так называемая бригада по обследованию), проверявшая работу, резко критиковала деятельность секции. Звучало слово «аполитичность», когда речь шла о составе слушателей и исследованиях ученых. «Мы имеем примиренческое отношение к идеалистическим и буржуазным течениям, как со стороны Шмидта к фрейдизму,— говорили из «бригады по обследованию»,— примиренческое отношение к механистам — поддерживалась связь с работами Цейтлина. Мы наблюдали немарксистское применение естествознания к общественным явлениям у Шмидта, например применение математики и экономики, у Серебровского, Левита и др. случаи с генетикой»⁴⁶.

И все это адресовалось в значительной степени О. Ю. Шмидту. Вспомнили даже его участие в математическом съезде, о котором шла речь выше, не преминув подчеркнуть, что все его руководство находилось в руках реакционной группировки и вело решительную борьбу против коммунистической фракции. Что же понималось под «реакционностью» ученых? А то, что не было послано приветствие партийному съезду, который совпал с научным съездом; не ставился вопрос о протесте против критических выступлений папы римского в адрес Советского Союза; предпринята «фактическая демонстрация реакционных сил математиков перед лицом иностранных математиков»⁴⁷. По-видимому, речь шла о контактах отечественных

---

⁴⁶ Там же. Д. 66. Л. 20.

⁴⁷ Там же.

ученых с зарубежными коллегами. Поведению О. Ю. Шмидта на съезде давалась особая оценка. Обвинив его в «примиренчестве», стремлении сгладить противоречия между разными группами и в других «грехах», председатель проверяющей комиссии приступил к критике доклада Отто Юльевича на съезде, указав, что Шмидт «не сумел заострить вопроса на главном». Дело в том, что Отто Юльевич впервые на математическом съезде говорил о прикладном характере математики. Это и вменялось ему в вину. О. Ю. Шмидт обвинялся во многих «грехах», но, пожалуй, большее всего ему было слушать, что он не является естествоиспытателем. Кроме этого, О. Ю. Шмидт обвинялся в том, что он привлек в ассоциацию беспартийных «молодых талантливых ученых». И это действительно было так. Отто Юльевич старался создать все условия для научных исследований талантливой молодежи. Талант же не определялся партийностью. А Отто Юльевич всегда искал таланты и в той непростой обстановке старался создать им все условия для творческой работы.

В решении «бригады по обследованию» было свыше 20 пунктов, и все они преследовали одну цель — дискредитировать руководство ассоциации. Указывая, что «ассоциация должна всю свою работу направить по линии непосредственного участия в социалистическом строительстве», документ вместе с тем не давал каких-либо рекомендаций по творческой перестройке ассоциации. Зато ясно было видно, какой характер желали бы придать этой организации органы, направившие туда подобную комиссию. Ассоциация, по мнению проверяющих, «должна стать органом партийного научного контроля над исследовательской работой учреждений ВСНХ, НКПС, Наркомзема, Наркомздрава. Она должна вовремя сигнализировать партии о всех опасностях на этом фронте... Вся работа ассоциации должна быть построена... на основе генеральной линии партии»⁴⁸. Пункт же об усилении и укреплении руководства ассоциации прямо был направлен на его замену. По-видимому, «сигнализировать» О. Ю. Шмидт не умел... Впоследствии в резолюции Всесоюзного совещания общества воинствующих материалистов-диалектиков О. Ю. Шмидт наряду с другими учеными был зачислен в список «классовых врагов». Однако Отто Юльевич реагировал на критику спокойно. Он был уверен в правоте своего дела, и это придавало ему силы устоять и продолжать трудиться еще многие годы.

---

⁴⁸ Там же. Л. 67.

Географические исследования

Памирская экспедиция (1928 г.)

Огромную славу О. Ю. Шмидту принесли экспедиции в неизведанный Памирский край и в суровые льды Арктики. Первая экспедиция, в которой он принял участие, была снаряжена на Западный Памир, привлекавший своими большими высотами и неизведанностью. До 1928 г. эта область на картах обозначалась белым пятном.

Изучение Памира, по существу, началось лишь во второй половине прошлого столетия замечательными русскими путешественниками, пионерами исследования гор Средней Азии — Н. А. Северцовым и И. В. Мушкетовым. В 1871 г. А. П. Федченко открыл северный хребет Памира, назвав его Заалайским. В 1878 г. на Памире побывали две русские экспедиции: одна — Н. А. Северцова и И. В. Мушкетова, другая — В. Ф. Ошанина.

Чрезвычайно успешной была экспедиция В. Ф. Ошанина. Известному путешественнику и энтомологу принадлежит честь открытия огромного хребта Петра Первого и низовьев громадного ледника, оказавшегося впоследствии одним из величайших горно-долинных ледников Земли. В память об А. П. Федченко, «одном из даровитейших и усерднейших исследователей Средней Азии», В. Ф. Ошанин назвал этот ледник его именем¹. Ряд районов Памира исследовал в 1884—1887 гг. известный путешественник Г. Е. Грум-Гржимайло. Эти первые экспедиции положили начало научному изучению Памира. Впоследствии Памиром занимался член-корреспондент АН УзССР Н. Л. Корженевский. Его работы на северо-западе Памира, в бассейне реки Муксу, привели к открытию хребта Академии Наук (1926 г.)².

Исследование Памира имело большое значение главным образом потому, что открывало путь к познанию всей структуры Азии. Кроме того, ходили слухи, проникавшие даже в научную печать, что за необследованным хребтом жило какое-то фантастическое племя, избегавшее контактов с соседями. Старики рассказывали, что через западный хребет Памира существует два перевала, правда, там никто не бывал.

В 1927 г. Академия наук СССР приступила к организации совместной советско-германской Памирской экспеди-

¹ См.: Гвоздецкий Н. А. Памир. М.: Просвещение, 1968. С. 14.

² Там же. С. 21.

ции. На геологов, геодезистов, астрономов, зоологов и ботаников, включенных в состав экспедиции, «возлагались предварительная рекогносцировка ледников, перевалов и восхождение на наиболее высокие вершины»³.

Возглавлял экспедицию Н. П. Горбунов, его заместителем был назначен Д. И. Щербаков. Участниками экспедиции были: географ Н. Л. Корженевский, астроном Я. И. Беляев, геодезист К. В. Исаков, топограф И. Г. Дорофеев, зоологи А. Н. Рейхардт, Г. Н. Соколов и др. О. Ю. Шмидт руководил альпинистской группой (Н. В. Крыленко, Е. Ф. Розмирович, Е. М. Россельс, Л. А. Перлин и И. Г. Дорофеев). Отто Юльевич к тому времени уже имел альпинистский опыт. На его счету был ряд восхождений на Кавказе и в Альпах. В немецкую группу входили доктор В. Рикмерс, геодезисты доктор Р. Финстервальдер и К. Бирзак, альпинисты П. Борхерс, Е. Альвейн, Я. Шнейдер, К. Вин и Ф. Кольхаунт.

Альпинистской группе предстояло пересечь труднопроходимую высокогорную область, чтобы определить наличие перевалов, протяженность ледников, расположение хребтов и верховьев рек; помогать топографам, геодезистам; наблюдать за состоянием организма на большой высоте.

Вечером 19 июля 1927 г. альпинистская группа собралась для обсуждения своих планов. О. Ю. Шмидт восторгался природой Казахстана, его степями, ровными, как стол, величественно шествующими по пыльной дороге верблюдами, гордо сидящими на телеграфных столбах орлами. Кругом ковыль, солевые озера.

23 июля альпинистская группа прибыла в Ташкент. Отто Юльевич, закончив редактирование статей для БСЭ, отправил их в Москву. Наконец он мог спокойно заняться картой Памира. «Сижу над картой: как овладеть верховьями Танымаса? Взбираться на узел ледников? Лично меня интересует более «вскрытие местности и перевалы, чем рекорды высот»⁴.

К вечеру того же дня прибыли в Андижан. Ночевали в вагоне, а утром на автомашинах отправились в Ош — чудесный городок, «соединение курорта с азиатской деревней». Здесь уже находилась немецкая группа. Местом сбора экспедиции намечено было верховье реки Танымас, где предполагалось существование громадного, совсем не исследованного ледника. Отдохнув три дня, альпинисты вы-

³ Щербаков Д. И. На крыше мира // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 106.

⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 196. Л. 45.

шли из Оша в направлении к озеру Кара-Куль. Их путь пролегал по долине реки Ак-Бура, ушелью реки Турук, через зимовку Ходжа-кельата и перевал Джиптык. Остановились на озере Кара-Куль, расположенном на высоте 4000 м и окруженном со всех сторон снежными хребтами. Путешественники пробыли здесь целую неделю. Отто Юльевич и Н. В. Крыленко днем охотились, а по вечерам изучали зоологию, препарировали птиц, собирали насекомых. «Не знаю, сделаю ли что-нибудь по зоологии!— записал в дневнике О. Ю. Шмидт.— ...Берусь за зоологические инструменты... Учусь препарировать птиц...»⁵

На сотни километров вокруг озера не было ни одного деревца, лишь зеленая трава кое-где покрывала хребты гор. 6 августа О. Ю. Шмидт предложил Н. В. Крыленко и Е. М. Россельсу подняться на сравнительно невысокую гору с округлой вершиной (5300 м высотой). Для восхождения был выбран хребет, ведущий на гору с запада. Вышли в 4 часа утра, и в 9 часов уже находились на высоте 4500 м. На высоте 3000 м в Алайской долине путникам стало трудно дышать, у них участилось сердцебиение, развивалась сильная усталость. На высоте примерно 4800 м начались острые головные боли. Влияние высоты усугублялось к тому же немилосердно палящим солнцем, крутизной. Вес снаряжения тоже давал себя знать.

Второе восхождение из урочища Кок-Джар, последней остановки на пути до основного лагеря на Танымасе, состоялось 13—14 августа. О. Ю. Шмидт довольно легко поднялся на высоту 4850 м, почти не испытав того утомления, которое отмечалось при первом восхождении. Причина хорошего самочувствия, по мнению Отто Юльевича, заключалась в быстрой приспособляемости организма к высоте.

Далее экспедиция направилась на запад от Кара-Куля, в совершенно неисследованную область реки Танымас и ее верховьев. О. Ю. Шмидт писал впоследствии, что 20-дневное путешествие от Оша до Танымаса «было само по себе прекрасной подготовкой для альпинистов, прежде всего в отношении высоты. Если в первые дни пребывания на высоте 3000 м (в Алайской долине) плохое самочувствие (сердцебиение с учащенным дыханием при малейшем усилии) сказывалось на работоспособности, то под конец пути высота в 4000 м не ощущалась вовсе»⁶. Вместе с тем Отто Юльевич отметил, что, по-видимому, для успешной работы выше 4000 м 20 дней для привыкания — слишком малый срок.

⁵ Там же. Д. 203. Л. 14.

⁶ Там же. Д. 201. Л. 54.

В основной лагерь на реке Танымас (4200 м) у боковой морены ледника Муз-Кулак (теперь он называется Грум-Гржимайло) экспедиция прибыла 15 августа. Здесь постоянно находился руководитель немецкой группы В. Рикмерс. Лагерь со складом продовольствия был расположен между двумя ледниками. Кое-где росла трава, а дальше ее не было — начинался сплошной лед.

Местоположение первого лагеря было выбрано не случайно. Выше лошади уже не могли подняться. Дальше путь преграждали ледники. «Тут, на высоте 4200 метров, кончалась жизнь на Памире, — рассказывал впоследствии Отто Юльевич, — последняя травка, последние звери, последние сурки». Из этого лагеря открывалась прекрасная панорама гор.

В первом высокогорном лагере готовились к встрече альпинистов. С ледника Федченко спустился И. Г. Дорофеев, который уже полтора месяца проводил топографическую съемку. Он вышел навстречу всадникам, чтобы указать брод через многоводную реку Танымас. Вспоминая свою первую встречу с О. Ю. Шмидтом, И. Г. Дорофеев писал: «Отто Юльевич... выделялся среди всех прибывших своим внушительным видом: высокого роста, стройный, с широкой бородой на приветливом красивом лице»⁷. Когда группа собралась в полном составе, И. Г. Дорофеев очень подробно рассказал о проведенной им большой работе. «Дорофеев, поднявшись на скрещении ледников, — писал О. Ю. Шмидт, — установил характер связи Танымасских ледников с ледником Федченко, тождественность ледника Академии (Беляева) с последним, спустился на 20 км по леднику Федченко и весь этот район, как и ниже по Танымасу лежащий, нанес на карту. Вплоть до хребта, отделяющего общего ледник Федченко от Дарваза, вся неисследованная область была им исчерпывающе раскрыта (оставались переходы на запад и на юг)»⁸. Перед экспедицией ставились важные задачи: исследовать верховья рек Язгулем, Ванч и Гармо, выяснить переходы в Дарваз, к истокам этих рек, подняться выше 6000 м.

17 августа, получив задание, группы расходились в разные направления: по долинам рек Танымас, Кудара и Барбанг спускались Н. П. Горбунов, Д. И. Щербаков, Г. Л. Юдин и Г. Н. Соколов. Обогнув «неисследованную область», они с юга проникли в долину реки Язгулем.

⁷ Дорофеев И. Г. На леднике Федченко // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 390.

⁸ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 201. Л. 53.

Группа во главе с Н. В. Крыленко поднялась на ледник Федченко. Они должны были найти перевалы в долины рек Ванч и Язгулем и соединиться с отрядом Н. П. Горбунова. О. Ю. Шмидт, Е. Ф. Розмирович, Е. М. Россельс и И. Г. Дорوفеев поднялись вверх по Танымасу до второго высокогорного лагеря, расположившегося на высоте 4365 м около Танымасского ледника. Расстояние по прямой составляло всего 12 км, но дорога оказалась очень трудной: им пришлось преодолеть два ледника. И. Г. Дорوفеев вспоминает об этом переходе: «Я шел в паре с Отто Юльевичем, показывая ему приемы глазомерной съемки, одновременно внимательно присматриваясь к спутникам. Все они были выносливы, веселы и, несмотря на трудности похода, непрестанно шутили. Немало шутил и Отто Юльевич. Этот первый день похода остался навсегда в моей памяти как приятная прогулка»⁹.

Встреча с немецкими альпинистами была теплой и дружественной. Свободно владея немецким языком, Отто Юльевич долго беседовал с ними о проделанной работе. А утром все вместе уточняли план поисков перевалов, на некоторых картах обозначенных как «бывший перевал Кашал-Аяк» и «бывший перевал Танымас». Ходили рассказы, что они существуют, но где, никто не знал. Единогласно было решено, что Отто Юльевич возглавит объединенную альпинистскую группу. Рано утром 19 августа, разделившись на три отряда, путники вышли на поиски перевалов в трех разных направлениях. До ледника Федченко группы шли вместе, а затем разделились. Отто Юльевич в своем дневнике записал: «Ледник Федченко — ровный, огромный, огромный, в верхней части с редкими трещинами, довольно неудобный для ходьбы. Ледниковые иглы бьют колени, не дают прямо поставить ногу. Под тонким покровом из снега и льда бурлит вода над ледником. То и дело проваливаемся по колени. Иногда дорогу пересекала настоящая большая и глубокая река. Река на леднике!»¹⁰

О. Ю. Шмидт много фотографировал. «Красота-то какая! Какая величественная картина! Я ничего подобного никогда не видал ни в Альпах, ни на Кавказе!»¹¹ — восклицал Отто Юльевич.

У белоснежного ледника от группы О. Ю. Шмидта отделились Борхерс и Вин. Остальные расположились под перевалом на высоте 4700 м, где их и застали сумерки.

⁹ Доровеев И. Г. На леднике Федченко. С. 391.

¹⁰ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 201. Л. 61.

¹¹ Доровеев И. Г. На леднике Федченко. С. 382.

Рано утром 20 августа на высоте 4800 м удалось найти обозначенный на карте перевал Кашал-Аяк. С него вел спуск на ледник. Вдалеке виднелась река Ванч. Отто Юльевич не скрывал своей радости — перевал найден.

В пути не обошлось без приключений. Путников поражаало самообладание О. Ю. Шмидта. «Как-то раз, — вспоминает И. Г. Дорофеев, — мы с ним проходили по очень узкому карнизу, идущему над крутым и глубоким обрывом. В одном месте нам преградил путь большой обломок скалы. Чтобы обойти его, нам пришлось взяться за руки и, осторожно переступая, идти вдоль камня, прижимаясь к нему. Когда мы были примерно на середине каменной глыбы, вдруг услышали хруст разламываемых под ней камней и вслед за этим почувствовали, как эта громада зашевелилась. Видимо, мы тронули ногами какой-нибудь камень, лежавший под обломком скалы, он, в свою очередь, увлек за собой другой, и в результате передвижка этих камней вывела из устойчивого положения всю глыбу, которая начала оседать, ища новую точку опоры. Но она могла, не найдя этой опоры, полететь вниз и увлечь за собой и нас!»¹²

Отто Юльевич приказал стоять не шевелясь. «Наша задача, — произнес он, страшно побледнев, — не сдвинуть из-под скалы ни одного камня, тогда громада найдет новую точку опоры и успокоится. Мы будем спасены»¹³. Все так и произошло. О. Ю. Шмидт облегченно вздохнул и, вытирая платком лицо, произнес: «Ну, поистине мы с вами, Иван Георгиевич, родились в рубашке. Откровенно говоря, я думал, что нам придется совершить путешествие вон туда, к тем камням, что лежат на дне этого страшного обрыва»¹⁴. А ночью, когда путешественники уже находились в спальных мешках, совсем рядом прогремела большая лавина. Земля задрожала, горные ущелья наполнились раскатистым громким эхом.

На следующий день альпинисты вернулись во второй лагерь. Немцев Отто Юльевич нашел на главном леднике. За это время на высоте 4220 м у западного борта ледника Федченко он успел организовать третий высокогорный лагерь, куда постепенно перебрасывались продовольствие, палатки, снаряжение.

В верховье ледника Федченко отправились ранним утром 24 августа. «Мне лично, — записал в дневнике Отто

---

¹² Там же. С. 394.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Юльевич, — как наиболее тяжелому... пришлось несколько раз проваливаться одной ногой там, где только что перешли через щель по мосту другие»¹⁵. На ночлег остановился в лагере на высоте 4790 м. На следующий день предстояло перейти через ледник к подножию высоты (около 6400 м), намеченной для восхождения. После двух тяжелых переходов на высоте 5050 м у восточного края ледника Федченко альпинисты разбили лагерь. «Лагерь — внизу ледник, кругом горы. Горизонт замкнут всем окончанием ледника Федченко»¹⁶, — писал О. Ю. Шмидт.

28 августа предстояло восхождение на гору высотой 6000 м. Отто Юльевич записал в дневнике: «Завтра пойдем. Дойдем ли мы, русские, не знаю. Никто из нас выше 5300 м не был. Из немцев альпинистов участвуют двое самых молодых (студенты 21 года) и самых ловких, а нам 32—37 лет; я на 20 фунтов тяжелее немцев! Они месяца тренируются. Если не дойдем — стыдно не будет. Но хотелось бы дойти!...» И в конце приписка: «Дошли! От места лагеря 6000 м»¹⁷.

На следующий день Отто Юльевич вместе с Л. А. Перлиным отправился к Язгулему на поиски перевала Танымас. Пройдя до начала главного ледника, пересекли его (ширина составляла около 8 км) и на высоте 5200 м обнаружили перевал, по которому спускался переметный ледник на запад. В течение двух дней по этому леднику с большими трудностями спускались вниз, преодолевая нагромождения ледяных башен, трещины и обвалы. 1 сентября О. Ю. Шмидт и Л. А. Перлин вернулись в лагерь. Пока экспедиция не собралась, Отто Юльевич вместе с немецкими альпинистами отправился к пику Гармо, высота которого достигала 7495 м.

Вершина Гармо давно манила О. Ю. Шмидта. На следующий день группа в составе О. Ю. Шмидта, Н. Финстервальдера, К. Вина и Я. Шнейдера отправилась в путь. Шли весь день через ледник. Достигнув высоты 4600 м, остановились на ночевку. 9 сентября, разделившись на две группы, продолжили путь. Н. Финстервальдер и Я. Шнейдер отправились на самую низкую вершину, а Отто Юльевич и К. Вин — на среднюю, высотой 5600 м. Восхождение было трудным. Обледенелый снег, местами совершенно гладкий, заставлял альпинистов использовать для подъема кошки и веревки. Спускаться было не легче, да еще вели-

¹⁵ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 196. Л. 47.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

ка была опасность схода снежных лавин. Но цель была достигнута. На вершине Отто Юльевич поднял на ледорубе красный флаг, а К. Вин зажег факелы. Потрясала красота горного пейзажа. Набегавший быстрыми волнами туман лишь усиливал впечатление. «Особенно красивы Дарвазские горы за нашим хребтом, — записал в дневнике О. Ю. Шмидт. — Ледник Федченко являл поразительную картину. Пять-шесть рядом текущих ледников, разделенных узкими моренами и представляющих совершенно разный характер: один в глубоких поперечных трещинах, другой в ледяных иглах, третий совершенно гладкий и т. д. Шли к северной вершине, но соединительное ребро оказалось непроходимым, и нам пришлось на метров 400 опуститься в снежный котлован, к подножию вершины. Спустившись и оглянувшись назад, мы были поражены грандиозными очертаниями совершенно снежной вершины, на которую змейкой поднимался наш след, отчетливо видный на солнце»¹⁸.

Вернувшись в лагерь № 3, группа О. Ю. Шмидта встретила здесь с отрядами Н. П. Горбунова и Н. В. Крыленко. Весь состав экспедиции был в сборе. Отто Юльевич радостно приветствовал своих товарищей, которые совершили трудный подъем по Язгулемскому леднику и затем спуск по Федченко. «История их путешествия, — отмечал О. Ю. Шмидт, — перевал Кашан-Аяк-Ванч — перевал Абду-Кагор-Язгулем — перевал Танымас — лагерь № 3 на леднике Федченко — полна героизма и дала прекрасные географические результаты»¹⁹.

11 сентября Отто Юльевич со своей группой спустился вниз по главному леднику для разведки неизведанного прохода через него и реку Муксу, вытекающую на ледник, до населенного пункта Алтын-Мазар. Ледник был пройден без особых затруднений, но два дня группа, не имея уже продовольствия, пыталась преодолеть переправу через Муксу; быструю и бурную горную реку, несущую огромное количество камней. «Одна попытка за другой, — писал О. Ю. Шмидт, — кончалась тем, что идущего впереди сбрасывало, покрывало водой и било о камни, пока остальные на веревке его не вытаскивали. Наконец, после того как каждого по несколько раз топило и мы провели каждый около четырех часов в ледяной воде, переход удался»²⁰.

Ледник Федченко оказался впервые пройденным до конца. В Алтын-Мазар прибыли 14 сентября. Здесь уже

---

¹⁸ Там же. Д. 201. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 71.

²⁰ Там же. Д. 203. Л. 17.

находились геологи, а 16 сентября собралась вся экспедиция. Немного отдохнув и разобрав вещи, альпинисты выехали в Фергану. В Москве они были 29 сентября.

Результаты работы группы О. Ю. Шмидта были успешными: обнаружены и пересечены «бывшие» перевалы Кашан-Аяк и Танымас, открыты верховья рек Ванч и Язгулем, обследован ледник Федченко (протяженность около 72—74 км), один из величайших в мире. Ледник, оказавшийся чрезвычайно интересным по структуре, был много раз пересечен в разных местах.

Таким образом, основная географическая задача экспедиции — изучить и нанести на карту «неисследованную область» — была полностью решена. Альпинисты установили новый для страны рекорд — два подъема на высоту 6000 м (оба с участием О. Ю. Шмидта). По рекомендациям Отто Юльевича был разработан маршрут для экскурсий на ледник Федченко.

Памирская экспедиция привлекла большое внимание общественности. Когда после почти трехмесячного пребывания в горах исследователи вернулись в Фергану, О. Ю. Шмидт очень удивился своей популярности. Оказывается, местные газеты широко освещали работу экспедиции. С присущей ему скромностью Отто Юльевич подчеркивал в своих выступлениях, что «тот большой интерес, который проявляет наша страна к Памирской экспедиции, конечно, является результатом не наших заслуг... а результатом того огромного культурного прогресса, который, между прочим, привел к тому, что у нас проявляется бесконечный интерес к наукам всех отраслей, в том числе к географическим открытиям...»²¹

Из воспоминаний участников Памирской экспедиции об О. Ю. Шмидте перед нами встает образ человека необыкновенно мужественного, большой воли и выдержки. При этом он был удивительно добрым, отзывчивым, внимательным. «В этом внимании — великая человеческая душа Отто Юльевича»²².

Экспедиция на «Г. Седове» (1929 г.)

Вернувшись с Памира, Отто Юльевич начал готовиться к новым путешествиям. Он задумал исследовать Арктику. И мечта Отто Юльевича осуществилась. В 1929 г. произошло его первое знакомство с Арктикой. Он был назна-

²¹ Там же. Д. 202. Л. 1

²² Дорозеев И. Г. На леднике Федченко. С. 397.

чен начальником новой Арктической экспедиции Института по изучению Севера, созданного на базе Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ в 1925 г. Перед Арктической экспедицией была поставлена задача создать на Земле Франца-Иосифа метеорологическую станцию с радиопередатчиком и оставить там зимовщиков. Благодаря работе станции могла быть существенно повышена точность прогнозов погоды по стране. Кроме того, знание ледовой обстановки в Баренцевом и Карском морях могло облегчить плавание по ним судов. В то же время самая северная в мире станция должна была стать базой для проведения различного рода научных исследований и наблюдений: метеорологических, аэрологических, магнитных, геофизических, гидрологических, биологических и др. Экспедиция на Землю Франца-Иосифа 1929 г. отличалась от других экспедиций Института по изучению Севера. Кроме изучения района Арктики, она должна была выполнить важную задачу — закрепить принадлежность Советскому Союзу Земли Франца-Иосифа путем организации здесь постоянной геофизической обсерватории и водружения советского флага.

«Все это входило в задачи Арктической экспедиции 1929 г. на ледокольном пароходе “Г. Седов”. Начальником экспедиции был назначен проф. математики Московского университета О. Ю. Шмидт, который своим участием в советско-германской Памирской экспедиции 1928 г. зарекомендовал себя смелым, энергичным исследователем труднодоступных районов, опытным альпинистом и прекрасным организатором научных экспедиций. О. Ю. Шмидт совмещал обязанности начальника Арктической экспедиции 1929 г. и правительственного комиссара Земли Франца-Иосифа»²³.

Так началась новая фаза жизни Отто Юльевича, и очень скоро о его «северных» делах заговорил весь мир.

21 июля 1929 г. «Г. Седов» вышел из Архангельска. Исключительно талантливый и опытный судоводитель капитан В. И. Воронин, выходец из поморов, с детства любил море. Постепенно пришло чутье и умение разбираться в сложной картине движущихся льдов. «Очень важно для экспедиции,— писал Отто Юльевич,— было то, что В. И. Воронин с горячим интересом и глубоким уважением относился к научной работе. Благодаря этому сложная

---

²³ Григорьев А. А. Выдающийся исследователь и организатор изучения и освоения Арктики // Шмидт О. Ю. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2: Географические работы. С. 4.

проблема сочетания интересов судоводительства и научной работы, стоявшая на пути многих экспедиций, у нас всегда разрешалась легко и просто»²⁴. В дневнике О. Ю. Шмидт записал: «Капитан чрезвычайно внимательный. Производит впечатление человека осторожного и себе на уме, но опытный и приятный»²⁵.

Высоко ценил Отто Юльевич и деловые качества помощника капитана штурмана Ю. К. Хлебникова. Руководителями научных работ были назначены директор Института по изучению Севера Р. Л. Самойлович и большой знаток Шпицбергена и Новой Земли В. Ю. Визе. В 1912—1914 гг. В. Ю. Визе побывал на Земле Франца-Иосифа с экспедицией лейтенанта Г. Я. Седова. Тогда «Св. Фока» зимовал в бухте Тихой на острове Гукера. Р. Л. Самойлович руководил топографическими работами, совмещая их с геологическими исследованиями, а В. Ю. Визе — гидрологическими и метеорологическими.

В состав экспедиции входили гидролог и гидрохимик А. Ф. Лактионов, биолог Г. П. Горбунов, геолог и топограф А. И. Иванов, семь зимовщиков, 16 строительных рабочих, инженер Е. Е. Ильяшевич, врач Р. И. Белкин. Прессу и кино представляли Б. В. Громов и П. К. Новицкий.

В час отплытия из Архангельска экспедицию провожали торжественно и сердечно: играл оркестр, произносились теплые речи, яхты с белыми парусами по многу раз проходили мимо ледокола. «Плавание в Арктике — это потеря, — писал впоследствии Отто Юльевич. — С той лишь существенной разницей, что настойчивый имеет гораздо больше шансов выиграть, чем пассивный. Бывали годы, когда до Земли Франца-Иосифа можно было дойти по чистой воде. Так посчастливилось экспедиции герцога Абрुцского ("Stella Polare") в 1899 г. Наоборот, в иные годы архипелаг совершенно недоступен для обыкновенных судов. Тяжелый пример 1912 г., когда экспедиции лейтенанта Г. Седова пришлось зазимовать еще на Новой Земле. Доступен ли архипелаг всегда для ледокольных судов, было неизвестно. Нам и предстояло это выяснить. Год ожидался в смысле ледовых условий несколько хуже среднего. Впоследствии мы убедились в правильности этого предсказания: параллельная с нашей Норвежская экспедиция вернулась, не дойдя до цели»²⁶.

²⁴ Шмидт О. Ю. Арктическая экспедиция на ледокольном пароходе

²⁵ «Г. Седов» 1929 г. // Там же. С. 32.

²⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 150. Л. 5.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 161. Л. 7.

Начало плавания было удачным. Команда, собравшись к обеду, готовила специальный выпуск стенгазеты. Небольшой шторм, встретивший судно на юге Баренцева моря, не отразился на самочувствии людей.

На следующий день, 22 июля, начали входить в лед, который по мере продвижения судна становился все более плотным. Сжатие льда и туман заставляли все чаще останавливать судно. На льду увидели первых нерп и медведя.

Отто Юльевич периодически посылал телеграммы-донесения председателю Арктической комиссии С. С. Камневу о состоянии дел. Читал литературу, ежедневно делал записи в дневнике. Стоя на палубе, подолгу любовался красотами ледового пейзажа. «Самое красивое в льдах, и особенно в айсбергах, — их цвет, — писал О. Ю. Шмидт. — Интенсивно голубой, как в гроте на Капри, и та же причина. Когда льдина уходит под воду, она вдруг окрашивается прозрачной лазурью — глаз оторвать нельзя. Удивительно благородный тон. А иногда зеленовато-серый цвет. Бывало и так, что вода зеленоватая, а на самой льдине талые места светятся синим. По словам В. Ю. Визе, синие вода и лед — атлантические, а зеленые — северные. По-видимому, не только ветер гонит лед, прихотливо перемешивая его, но и в самой воде течения»²⁷.

Пережив, по словам Отто Юльевича, «каторжную зиму», он все еще не мог обрести равновесия. В дневнике Отто Юльевич писал: «Получил телеграмму от Л. Б. Камнева. Шлет “сердечный привет седовцам”. О близких пока думается мало. Пробовал заниматься математикой — не могу, не работается. Рано еще. Надо отдохнуть после этой каторжной зимы»²⁸.

Преодолевая порой непроходимые льды, ледокол медленно, шаг за шагом продвигался вперед, «к далекой цели». 28 июля первый этап плавания был пройден. К вечеру очутились в прибрежной полосе сравнительно чистой воды с одинокими льдинами и айсбергами. Главные трудности были позади. Земля появилась как-то неожиданно — сквозь снег выступало что-то черное, похожее на горы. К утру 29 июля было определено местонахождение судна — вблизи берегов острова Гукер, у входа в пролив де-Брюйнс. В тумане и снеге предстала перед путниками желанная Земля Франца-Иосифа. «Высокие черные базальтовые скалы, по уступам перерезанные лентами снега, — писал О. Ю. Шмидт. — производили огромное впечатление

²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 250. Л. 12.

²⁸ Там же. Л. 13.

своей величественной красотой и суровостью. Эта суровость только подчеркивалась редким мхом и цветочками желтого полярного мака, кое-где пробивающегося из-под снега. Очарованные, в торжественном молчании пронесли флаг до выступа на морене близкого ледника, где мы решили его установить. Просто, но с глубоким внутренним ощущением значительности момента произошло торжество поднятия флага над архипелагом Земли Франца-Иосифа»²⁹. Отто Юльевич, сняв шапку, произнес: «В силу данных мне полномочий объявляю Землю Франца-Иосифа территорией СССР». Под салют ружейных залпов взвился флаг. Эти минуты остались навсегда в памяти участников экспедиции. Помнят о них и современники.

Поиски удобного и безопасного места для высадки привели участников экспедиции в бухту Тихую, где «Г. Седов» стал на якорь. Осмотрев окрестности, выбрали место постройки — мыс Седова, тот самый мыс острова Гукер, где Г. Я. Седовым определен астрономический пункт и поставлен на этом месте крест. Одновременно с выгрузкой начались строительные работы. Собирали деревянные бревенчатые дома, сделанные еще в Архангельске. Устанавливали научные станции. Гидрологией занимались В. Ю. Визе и А. Ф. Лактионов, морское население Арктики изучали зоологи Н. П. Горбунов и Б. Д. Георгиевский. 22 августа на берег переехали зимовщики. Затем судно двинулось к северной окраине Земли Франца-Иосифа — решено было разыскать могилу Г. Я. Седова. В Британском канале установили научные станции. Посетили бухту Теплиц, где сохранился дом экспедиции Циглера—Фиана.

Совершив плавание в северную часть архипелага, «Г. Седов» прошел через Британский канал и, следуя мимо острова Рудольфа, достиг наиболее северной широты 82°14'. Тем самым была осуществлена первая и по своим научным достижениям весьма успешная попытка отечественных исследователей пройти на ледоколе в собственно океаническую область Арктического бассейна. Построив метеорологическую станцию и оставив зимовщиков, команда собиралась в обратный путь. «Мучительно жаль уходить. Так и остался бы, кажется, на зимовку. Хочется растянуть, хоть на день еще продлить плавание»³⁰, — писал О. Ю. Шмидт в те дни. Особенно тяжело было расставаться с зимовщиками. «Мне ясно вспоминается момент,

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 167. Л. 23.

³⁰ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Г. Седове» 1929 г.: (Дневник) // Избранные труды. Т. 2. С. 68.

когда постройка станции была закончена и я прощался с семьей зимовщиками, которые должны были остаться на острове. Это было в сентябре, но термометр показывал уже 10° ниже нуля. Начинаясь зима, длаящаясь здесь 9 месяцев, из которых 4 месяца полярной ночи. Несмотря на это, семеро полярников, оторванные от "большой земли", благополучно прозимовали, выполнили свою научную работу, и, когда на следующий год я вновь встретил их на Земле Франца-Иосифа и привез им смену, они все были готовы остаться в Арктике дольше. И действительно, после непродолжительного отдыха они отправились на другие полярные станции»³¹.

Начиная с этой экспедиции рейсы на Землю Франца-Иосифа стали регулярными. Попутно изучались районы наиболее западного из наших арктических морей — Баренцева. Но не только в этом значении экспедиции на «Г. Седове». Она показала, что для углубленного изучения Арктики нужны систематические исследования. От организации отдельных экспедиций необходимо было переходить к созданию сети научных полярных станций. Первая самая северная станция была расположена на Земле Франца-Иосифа. С нее и началась «арктическая жизнь» Отто Юльевича. Горячо любив Арктику, он в течение многих лет служил своей отчизне «на этом изумительном поприще»³².

Первую Арктическую экспедицию О. Ю. Шмидта современники называли «героической поэмой» первого десятилетия покорения Арктики и освоения земель Крайнего Севера.

Экспедиция на «Г. Седове» (1930 г.)

Материалы экспедиции 1929 г. тщательно изучались. В январе 1930 г. заседание президиума Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР было посвящено Северной Земле. Было признано целесообразным организовать в 1930 г. на ней разведку попутно с экспедицией на Землю Франца-Иосифа для смены зимовщиков. Начальником Арктической экспедиции вновь назначался О. Ю. Шмидт. При этом на 1930 г. за ним сохранялись полномочия правительственного комиссара Земли Франца-Иосифа и распространялись на

---

³¹ Шмидт О. Ю. Исследование Арктики в СССР: Докл. на конгр. мира и дружбы в Лондоне в декабре 1935 г. // Там же. С. 203.

³² Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биограф. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 28.

Северную Землю и остров Уединения, а также на другие острова, которые могли быть открыты настоящей экспедицией. Бывший начальник колонии на острове Врангеля А. Г. Ушаков назначался руководителем зимовочной партии на Северной Земле³³.

В июне 1930 г. О. Ю. Шмидт был назначен директором Всесоюзного Арктического института. Его заместителями стали Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе, А. Г. Ушаков. Воспоминая об этом назначении, М. И. Шевелев писал: «Надо сказать, что Отто Юльевич был именно таким человеком, который нужен был для этой работы. В нем объединились на редкость широкие энциклопедические знания во многих областях науки (а для изучения этих районов необходима была всесторонняя научная эрудиция), способность лично участвовать в физически трудных экспедициях, умение хладнокровно найти верное решение в сложных, порой опасных обстоятельствах, большой опыт государственной работы и мужество, непрсклонная решимость во что бы то ни стало выполнить задание»³⁴.

Отто Юльевич принялся со всей тщательностью готовиться к новой экспедиции. В дни прощания с Арктикой в 1929 г. Отто Юльевич записал в дневнике: «Стоял долго на носу и поймал себя на мысли: уже недолго буду смотреть, как колются льды, скоро конец. И стало очень жалко расставаться с Арктикой. Приехать бы вновь в будущем году, сменить зимовщиков, построить базы на мысе Флора, в бухте Теплиц, на западе Земли Александры. Или пойти с ледоколом к полюсу на зимовку!»³⁵

Недолго пробыв дома, О. Ю. Шмидт снова собрался в экспедицию на «Г. Седове», которая, по сути, явилась прямым продолжением прошлогоднего вояжа. Арктическая комиссия поставила перед экспедицией решение двух задач: «...вновь достичь Земли Франца-Иосифа, где сменить зимовщиков и достроить станцию, и в тот же рейс отправиться на Северную Землю не изведанным еще путем, также построить там станцию и оставить людей»³⁶.

В ходе экспедиции ее участникам предстояло проверить возможность плавания на ледокольном пароходе в Карском море, ледовая обстановка которого была значительно тяже-

³³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 261. Л. 1—2.

³⁴ Шевелев М. И. Научные идеи Отто Юльевича Шмидта в стратегии освоения Арктики // О. Ю. Шмидт и советская геофизика 80-х годов. М.: Наука, 1983. С. 22.

³⁵ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Г. Седове» 1929 г. С. 65.

³⁶ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Г. Седове» 1930 г. // Избранные труды. Т. 2. С. 72.

Команда ледокола «Г. Седов» (1930 г.)

лее, чем Баренцева моря. Одновременно решалась и другая важная задача — изучить Карское море, поскольку было неясно, представляет ли оно собой открытый залив Северного Ледовитого океана или закрытый водоем.

15 июля 1930 г. жители Архангельска вновь провожали ледокол «Г. Седов» в плавание. Торжественная церемония прощания всегда действовала на О. Ю. Шмидта. И на этот раз, обычно спокойный, начальник экспедиции не мог скрыть свое волнение. Капитан Воронин, верный друг Отто Юльевича, в парадной морской форме стоял на капитанском мостике. Суда салютовали «Г. Седову» тремя гудками.

Итак, новая экспедиция во главе с О. Ю. Шмидтом началась. Достигнув Земли Франца-Иосифа, ее участники отправились на станцию. Здесь все было в порядке, зимовщики здоровы. Встреча была радостной, праздничный стол ломился от яств. Спустя час в комнату вошел радист Евгений Гершевич и остановился, не зная, кому же передать радиogramмы. Перед ним за столом в одинаковых свитерах и с одинаковыми бородами сидели пять человек. Кто же из них Шмидт? Отто Юльевич поднялся со стула и улыбаясь произнес: «Я и сам себя чуть не спутал. Вот ведь они какие! Бороды растили по моим фотографиям»³⁷.

По ходу экспедиция высаживалась на мысе Флора, на островах Белл и Альджер. Вернувшись на Землю Франца-Иосифа, Отто Юльевич увидел, что прежняя зимовка была значительно расширена: за время его отсутствия был выстроен новый дом. Это создало благоприятные условия для выполнения программы намеченных исследований. Здесь разместилась новая радиостанция, зимовщики получили отдельные комнаты.

Состав зимовщиков существенно обновился. Появилось много молодежи. Начальником полярной станции стала зимовщица Нина Петровна Демме. «Если опыт зимовки первой женщины пройдет и дальше хорошо, говорил Отто Юльевич, то нам ничто не помешает на Землю Франца-Иосифа посылать целые семьи»³⁸.

На Земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой, начали собирать геологические коллекции, проводили биологические и гидрологические исследования. Спустившись в щель ледника на глубину 25 м, Отто Юльевич более двух часов рубил лед, чтобы провести его анализ. Когда высаживались на островах Альджер, Ли-Смита, Земле Вильчека, острове

---

³⁷ Муханов Л. Ф. Друг полярников // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 280.

³⁸ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Г. Седове» 1930 г. С. 74.

Джексона, Отто Юльевич всегда шел впереди, наполняя свой походный рюкзак мхами, лишайниками, камнями. Букетики голубых полярных незабудок и ярких маков он нес в руках, а на поясе непременно висели две-три подстреленные полярные птицы.

Простившись с зимовщиками, экспедиция вернулась на Новую Землю, чтобы получить уголь, который должен был доставить сюда ледокол «Сибиряков». Встреча с «Сибиряковым» произошла в Русской Гавани, из которой «Г. Седов» вышел в свой главный рейс на Северную Землю. Первую свою остановку участники экспедиции сделали на острове В. Ю. Визе. Поразила скудность и суровость его природы. Остров мог вполне служить базой, посадочной площадкой, а в случае аварии в море к нему можно было подойти. Здесь был установлен астрономический пункт, проведена топографическая съемка. В этой же части Карского моря были открыты острова Исаченко и Воронина. Миновав последний, экспедиция попала в тяжелейшие полярные льды. Чтобы двигаться дальше, пришлось взорвать лед. Не было никакой возможности пробиться на восток, поэтому решили попробовать подойти к Северной Земле со стороны ее юго-западной оконечности мыса Неупокоева. По ходу открыли небольшой островок, назвав его именем Самойловича. Здесь команда встретила с удивительным явлением. Все видели острова, большие ледники; капитан, опытный человек, даже нанес их на карту, а потом пришлось все стирать. Оказалось — это был лишь мираж. «В своей подозрительности к этому эффекту, — писал Отто Юльевич, — мы дошли до того, что я уже перестал верить в наличие суши даже тогда, когда действительно появились острова»³⁹. Их назвали островами Каменева. На одном из них начали строить научно-исследовательскую станцию, которая была уже готова через четыре дня. Условия жизни зимовщиков здесь оказались много тяжелее, чем на Земле Франца-Иосифа и на острове Врангеля: суровая зима, кругом льды, из животных — медведи да морские зайцы. И несмотря на это, настроение у зимовщиков было бодрое. О. Ю. Шмидт вспоминал: «Наряду с Г. А. Ушаковым нас поражает Н. Н. Урванцев — геолог, имеющий большие знания, человек с большими заслугами, открывший месторождения металлической руды... И такой замечательный ученый предпочел поехать на 3 года сюда, на далекую Северную Землю!»⁴⁰

³⁹ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Г. Седове» 1930 г. С. 80.

⁴⁰ Там же. С. 82.

Оставив североземельцев, путешественники двинулись в обратный путь: телеграммы с «большой земли» звали домой. Правда, возвращаться не хотелось, и О. Ю. Шмидт отдал команду плыть на север. И не напрасно: «По пути открыли остров, похожий по типу на острова, которые находятся вблизи Земли Франца-Иосифа. Сплошная ледяная шапка». Остров нанесли на карту и назвали его именем Шмидта. Дальше непреодолимой преградой встали тяжелые льды, и «Г. Седов» решил повернуть, чтобы идти к Новой Земле, к Русской Гавани.

Проведенные в ходе экспедиции многочисленные наблюдения на Земле Франца-Иосифа и на Северной Земле позволили получить большой научный материал. Микробиолог профессор Б. Л. Исаченко установил, что на Севере нет бактерий.

Было доказано также преимущество ледокола перед дирижаблем для более достоверных исследований Севера. Изучался характер берегов, определялись на островах места для постройки исследовательских баз. Зимовщики обследовали острова Северной Земли. Полярники Г. А. Ушаков и Н. Н. Урванцев в течение двух лет на собаках объездили все побережье архипелага. В результате на карту было положено 36 тыс. км², составлена геологическая карта, установлен целый ряд астрономических пунктов. В невероятно трудных полярных условиях отважные исследователи прошли на собаках более 5 тыс. км. Они составили подробную карту островов, открыли новые острова и проливы, собрали богатейшие коллекции растительного и животного мира.

В своем докладе на заседании Комиссии по изучению Арктики 15 октября 1930 г. Отто Юльевич старался обратить особое внимание на команду ледокола «Г. Седов»: «Мне хотелось бы еще сказать несколько слов о капитане и команде ледокола. От экипажа ледокола зависит очень многое, а от капитана — больше половины успеха. Капитан В. И. Воронин — лучший ледокольный капитан. Он обладает исключительным самообладанием, не только великолепно ведет судно, но интуитивно чувствует, как его надо вести (может быть, это чутье выработано целым поколением его предков — поморов). И что очень важно, В. И. Воронин отличается редким для капитана пониманием целей и значения наших научных исследований. Он сам нам помогал в научной работе, своей рукой вычертил карту с указанием ледовых условий района, в котором мы находились. Он готов идти на многое, даже на риск, ради успеха научных исследований... Это исключительная лич-

ность, которая заслуживает поощрения. Многое зависит и от команды... Команда этого года была подобрана из стойких людей, которые относились к делу с исключительным вниманием»⁴¹.

В каждом слове доклада Отто Юльевича звучала забота о людях, совершавших важнейшее задание в неизведанных землях. О зимовщиках этой экспедиции он говорил так о героических людях, которым пришлось преодолевать исключительные трудности. «Но все эти трудности и двухлетнюю оторванность от "большой земли" они стойко перенесли»⁴².

Подводя итоги плавания, О. Ю. Шмидт на основании проведенных исследований определил дальнейшие задачи Арктического института в области изучения Арктики. По его мнению, основной метод работы в Арктике экспедиционный. Особое значение Отто Юльевич придавал ледокольным экспедициям. Проникая в глубь вечных льдов, они могли исследовать огромные территории в целях их хозяйственного освоения. Исключительный успех ледокольных экспедиций, организованных Арктическим институтом в 1929—1931 гг. к Земле Франца-Иосифа и к Северной Земле, выдвинул СССР на первое место среди стран, принимавших полярные исследования. О. Ю. Шмидт писал, что ледокольный флот и превосходные кадры полярников впервые в мире выкристаллизовались в названных экспедициях⁴³.

Поход «Сибирякова» (1932 г.)

В 1932 г. О. Ю. Шмидт возглавил экспедицию на ледоколе «Сибиряков». Идея эта возникла еще во время плавания на «Г. Седове» в 1930 г. Исследование западной части Арктики Отто Юльевич считал в первом приближении вполне осуществимым, поэтому он предложил организовать экспедицию на ледоколе из Архангельска во Владивосток, т. е. пройти путем А. Норденшельда, но без зимовки. В. Ю. Визе, с которым О. Ю. Шмидт обсудил этот вопрос, поддержал его и предложил начать плавание в 1932-м Международном Полярном году. Комитет по проведению в СССР Международного Полярного года под председательством А. Ф. Вангейма включил экспедицию в общий план

---

⁴¹ Там же. С. 83.

⁴² Шмидт О. Ю. Арктические экспедиции 1932 г. // Избранные труды. Т. 2. С. 87.

⁴³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 162. Л. 3.

Экспедиция на «Сибирякове»
(в центре — О. Ю. Шмидт, справа — В. Ю. Визе)

как главную операцию года. Одобрил ее и Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями в ведении которого находился Арктический институт. Особенно детально задачи экспедиции обсуждались в Арктической комиссии С. С. Каменева.

Вопрос о связи центральной области Восточной Сибири посредством реки Лены и сибирских морей с важнейшими портами (Мурманск и Архангельск на западе, Владивосток на востоке) был все еще не решен. Внимание обычно уделялось только восточному подходу морских судов к устью Лены. О. Ю. Шмидт считал, что потребуются несколько экспедиций для эффективного использования Северного морского пути. Важным этапом для реализации этой программы было строительство станций на Ляховском острове (1928 г.), острове Врангеля (1928 г.) и на Северной Земле (1930 г.).

Организуя морскую экспедицию из Архангельска во Владивосток, Арктический институт считал первоочередным исследование двух районов — пролива Вилькицкого между Северной Землей и Таймырским полуостровом и «белого пятна» в Восточно-Сибирском море, известного под названием Земли Андреева. Пролив Вилькицкого являлся камнем преткновения на морском пути из Карского моря в море Лаптевых. Исследование района гипотетиче-

О. Ю. Шмидт на «Сибирякове» (1932 г.)

ской Земли Андреева, помимо научного, имело и большое практическое значение.

28 июля экспедиция на ледоколе «Сибиряков» вышла из Архангельска. На капитанском мостике вновь стоял капитан В. И. Воронин. Профессор В. Ю. Визе был заместителем О. Ю. Шмидта по научной части. Среди ученых находилась также одна женщина — магнитолог И. Л. Русинова.

Выйдя из Архангельска, «Сибиряков» сравнительно скоро достиг Новой Земли, затем прошли Карским морем и направились к Северной Земле. 14 августа «Сибиряков» подошел к островам, а навстречу ему уже плыла шлюпка с зимовщиками. На следующий день удалось обогнуть Северную Землю с севера. Правда, пробивались с трудом, через очень тяжелый лед, но научную работу не прекращали. Измеряли глубины, производили химический анализ воды, изучали растительный и животный мир, а также морские течения, структуру льда, характер донных отложений и т. п.

Среди льдов и ледяных пустынь большое разнообразие в жизнь путников вносили белые медведи. Они были очень доверчивы, из чего можно заключить, что людей видели впервые. Подходили к ним довольно близко, не боясь. Любимцем экипажа стал маленький медвежонок, которого взяли с собой.

Выйдя из полосы льдов, «Сибиряков» 28 августа достиг устья величайшей сибирской реки Лены. Затем миновали Новосибирские острова, устье Колымы и вновь попали в тяжелые льды, которые сломали лопасти винта. Положение стало критическим. «Ледокол потерял возможность маневрировать, — писал О. Ю. Шмидт, — а со всех сторон угрожали льды, непрерывно движущиеся под влиянием ветра и течения»⁴⁴.

Винт пришлось менять самим. Включились все участники экспедиции, и в течение пяти суток работа была закончена. Однако через два дня очередная встреча с льдиной вновь принесла неприятность. На этот раз не выдержала сталь изношенного вала. Гребной вал, идущий от машины к винту, сломался, и конец его вместе с винтом ушел на дно. Зимовка казалась неизбежной, ведь до Берингова пролива — конечного пункта ледового плавания — оставалось 150 км, а льды продолжали уплотняться. Лишь спустя две недели люди вышли из ледового плена и смогли попасть в Берингов пролив. Северный Ледовитый океан был пройден. По Тихому океану уже тащились на буксире рыболовного тральщика «Уссуриец», затем став на ремонт в Японии. Здесь была издана работа О. Ю. Шмидта и В. Ю. Визе «Об экспедиции на ледоколе «Сибиряков»». Их автографы приводились на русском языке. Отто Юльевич написал:

«Чрезвычайно рад удачной идее господина Оно, главы издательства Times Pamphlet Service, познакомить Японию

---

⁴⁴ Шмидт О. Ю. Поход «Сибирякова» // Избранные труды. Т. 2. С. 93.

в сжатом виде с результатами экспедиции на ледоколе «Сибиряков». Пребывание этой экспедиции в Японии и сердечный прием, оказанный экспедиции японскими научными и общественными организациями, несомненно, служили делу культурного сближения двух великих народов.

О. Шмидт.
Начальник экспедиции».

В декабре экспедиция вернулась в Москву. Доклад О. Ю. Шмидта о ее научных результатах слушался на пленуме Ученого комитета 17 декабря. Из резолюции заседания видно, что результаты экспедиции были оценены достаточно высоко. Отмечались и заслуги Арктического института. В резолюции подчеркивалось: «Признавая особенно существенными и важными результаты, достигнутые экспедицией на ледоколе «Сибиряков» под руководством О. Ю. Шмидта, В. Ю. Визе, В. И. Воронина, доказавших возможность прохождения Северного пути в течение одной навигации, что открывает перед страной широкие перспективы в дальнейшем освоении Арктики, принять все меры к тому, чтобы работы учреждений Ученого комитета, поставившие себе целью научное изучение и хозяйственное освоение Арктики, продолжались и в дальнейшем в возможно более широком масштабе, о чем войти с соответствующим представлением в высшие правительственные органы»⁴⁵.

Ледокол «Сибиряков» был награжден орденом Красного Знамени, другими орденами — все участники экспедиции. «За успешное разрешение исторической задачи сквозного плавания по Ледовитому океану, неутомимую энергию, способствовавшую осуществлению и разрешению поставленных перед экспедицией задач»⁴⁶ Отто Юльевич Шмидт получил орден Ленина.

Решением ЦК ВКП(б) комиссии в составе В. В. Куйбышева, О. Ю. Шмидта, Я. Б. Гамарника и Л. Б. Каменева поручалось разработать проект предложений, вытекающих из сообщения О. Ю. Шмидта об экспедиции «Сибирякова». В этом решении говорилось и о необходимости создания специального государственного органа, основной задачей которого будет координация работ по освоению Северного морского пути от Белого моря до Берингова пролива. Так, при СНК СССР родилась

---

⁴⁵ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 283. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Д. 282. Л. 1.

DECEMBER 01 1932 NO 1111

TIMES INTERNATIONAL
NEWS PAMPHLET SERVICE

О. Ю. Шмидт и В. Ю. Визе

Об Экспедиции на
Ледоколе „Сибиряков“

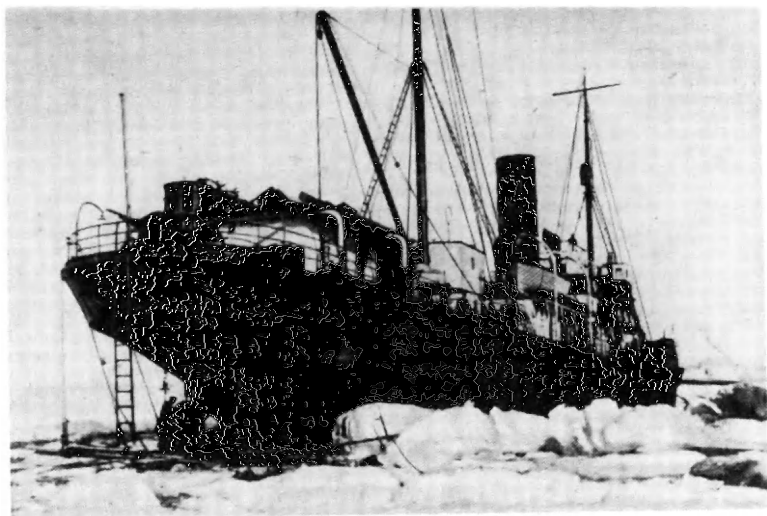
28/VII—1/X. 1932 г.

BUREAU OF
INTERNATIONAL
NEWS PAMPHLET SERVICE

THE TIMES TSUSHINGHA
HIBIYA PARK TOKYO.
JAPAN

новая полярная организация — Главное управление Северного морского пути — Главсевморпуть. Его начальником был утвержден О. Ю. Шмидт. В ведение Главсевморпути передавались научные и метеорологические радиостанции, расположенные на берегу и островах Северного Ледовитого океана. Арктический институт также входил в это ведомство и должен был заниматься исследованием Северного морского пути. Ледоколы «Г. Седов», «Сибиряков», «Таймыр» и «Садко» становились собственностью Главсевморпути.

Ледокол «Сибиряков» (1932 г.)

чалась также большая изыскательская научная работа по освоению Севера.

Возглавив это управление, Отто Юльевич стал заниматься подбором кадров. Дело это оказалось непростым: опытных полярников было не так много. А скоро снова предстояли походы в безбрежный ледяной океан.

Экспедиция на «Челюскине» (1933 г.)

Челюскинская эпопея в жизни О. Ю. Шмидта занимает особое место. Началась она в 1933 г., когда было решено повторить путь «Сибирякова» — пройти Северным морским путем. Вызвано это было рядом причин. Во-первых, надо было сменить зимовщиков на острове Врангеля и расширить станцию, во-вторых, важно было выяснить возможность совместной работы ледоколов и пароходов.

В отличие от «Г. Седова» и «Сибирякова» «Челюскин», на котором предстояло совершить плавание, не был ледоколом. Это был большой грузовой пароход новейшей конструкции, предусматривавшей плавание в условиях льда. Он был назван в честь подштурмана русского флота Семёна Челюскина, первого из европейцев, которому удалось в 40-е годы XIX в. достичь северной оконечности Азии. Пароход, только что построенный в Дании, еще не имел своей «морской» биографии.

Состав экспедиции и команду Отто Юльевич подбирал, как всегда, очень тщательно. Испытав все тяжести плавания в суровых льдах Арктики, он полагался в основном на своих верных «сибиряковцев» — капитана В. И. Воронина и второго штурмана М. Г. Маркова. Первым штурманом и его дублером были опытные северные моряки Гудин и Павлов. Старшим механиком в машинной команде стал Н. К. Матусевич. Но пригласить всю команду «Сибирякова» не удалось, так как он направлялся к мысу Челюскин для расширения расположенной там станции. Младшими механиками О. Ю. Шмидт взял студентов ленинградских вузов. Среди команды находились и женщины.

Сотрудники Арктического института подготовили список тех, кто будет заниматься научными исследованиями. В состав экспедиции были также включены «сибиряковцы»: писатель С. Семенов, корреспондент «Известий» Б. В. Громов, секретарь Отто Юльевича, корреспондент «Комсомольской правды» Л. Муханов, художник Ф. Решетников, фотограф К. Новицкий, два кинооператора — М. Трояновский и А. Шафран. Был приглашен и поэт Илья Сельвинский. О. Ю. Шмидт считал, что представители печати и искусства должны быть непременно участниками экспедиции. Он ценил в них умение быстро найти контакт с работниками любых других профессий, что в результате способствовало сплочению всего коллектива.

В группе зимовщиков, отправлявшихся на остров Врангеля, были люди разных специальностей. Некоторые из них ехали с семьями. Инженер-строитель В. А. Ремов возглавлял группу строительных рабочих. В штаб Шмидта входили И. А. Копусов, И. Л. Баевский, А. Н. Бобров. 12 июля Ленинград тепло провожал «Челюскина», взявшего курс на Копенгаген. Оттуда в Мурманск путь был исключительно тяжел, пароход сильно качало. Он был очень широк для корабля водоизмещением 7500 т. «Опасения Воронина стали сбываться, как только “Челюскин” вышел в открытое море. Его качало сильно и стремительно, как настоящий ледокол. Но ледоколом, увы, он не был»⁴⁷.

10 августа из Мурманска «Челюскин» начал плавание. Довольно спокойно прошли Баренцевым морем и проливом Маточкин Шар. В Карском море встретились с ледоколом «Красин», но от проводки отказались. «Мы решили, — писал Отто Юльевич, — пытаться пройти самостоятельно, одновременно развертывая научную работу. Как с точки зре-

⁴⁷ Водопьянов М. В., Григорьев Г. К. Повесть о ледовом комиссаре. М.: Географгиз, 1959. С. 116.

ния наибольшей ценности этой работы, так и с точки зрения быстроты продвижения мы выбрали более северный вариант пути, чтобы в случае задержек со вскрытием льдов в проливе Вилькицкого пытаться пройти более северным проливом Шокальского, между главными островами архипелага Северная Земля»⁴⁸.

В густом тумане «Челюскин» медленно продвигался вперед. На тринадцатый день плавания, произведя научные измерения в неисследованных частях Карского моря, зафиксировали очень малую глубину — всего 14,5 м. Это встревожило О. Ю. Шмидта и В. И. Воронина. Бросив якорь, они решили ждать прояснения погоды. Когда рассеялся туман, ранним утром стал виден большой остров, которого на карте не было. Сопоставив данные, Отто Юльевич правильно определил, что это был остров Уединения, открытый норвежским промышленником Иогансеном на зверобойной шхуне «Нордланд» в 1878 г. На карту он был нанесен неправильно, на 50 миль восточнее истинного положения. Над островом О. Ю. Шмидт и В. И. Воронин летали на самолете-амфибии конструкции Шаврова («Ш-2») с пилотом М. С. Бабушкиным. Оказалось, что «нехожий» остров являлся землей, которую обнаружила экспедиция «Сибирякова» и назвала островом Исаченко. Теперлоция Карского моря была исправлена. Во время плавания «Челюскин» встречался с «Седовым», «Красиным», «Сибиряковым», «Русановым» и другими кораблями, проходившими мимо мыса Челюскин. За 1933 г. их здесь прошло 11, «тогда как за всю предыдущую историю, вплоть до 1932 г., всего только 9 пароходов обогнули эту северную оконечность Азии. Яркий показатель наших быстрых успехов в освоении Арктики!»⁴⁹ — писал Отто Юльевич.

Радостным выдался день 31 августа: у Доротеи Ивановны, жены геодезиста В. Г. Васильева, будущих зимовщиков острова Врангеля, родилась дочь. Капитан В. И. Воронин отметил это событие в вахтенном журнале. В честь Карского моря девочку нарекли именем Карина.

Когда остановились недалеко от мыса Биллингса, Отто Юльевич решил проверить, можно ли подойти к острову Врангеля. По радио он связался с Чукоткой, где в то время находился летчик Куканов. Его гидросамолет вскоре приземлился вблизи «Челюскина». На нем и отправился О. Ю. Шмидт вместе с зимовщиком Буйко на остров Врангеля.

⁴⁸ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Челюскине» и Северный морской путь

⁴⁹ // Избранные труды. Т. 2. С. 107.

Там же. С. 109.

«Челюскин» тем временем приближался к мысу Северный, и Отто Юльевич вернулся на корабль. Убедившись в том, что «Челюскин» не может подойти к острову с южной стороны, а восточнее, в направлении к острову Геральда, и далее на юго-восток льды становились более разреженными, Отто Юльевич с командой принял решение «идти сначала к Берингову проливу, чтобы выполнить эту часть задания; из района Берингова пролива пытаться идти на север и затем на северо-запад, к о. Врангеля; если же подход окажется невозможным и с этой стороны, то выгрузить дома и прочее имущество в одном из пунктов Чукотского полуострова, построив, таким образом, станцию, которая будет во всяком случае полезна, а на о. Врангеля отправить самолетом уменьшенный состав для смены зимовщиков»⁵⁰.

Дальнейшее плавание проходило среди 9—10-балльных льдов, которые все больше сплавивались. Впереди же была Колючинская губа, где многие полярные экспедиции терпели аварии. Пароход находился в ледяных тисках. 1 октября к нему подъехали на двух собачьих упряжках чукчи. О. Ю. Шмидт решил эвакуировать с ними часть персонала на мыс Дежнева, где их мог бы принять ледорез «Литке», что и было сделано. Восемь человек сошли на берег, однако эвакуацию остальных пришлось отменить, так как обстановка резко изменилась. Ветер внезапно переменился, и во льду образовалась трещина, достаточно широкая для прохода парохода. Правда, продвинуться удалось лишь ненадолго, лед снова сдавил «Челюскина». Начался дрейф. Пароход кружило. Несколько раз его проносило мимо мыса Сердце-Камень и отодвигало назад или на север.

Наконец, дрейф «Челюскина» принял юго-восточное направление, и 3 ноября он вошел в Берингов пролив. Здесь поджидала новая беда: внезапно льдину, на которой находился «Челюскин», стало относить на север. О. Ю. Шмидт запросил «Литке» о помощи, однако ледорезу удалось приблизиться лишь на 45—50 км. Самолет был поврежден. В декабре льды однажды расступились, но вскоре море вновь замерзло. В одной из радиограмм О. Ю. Шмидт сообщал: «С тех пор как «Челюскин» был зажат и попал в дрейфующий лед, его судьба зависела в значительной степени от случая».

13 февраля этот роковой случай произошел: сильное сжатие прошло через место стоянки парохода. «Всю злобу,

---

⁵⁰ Там же. С. 112.

которую только могла излить Арктика на непрошеного гостя, она излила сразу — послала пургу, мороз и нордовый ветер»⁵¹, — вспоминали «челюскинцы». После полудня О. Ю. Шмидт и В. И. Воронин, стоя на полубаке, с тревогой смотрели, как льды нагромождались друг на друга и белые гряды надвигались на «Челюскина». Корабль сотрясало. Страшным ударом разорвало левый борт. Лед продолжал наступать. О. Ю. Шмидт начал выгрузку аварийных запасов. Корабль тонул. Оставались считанные минуты жизни судна. «Челюскинцы» спешно выгружали на лед продовольствие, палатки, спальные мешки — самое необходимое, чтобы поддержать жизнь 104 человек. О. Ю. Шмидт и В. И. Воронин покинули корабль последними. «Челюскин», приняв вертикальное положение, быстро уходил в воду. На льдине остались 104 человека. Погиб Б. Могилевич. Радист Э. Т. Кренкель слал донесения в эфир. Вскоре была образована правительственная комиссия по спасению «челюскинцев» под председательством В. В. Куйбышева. Надежды возлагались на авиацию. Между тем жизнь на льдине продолжалась. Особенно оживленно было в палатке О. Ю. Шмидта. «Чего только не знал этот энциклопедист XX века! О чем только он не рассказывал товарищам вечерами на льдине, кружившей в полярном море, когда за окном выла пурга и ветер валил людей с ног»⁵².

Это были беседы о будущем России, об истории Южной Америки, о теории психоанализа З. Фрейда, о формальной логике, о жизни и творчестве Г. Гейне, об истории Германии, о возникновении итальянского фашизма, об истории монашества в России, о Чукотке и ее освоении, о музыке, композиторах, поэзии. Книг на корабле осталось немного. Отто Юльевич писал впоследствии: «Мы не имели основания рассчитывать на досуг во время пребывания в ледяном лагере, и в план первоочередных аварийных грузов книги не входили. К тому же помещение библиотеки корабля было залито одно из первых»⁵³. Самой любимой книгой стал чудом спасенный томик А. Пушкина. Он переходил из палатки в палатку, и вскоре началось коллективное чтение стихов. Отто Юльевич вспоминал: «По-разному в каждой среде, но одинаково глубоко и ярко воспринимался Пушкин. Мужественная эпоха, в которую мы живем, мужест-

---

⁵¹ *Водопьянов М. В., Григорьев Г. К.* Повесть о ледовом комиссаре. С. 131.

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1: Д. 188. Л. 1.

венная борьба, которую вели, в частности, на льдине, сама суровость окружавшей нас обстановки заставили нас по-новому чувствовать силу и металл пушкинского стиха. А таившаяся в душе нежность, горячая любовь к отечеству, воспоминания о далеких друзьях, порою тоска по любимой — весь этот сложный переплет волновавших нас чувств находил в стихах Пушкина законченное гениальное выражение. Не раз мне приходилось наблюдать, как смутные, иногда тревожные чувства людей приходили в ясность и устремлялись к единой общей цели после чтения или слушания Пушкина. Пушкин нам крепко помог в нашей трудной задаче»⁵⁴.

Тем временем активно шла подготовка к спасению «челюскинцев», создавались все новые посадочные площадки взамен разрушаемых льдами. Летчик Анатолий Ляпидевский дважды делал попытку долететь с Чукотки до лагеря О. Ю. Шмидта, но только 5 марта ему удалось сесть на подготовленный аэродром. Отто Юльевич провожал первых отъезжающих. На маленьких саночках сидели юные полярницы — Карина и Аллочка. Они и еще 10 женщин были доставлены на «большую землю».

Шел второй месяц жизни на льдине. 7 апреля Э. Т. Кренкель принял сообщение, что в Ванкареме приземлились самолеты М. Т. Слепнева, В. С. Молокова и И. П. Каманина. Вскоре «челюскинцы» увидели самолет. Но посадка оказалась чрезвычайно тяжелой. Вот как описывают ее М. В. Водопьянов и Г. К. Григорьев: «Сделав три круга, летчик убавил газ и пошел на посадку. Машина быстро шла ко льду, стремясь коснуться его возле выложенного посадочного знака "Т", но боковой ветер снес самолет с прямой линии посадки. Он запрыгал, переваливаясь по мелким неровностям окружающих площадку ропачков, и врезался в громадные торосы далеко за площадкой.

Люди следили за машиной, как за гибелью очень близкого, дорогого человека, а самолет, конвульсивно приподняв лыжи, мчался на огромный двухметровый торос, но, к счастью, перепрыгнул его! Потом пробежал еще несколько метров и остановился, припав на левое крыло»⁵⁵.

Когда открылась дверка кабины, на лед выпрыгнули Г. А. Ушаков и М. Т. Слепнев. Улыбаясь, навстречу им спешил О. Ю. Шмидт: «Ничто не выдавало волнения этого железного человека, он понимал, как необходимы сейчас,

⁵⁴ Там же. Л. 1—2.

⁵⁵ Водопьянов М. В., Григорьев Г. К. Повесть о ледовом комиссаре. С. 146.

в эту критическую минуту, выдержка, спокойствие... И только глубокая морщина от переносицы вверх по лбу и поджатые губы говорили, что ему не по себе»⁵⁶.

Вскоре приземлились В. С. Молоков и И. П. Каманин, забрав часть «челюскинцев». Затем началось новое наступление льдов на лагерь. Отто Юльевич все дни проводил на аэродроме. 7 апреля он почувствовал себя очень плохо: температура поднялась до 39,5 градуса, оказалось тяжелое воспаление легких. Ушаков сообщил об этом в Москву. Оттуда пришла срочная радиограмма за подписью В. В. Куйбышева о немедленной эвакуации О. Ю. Шмидта на Аляску. Он сильно сопротивлялся, но 11 апреля его все же удалось вывезти, правда, не 104-м, как он наметил сам себя в списках, а 76-м. Эвакуация шла успешно. К ней подключились В. И. Воронин и М. В. Водопьянов. 13 апреля последними покидали льдину капитан В. И. Воронин и радист Э. Т. Кренкель.

Весь мир следил за судьбой «челюскинцев», восхищаясь их отвагой и мужеством. После выздоровления Отто Юльевича тепло приветствовала Америка, а 5 июня он прибыл в Москву. Тысячи людей на улицах столицы радостно встречали «челюскинцев».

А через некоторое время начался анализ научных результатов экспедиции на «Челюскине». Он не только прошел весь Северный морской путь — от Мурманска до Берингова пролива, но и исследовал наименее изученную часть Арктики — Чукотское море. После гибели корабля научные работы продолжались на льду. Применяв для определения места корабля не сравнительно грубые судовые инструменты, а точные, астрономические, геодезист Я. Я. Гаккель и гидролог П. К. Хмызников составили карту дрейфа «Челюскина». При помощи радиозондов метеорологи О. и Н. Комовы и аэролог Н. Н. Шпаковский вели наблюдения над метеорологическими явлениями и исследования верхних слоев атмосферы. При этом был установлен рекордный по тому времени подъем радиозонда на высоту более 20 км. Животный и растительный мир изучался учеными во главе с гидробиологом П. П. Ширшовым и зоологом В. С. Стахановым. Наблюдая над воздействием льда на корпус корабля, физик И. Г. Факидов и инженер-конструктор П. Г. Расс впервые определили деформацию различных частей корпуса во время движения, при ударе о лед и в период сжатий льдом. Результаты этих исследова-

---

⁵⁶ Там же.

О. Ю. Шмидт во время встречи «челюскинцев»

ний были использованы при проектировании ледоколов. Наблюдения физика И. Г. Факидова и капитана В. И. Воронина с помощью сконструированного последним оригинального прибора за незаметными для глаза колебаниями льда имели большое научное значение. Этот метод позволял заранее узнать о приближении сжатия льдов.

В своей статье «Результаты экспедиции на пароходе «Челюскин» 1933—1934 гг.» Отто Юльевич писал: «Рейс «Челюскина» в целом, а также блестящие полеты спасших нас летчиков чрезвычайно расширяют наши знания и практический опыт в освоении Севера. В кампанию этого года мы вступаем значительно лучше вооруженными, чтобы одолеть последние препятствия, отделяющие нас от открытия Северного морского пути для практического плавания»⁵⁷.

О челюскинской эпопее написано много книг, стихов и поэм, сняты кинофильмы. Но, пожалуй, самыми ценными для истории являются воспоминания современников. Михаил Кольцов писал: «Меня восхитил высокий уровень и даже, я бы сказал, идеальная форма командования на «Челюскине». Руководить такой экспедицией, при таких событиях, которые она пережила, и руководить, ни разу не повысив голоса, ни разу не издав «Приказ за номером...», — это поистине торжество авторитета главы коллектива»⁵⁸.

⁵⁷ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Челюскине»... С. 130.

⁵⁸ Канторович Вл. Глазами литератора: Социологические очерки. М.: Сов. писатель, 1970. С. 70.

Представляют интерес воспоминания советского посла в Англии И. М. Майского и его разговор со знаменитым писателем Б. Шоу: «Когда в 1934 году разыгралась знаменитая эпопея “Челюскина” и мировая пресса в течение недель на все лады освещала события, происходившие в ледовом лагере, а портрет О. Ю. Шмидта не сходил со страниц газет, Шоу как-то со смехом мне сказал: “Вы паразитная страна!.. Полярную катастрофу вы превратили в национальное торжество и в качестве главного героя нашли человека с бородой Деда Мороза... Вы можете смеяться, но заверяю Вас, что борода Шмидта завоевала вам тысячи друзей в нашей стране”.

Это был еще один парадокс, но в нем было кое-что от истины. По традиции англичане привыкли представлять себе русского человека с большой бородой. Тот факт, что у Отто Юльевича оказалась большая борода, был очень соизвучен этой традиции...

А полтора года спустя, в декабре 1935 г., Шоу выступил с яркой, как всегда парадоксальной, речью на конгрессе мира и дружбы с СССР в Лондоне, где основной фигурой был О. Ю. Шмидт. Я познакомил их, и Шоу не скрывал своего удивления от встречи с героем челюскинской эпопеи»⁵⁹.

Экспедиция на «Литке» (1936 г.)

В 1936 г. О. Ю. Шмидту была поручена чрезвычайно трудная операция — провести из Ленинграда во Владивосток несколько военных кораблей, которые не были приспособлены для плавания в северных морях. В конце июля в Архангельске Отто Юльевич поднялся на борт ледореза «Литке»; чтобы отправиться в свое пятое арктическое путешествие.

В воспоминаниях В. Ф. Бурханова, принимавшего участие в этой экспедиции, описывается его встреча с О. Ю. Шмидтом накануне отъезда: «Задача не только ответственна, но грандиозна, — подчеркнул Отто Юльевич. — Северный морской путь еще не испытан для таких кораблей, какие нам предстоит в эту экспедицию провести по северным морям. Решается историческая задача сделать Северный морской путь доступным для плавания военных кораблей...»⁶⁰.

---

⁵⁹ Майский И. Б. Шоу и другие: Воспоминания. М.: Искусство, 1967. С. 47—48.

⁶⁰ См.: Бурханов В. Ф. Выдающийся исследователь Севера // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 223.

Проводка военных кораблей осуществлялась впервые в истории Арктики. 31 июля корабли экспедиции вышли в Баренцево море, а 1 августа вошли с миноносцами в пролив Маточкин Шар. В состав экспедиции, кроме «Литке», входили транспорт «Анадырь», два танкера — «Майкоп» и «Лок-Батан», ледокольные пароходы «Ермак», «Ленин», «Садко», «Седов», «Сибиряков».

Густые туманы, тяжелая ледяная обстановка заставляли караван время от времени останавливаться. В дневнике Отто Юльевич писал: «4/VIII. Лед 2—4 балла, мелкобитный, но стоит густой туман. 8/VIII. При входе в лед — туман. В тумане влезли в лед вместо обхода по кромке. 9/VIII. Снова туман. 12/VIII. Весь день прошел в волнении. Часто стояли в тумане. 15/VIII. И писать “не охота” все то же. Простояли день»⁶¹.

За семь лет работы в Арктике О. Ю. Шмидт не видел более трудной обстановки. Навигация требовала большой гибкости, а также согласованности работы ледоколов, авиации и полярной станции. Установили порядок следования: «Ленин», «Лок-Батан», миноносец № 47, «Анадырь», «Садко», миноносец № 48, «Майкоп» и т. д. «Литке» шел на три мили впереди для проведения разведки и определения курсов, чтобы караван шел плавнее, без зигзагов.

«Седов» и «Сибиряков» были отправлены в долгую разведку. Едва поднимался туман, летчики Козлов и Алексеев начинали изучать расположение льда. В конце концов это позволило каравану «Литке», не теряя ни одного часа, ринуться в щель, которая в начале сентября открылась между льдами и берегом Таймырского полуострова, а через два часа закрылась вновь, чтобы затем открыться только через две недели⁶². К северо-востоку от Диксона экспедиция целый месяц ожидала то перемены ветра, то перегруппировки льдов. Но, несмотря на тяжелейшие ледовые условия, экспедиция закончилась успешно в двухмесячный срок. 24 сентября проводимые «Литке» корабли прибыли в бухту Провидения и поступили в полной исправности в распоряжение Тихоокеанского флота.

При подведении итогов экспедиции на совещании в Главсевморпути О. Ю. Шмидт отмечал, что на ледоколах наиболее слабым звеном являлась работа штурманов: еще мало внедрялись гидрокомпасы и эхолоты, вычисления делались по старинке. «О снабжении новейшими инструмен-

⁶¹ Шмидт О. Ю. Экспедиция на «Литке» 1936 г. // Избранные труды. Т. 2. С. 156—158.

⁶² Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 185. Л. 1.

тами у нас мало заботятся», — говорил Отто Юльевич. Весь ход операции показал, что еще не утвердилось доверие к науке ледовых прогнозов. «А между тем прогнозы сошлись почти во всех деталях».

Большое значение О. Ю. Шмидт придавал опыту и смекалке капитанов судов: «Ледокол “Ленин” оказался при капитане Печуро почти беспомощным в проводке судов. На “Красине” тоже недостатки имеются, наблюдается слишком большая уверенность в себе, благодаря чему прут прямо, не думая о том, где и какие льды. Капитан ледокола “Литке” — Хлебников — отличный. Такие ледоколы и такие капитаны могут быть образцом.

В общем наши ледоколы работали хорошо. Одним из слабых мест у нас считалось взаимоотношение авиации морского дела и полярных станций»⁶³.

Отто Юльевич говорил, что для достижения успеха в полярных исследованиях прежде всего следует укрепить материально-техническую базу, ускорить строительство ледоколов, на протяжении Северного морского пути обеспечить порты механизмами для погрузочных работ. «В этом году (1936. — Л. М.), — писал Шмидт, — остров Диксон представляет собой уже не случайную стоянку для отдельных судов, а оживленный порт, в котором одновременно находятся десятки пароходов. В такой точке, как Диксон, бухта Тикси, устье Колымы, бухта Провидения, мы должны иметь механические угольные склады. Навигация на Севере коротка. Время слишком дорого, чтобы корабли простаивали в очереди за углем, как было в этом году»⁶⁴.

Выступая с сообщениями о дальнейшем освоении Севера, Отто Юльевич подчеркивал, что народы здесь тянутся к культуре, знаниям: «Движение за культурный чум и культурную ярангу охватило широкие слои местного населения». Он видел свою задачу в том, чтобы помочь народам Севера в этом движении.

Эта экспедиция показала, что освоение Северного морского пути открывает большие перспективы. Отто Юльевич стал усиленно готовиться в очередной арктический поход. Он разработал обширный план мероприятий, согласно которому Северный морской путь мог превратиться в действующую транспортную магистраль. Его доклады на заседаниях Главсевморпути об опыте арктических экспедиций явились основой принятых решений о постройке новых ли-

⁶³ Там же. Оп. 2. Д. 236. Л. 1—7.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 1—3.

нейных ледоколов, строительстве морских портов, радиоцентров и полярных станций, о развитии авиации и строительстве аэропортов. На Севере развернулась громадная работа.

Главсевморпуть стал крупным научным и организационным центром географических исследований страны. Здесь рождались многочисленные идеи и проекты. Отто Юльевич привлек к этой работе большую группу географов и геофизиков АН СССР, сотрудников Тихоокеанского комитета и ряда институтов. Он принял участие в составлении записки «Основные задачи и план Тихоокеанской комплексной океанографической экспедиции АН СССР», где отмечалось первостепенное значение изучения Тихого океана. Наименее исследованный Тихий океан занимал важнейшее место среди других океанов. В записке подчеркивалось, что проблемы, существующие в гидрологии, климатологии, геологии, гравиметрии, зоогеографии и биологии, в частности в области эволюции органического мира и истории развития флоры и фауны Мирового океана, ждут своего разрешения. А для этого необходимо систематическое тщательное изучение Тихого океана, где много «белых пятен». Климат, почва, растительный и животный мир, жизнь Дальневосточного края находятся под непосредственным воздействием Тихого океана. Поэтому в записке предлагалось организовать комплексную океанографическую экспедицию: «Основная задача этой экспедиции и района работ вытекает из двух ее главных целей: выяснить основные элементы природы Северного Тихого океана (меж широтой Гавайских островов и цепью Алеутских островов), мало затрагиваемые предыдущими исследованиями, и увязать эти элементы с таковыми наших дальневосточных морей для более глубокого понимания природы последних»⁶⁵.

От имени группы географии и геофизики О. Ю. Шмидт вместе с Г. М. Кржижановским написал письмо в СНК о необходимости организации новой экспедиции: «Академия наук СССР просит СНК разрешить отправить в 1937 г. большую комплексную океанографическую экспедицию в Атлантический океан. Основной задачей экспедиции является определение теплового режима Атлантического океана в годовом цикле. Большой материал, накопившийся в порядке изучения внутренних морей СССР, даст возможность перейти от чисто качественного географического опи-

---

⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 313. Л. 12.

сания Атлантики (произведенного иностранными экспедициями) к количественному учету важнейших физических и химических факторов, характеризующих режим моря. Методы, разработанные в СССР после их применения в Атлантике, дадут надежный фундамент для построения долгосрочных прогнозов ледовитости наших северных морей и для прогноза общих изменений климата СССР. В отношении теплового режима все наши северные моря являются провинцией Атлантического океана, а потому и потепление и похолодание в них должно наступать в зависимости от изменений теплового состояния атлантических течений. В экспедиции одновременно будут изучаться и условия жизни в океане, в частности перемещения стай планктона — мельчайших животных и растений, плавающих в морской воде и служащих пищей для рыб. Подобные исследования дают возможность разрешить ряд задач в области морской рыбной промышленности»⁶⁶.

Вместе с письмом Отто Юльевич направил в СНК проект сопроводительной записки президиума АН СССР, в котором подчеркивалась необходимость и важность осуществления планируемой экспедиции для развития отечественной науки. Предложения О. Ю. Шмидта были приняты. С того времени началось тщательное исследование «белых пятен» в районе Тихого океана.

Экспедиция на Северный полюс (1936 г.)

Эта экспедиция стала последней в жизни Отто Юльевича. Он неоднократно поднимал вопрос о подготовке к такой экспедиции, указывая на то, что проблема достижения Северного полюса веками занимала человечество. Много героических усилий было предпринято исследователями разных стран: Ф. Нансеном, Р. Амундсеном, Дж. Франклином, Р. Пири, Р. Скоттом, Р. Бэрдом. Немало смельчаков и погибло.

В феврале 1936 г. на совещании в Кремле О. Ю. Шмидт выступил с предложением о создании научной станции на Северном полюсе и об организации транспортных перелетов. Давно задуманная экспедиция обсуждалась совместно с выдающимися летчиками М. М. Грозовым и С. А. Леваневским, а также с опытными полярниками. Коллеги Отто Юльевича об этом совещании вспоминали так: «С указкой в руке начальник Главсевморпути стоял у

---

⁶⁶ Там же. Д. 314. Л. 1.

Перед стартом на полюс Вера Федоровна и Отто Юльевич с сыновьями (1937 г.)

огромной карты Арктики, повешенной на стену дворцового зала, и рассказывал о том, что продумал в мельчайших подробностях»⁶⁷.

О. Ю. Шмидт говорил о том, что огромное значение для науки будет иметь исследование погодных условий, их колебаний, сезонности, температуры и давления воздуха. С Дальнего Севера, где уже существовали полярные станции, данные о погоде поступали, но пока ничего не было известно о том, что делается в центре Арктики. Будущие наблюдения над морем и льдами, убеждал Отто Юльевич, расширят сведения об общей циркуляции льда в Северном Ледовитом океане и об обмене теплых атлантических и холодных полярных вод. Это связано с вопросами плавания по Великой арктической магистрали. Зная условия в центре океана, можно найти законы, управляющие движением льда у берегов. Практическое значение этих исследований для полярного мореплавания нельзя переоценить.

Опорная станция в районе полюса будет также играть большую роль при установлении воздушного сообщения между Европой и Америкой по кратчайшему пути, через Центральный полярный бассейн, поможет разрешению

⁶⁷ Водопьянов М. В., Григорьев Г. К. Повесть о ледовом комиссаре. С. 165.

большого числа теоретических проблем, тесно связанных с практикой. Сюда относятся вопросы земного магнетизма, атмосферного электричества, распространения радиоволн и многое другое.

Через несколько дней после совещания правительством было принято решение о снаряжении экспедиции на Северный полюс и о назначении начальником ее академика О. Ю. Шмидта, начальником летной части был утвержден М. В. Водопьянов, главным штурманом — И. Т. Спирин.

Следует отметить, что с самого начала единого мнения о результатах этой экспедиции не было. Обсуждение их выплеснулось на газетные полосы. Так, газета «Известия» провела анкету среди виднейших зарубежных исследователей Арктики. Все они считали посадку самолета в районе полюса неосуществимой. Еще один из крупнейших исследователей Арктики Руаль Амундсен, описывая перелет через Северный полюс на дирижабле «Норвегия», говорил, что торосистые ледяные поля в Центральном полярном бассейне, как правило, непригодны для посадки самолетов.

Немало возражений встретила идея экспедиции и у нас в стране⁶⁸. Тем не менее О. Ю. Шмидт начал кропотливую работу по подготовке экспедиции. Семилетний опыт ледовых авиаразведок на Северном морском пути вселял надежду на то, что можно достигнуть полюса на самолетах и построить там научные станции для длительной работы на дрейфующей льдине.

На заводах готовились четыре самолета АНТ-6 конструкции А. Н. Туполева с модифицированными двигателями. Вместе с М. В. Водопьяновым командирами воздушных кораблей были назначены В. С. Молоков, А. Д. Алексеев и И. П. Мазурук, заместителем начальника экспедиции по авиации — М. И. Шевелев.

Оставалась незанятой вакансия начальника научной станции на дрейфующей льдине. «Арктический профессор» (так всегда называл Отто Юльевич В. Ю. Визе) не мог принять участие в экспедиции из-за ухудшения состояния здоровья, и О. Ю. Шмидт после некоторых раздумий остановил свой выбор на И. Д. Папанине, опытном зимовщике. Радиостанции вновь стал Э. Т. Кренкель, молодой ученый П. П. Ширшов, плававший на «Сибирякове» и «Челюскине», — ведущим научным работником дрейфующей станции. Астрономом и метеорологом был взят Е. К. Федо-

---

⁶⁸ Шевелев М. И. Научные идеи Отто Юльевича Шмидта в стратегии освоения Арктики // О. Ю. Шмидт и советская геофизика 80-х годов. М.: Наука, 1983. С. 33.

ров, зимовавший вместе с И. Д. Папаниным на Земле Франца-Иосифа.

Весной 1936 г. М. В. Водопьянов и С. М. Махоткин по заданию Отто Юльевича выполнили экспериментальный перелет из Москвы на Землю Франца-Иосифа. Перед ними была поставлена задача — изучить маршрут и выбрать стартовую площадку для полета на полюс. Наиболее удобной базой оказался остров Рудольфа.

22 мая 1937 г. первый воздушный корабль экспедиции, пилотируемый М. В. Водопьяновым, благополучно совершил полет с острова Рудольфа на Северный полюс. На его борту находились начальник экспедиции О. Ю. Шмидт и весь состав научной станции во главе с И. Д. Папаниным. «Льдина шириной до четырех километров тянулась километром на 10. Как раз посередине, поперек нее, виднелась гряда торосов — след прошедшего сжатия. Казалось, в этом месте природа мощным плугом прошла от одного края льдины до другого. Льдина была покрыта резкими пологими ропаками разной величины, а среди ропаков была ровная чистая площадка — примерно 700 на 400 метров.

Судя по торосам, лед был толстый, многолетний»⁶⁹. Вскоре на своих самолетах на льдину приземлились В. С. Молоков, А. Д. Алексеев, И. П. Мазурук. К их прибытию здесь уже вырос целый палаточный городок, в центре которого возвышался домик зимовщиков — «полярный дворец».

6 июня Отто Юльевич, открыв полярную станцию, попрощался с зимовщиками. И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Е. К. Федоров, Э. Т. Кренкель остались на льдине. Четыре самолета после непродолжительного полета возвратились в Москву. Встреча была очень торжественной, путь покорителей Северного полюса был усеян цветами. За руководство экспедицией на Северный полюс О. Ю. Шмидту было присвоено звание Героя Советского Союза.

О научном значении этой и предыдущих экспедиций О. Ю. Шмидт докладывал на заседании Академии наук СССР 10 июля 1937 г. Подробные научные выводы еще рано было делать, и Отто Юльевич остановился на поставленных перед экспедицией задачах и на тех методах, которые применялись при их решении.

Выступая перед общественностью, Отто Юльевич подчеркивал: «Зная, что раскрытие тайн северной природы и использование их не может быть следствием отдельных

---

⁶⁹ Водопьянов М. В., Григорьев Г. К. Повесть о ледовом комиссаре. С. 187.

случайных посещений, а только результатом планомерной повседневной и непрерывной работы, мы центр тяжести перенесли от экспедиции на работу постоянных центров исследования и освоения, какими являются наши полярные станции. С этой точки зрения мы подошли и к проблеме Северного полюса. Нас не удовлетворяло бы только посетить его, а обосноваться на нем для постоянной работы. В этом то принципиально новое, что внесено отечественной наукой в арктическую работу»⁷⁰.

Полярные станции были созданы на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле, Северной Земле, на острове Врангеля и по всему побережью Северного Ледовитого океана.

Впервые в арктических экспедициях О. Ю. Шмидта была использована мощная техника — ледоколы и полярная авиация. Можно было начинать трансполярные перелеты, были созданы целые команды радистов — полярников, моряков, летчиков, научных работников. С интервалом в несколько недель были выполнены три северных полета.

Экспедиция на Северный полюс дала ответ на многие до тех пор не решенные вопросы. Долгое время господствовала теория, что там жизни быть не может. Однако уже первые гидробиологические наблюдения на полюсе показали, что в атлантической теплой струе на глубине 300 м есть планктон. Различные организмы, от микроскопических до видимых простым глазом, встречались и в водах Северного Ледовитого океана. Путешественники насчитали трех птиц.

О. Ю. Шмидт отметил в своем докладе, что постоянной шапки холодного воздуха в виде области высокого давления часто не бывает: циклоны великолепно прорываются из Атлантического океана, а иногда и из Тихого в район Северного полюса. «Уже сейчас можно сказать,— говорил О. Ю. Шмидт,— что одним из выводов, который бросается в глаза, является тот факт, что не нужно переоценивать значение “шапки холода”. Ее слишком противопоставляли остальной воздушной массе. Взаимодействие этой существующей “шапки” полярного воздуха с остальной воздушной массой гораздо сложнее и интенсивнее. Прорыв южных масс доходит до полюса. Давно известно, что прорыв полярных масс доходит до нас, до Среднечерноземной полосы, и вызывает засухи. Но бывают и обратные прорывы. Они могут разбить на части, развалить центральный анти-

---

⁷⁰ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 191. Л. 1.

На Северном полюсе.
Слева направо: О. Ю. Шмидт, Е. К. Федоров, И. Д. Папанин

Возвращение с Северного полюса.
Слева направо: сын Сигурд, Отто Юльевич, сестра Эльза Юльевна,
сын Владимир
(1937 г.)

циклон, и в самой точке полюса летом может быть гораздо теплее, чем кто-либо предполагал, хотя такой год, возможно, является исключительным...»⁷¹.

Спустя некоторое время Отто Юльевич писал: «Метеорологические данные, собранные станцией и регулярно передававшиеся на материк, восполнили огромный пробел наших карт погоды, позволили гораздо точнее предугадывать погоду на долгий срок»⁷². Не менее ценными оказались магнитные наблюдения, проводившиеся Е. К. Федоровым на льдине. «Точное знание направлений магнитных линий Полярного бассейна есть необходимое условие для того, чтобы самолеты, летая в Арктике, могли пользоваться магнитным компасом»⁷³.

Исключительно важным было также определение скорости дрейфа, который оказался неожиданно сильным. Наблюдения над льдами как летчиков, так и астрономов экспедиции показали, что лед движется сравнительно равномерно. Эти исследования позволили составить точную карту дрейфа. Дрейф научной станции был рассчитан на два года, с тем чтобы через год сменить личный состав, однако станцию вынесло за восемь месяцев в пролив между Шпицбергенем и Гренландией. Результаты экспедиции значительно изменили представления о формировании ледяного покрова в Северном Ледовитом океане и в прибрежных морях. «Данные группы Папанина,— отмечал О. Ю. Шмидт,— по-новому осветили явления течения и дрейфа и дают возможность подвести более прочную базу под предсказания ледовитости окраинных морей Ледовитого океана, омывающих наши берега. Эти так называемые ледовые прогнозы имеют решающее значение для планирования всей арктической навигации»⁷⁴.

Путешествия Отто Юльевича положили начало хозяйственному освоению Арктики. При этом главным, по мнению О. Ю. Шмидта, было овладение Северным морским путем, открывающим доступ к устьям сибирских рек, ко всему северному побережью. «После длительной подготовки,— писал Отто Юльевич,— созрело время, чтобы увенчать работу освоением Центрального полярного бассейна, и в том числе самого Северного полюса. Мы хотели на по-

---

⁷¹ Шмидт О. Ю. Экспедиция на Северный полюс и ее научное значение
⁷² // Избранные труды. Т. 2. С. 177—178.

⁷³ Арх. АН СССР. Ф 496. Оп. 2. Д. 308. Л. 5.

⁷⁴ Там же.

люсе поселиться, изучить Центральный полярный бассейн досконально, обжить его и использовать полученные знания для включения Арктики в общий хозяйственный и культурный фонд человечества»⁷⁵.

Экспедиция на дрейфующей льдине имела огромное научное значение. Она стала новым этапом исследования Арктики. Методика плавания, разработанная на основе идей О. Ю. Шмидта, использовалась около четверти века.

Страна гордилась своими героями. В архиве О. Ю. Шмидта хранятся телеграммы и письма, полные любви и признательности за все сделанное им для науки. Известный актер В. И. Качалов писал: «Примите и от меня сердечный привет, дорогой Отто Юльевич, бесконечно дорогой всем нам, друзьям, почитателям Вашим, современникам Вашим, счастливым и гордым сознанием, что мы живем с Вами в одну эпоху, такую чудесную и великую.

Мысленно был с Вами на Северном полюсе, подавал Вам туда свой голос приветом по радио и, кажется, был услышан Вами»⁷⁶.

Восторженное письмо Ф. И. Шалапина к своей дочери также хранится в архиве Отто Юльевича: «Что за великолепный народ все эти Папанины, Водопьяновы, Шмидт и К^о, я чувствую себя счастливым, когда сознаю, что на моей родине есть такие удивительные люди. А как скромны! Да здравствует славный народ российский!»⁷⁷.

Закончив свою арктическую эпопею, О. Ю. Шмидт продолжил работу в Главсевморпути. В 1938 г. он составил краткую геолого-промышленную характеристику территории от Полярного Урала и Новой Земли на западе до Чукотки на востоке. О. Ю. Шмидт отмечал, что четверть пространства нашей Родины в течение веков считалась почти необитаемой. Благодаря арктическим исследованиям на картах мира уже появилась новая трансполярная артерия — Северный морской путь. Интенсивно шла разведка естественных богатств. Оказалось, что Север таит в своих недрах огромные минеральные богатства. В записке кратко описывались природные ресурсы Арктики: золото, олово, никель, платина, флюорит, серебро, пьезокварц, исландский полевой шпат.

Деятельность Отто Юльевича в Главсевморпути, однако, скоро прервалась. Ему вновь пришлось пережить тяже-

---

⁷⁵ Там же. Л. 2.

⁷⁶ Там же. Оп. 3. Д. 197. Л. 1—2.

⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 601. Л. 1.

лые минуты. И связаны они были с кампанией лжи и клеветы, развернутой вокруг его имени. В результате О. Ю. Шмидт вынужден был оставить пост начальника Главсевморпути. Произошло это в 1938 г.

В Академии наук (1928—1940 гг.)

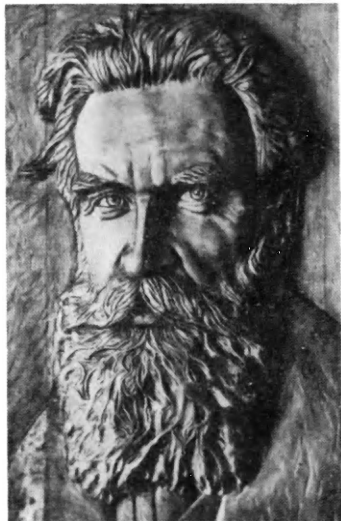
В формировании О. Ю. Шмидта как видного ученого и организатора науки большую роль сыграла Академия наук. В 1928 г. совнарком выдвинул его в комиссию по выборам в Академию наук. Это была первая в истории отечественной академии избирательная кампания, которая проводилась по новому уставу, принятому правительственными органами 18 июня 1927 г. В нем организационно закреплялось положение академии как высшего научного учреждения. В соответствии с новым уставом об открывавшейся вакансии Академия наук должна была давать сообщение в центральной печати. Научным учреждениям, общественным организациям, отдельным ученым и их группам предоставлялось право выдвигать кандидатов в академики. По каждой специальности создавались особые выборные комиссии. О. Ю. Шмидт принимал участие в заседании комиссии по математическим наукам, рекомендовавшей к избранию академиками математиков С. Н. Бернштейна, И. М. Виноградова и Н. М. Крылова. Деятельность особых комиссий была первым опытом совместной работы академиков и представителей научных учреждений союзных республик.

В апреле 1930 г. при президиуме Академии наук была образована Планово-организационная комиссия во главе с вице-президентом академиком Н. Я. Марром. О. Ю. Шмидт принял активное участие в обсуждении вопроса о создании организационных форм планирования. В 1930 г. он написал докладную записку в ЦК ВКП(б) «Об органе планирования науки»¹, в которой подчеркивал настоятельную необходимость введения в научную работу планового начала и создания центра планирования науки. Он, по мнению О. Ю. Шмидта, не должен рассматривать и утверждать планы отдельных институтов, потому что это «завалило бы центр горами материала и свело бы его к

¹ Арх. АН СССР. Д. 496. Оп. 2. Д. 192. Л. 1.

роли совершенно лишней по-
мехи». В архиве О. Ю. Шмид-
та хранятся страницы его нео-
публикованной статьи «О пла-
нировании науки», датирован-
ной 8 ноября 1930 г. Интерес
представляют мысли Отто
Юльевича о самом механизме
планирования науки, которое
должно отличаться от плани-
рования в области хозяйствен-
ной. Главное значение, по его
мнению, имеет планирование
проблем: «Вместо того неорга-
низованного и часто случай-
ного, основанного на личных
связях влияния, при помощи
которого хозяйство теперь пе-
редает свой «социальный за-
каз» науке, необходимо пла-
номерное систематическое и
своевременное выявление про-
блем, выдвигаемых нашим строи-
тельством (обязательно
включая в план предвидение тех,
которые еще будут вы-
двинуты)².

О. Ю. Шмидт
(гравюра на дереве)

В 1933 г. О. Ю. Шмидт был избран членом-корреспон-
дентом АН СССР. С того времени началась его деятель-
ность в геолого-географическом и физико-математическом
отделениях академии. В «Отзыве о математических рабо-
тах профессора О. Ю. Шмидта» член-корреспондент АН
СССР Н. Г. Чеботарев, поддержавший его кандидатуру на
выборах в действительные члены Академии наук Украины,
отмечал: «Профессор О. Ю. Шмидт является, безусловно,
самым крупным специалистом в СССР по теории абстракт-
ных групп. Еще будучи студентом, он написал три важных
работы: первая дает упрощение доказательства теоремы
Remak'a, которая является фундаментальной в теории групп;
это доказательство Шмидта впоследствии было введено во
все современные учебники по теории групп.

Вторая работа (медальная) посвящена нахождению всех
типов разрешимых групп «степени P ». В этой работе содер-
жатся существенные упрощения соображений Jordan'a и
предлагается другой метод разыскания этих групп.

---

² Там же. Оп. 1. Д. 230. Л. 3. О планировании науки.

В мае 1934 г. на заседании президиума Академии наук Украины О. Ю. Шмидт был избран почетным членом Института математики, а через месяц зачислен туда же на кафедру математики как новоизбранный академик. В 1935 г. О. Ю. Шмидт стал действительным членом АН СССР.

В 1935 г. по инициативе О. Ю. Шмидта при Институте географии АН СССР была восстановлена географическая группа, которую он возглавил, и организована геофизическая группа.

Наконец, третья работа — монография по теории абстрактных групп является лучшей для того времени книгой по теории групп, будучи ведущей для школы “абстрактников”. Ей была присуждена премия им. Рахманинова³.

В этом же отзыве Н. Г. Чеботарев писал, что, кроме исследования некоторых специальных типов групп, О. Ю. Шмидт получил важное обобщение теоремы Ремака⁴ на бесконечные группы. О. Ю. Шмидту также удалось установить весьма интересный принцип в теории вероятностей, касающийся их непрерывного распределения. О. Ю. Шмидт сумел создать в Москве сильную школу групповиков, и отдельные представители ее получили значительные результаты. Выступая 26 декабря 1934 г. на Общем собрании АН УССР, Отто Юльевич сказал: «Избрание особенно дорого тем, что это избрание на кафедру математики подчеркивает, что хотя я и занимался разными другими делами, какими нужно было заниматься, но все же еще Академия наук и мои товарищи — учителя меня не перестали считать математиком. Мне это очень дорого, потому что я действительно хочу не порывать с той наукой, которая меня воспитала не только как научного работника, но и как человека...»⁴

28 февраля 1939 г. О. Ю. Шмидт был единогласно избран первым вице-президентом АН СССР (президентом был В. Л. Комаров). Он сразу же включился в работу по перестройке аппарата президиума академии и ее учреждений. Особое значение О. Ю. Шмидт придавал разработке комплексных тем. По его инициативе в академии был создан целый ряд комиссий, координирующих деятельность институтов. Очень важное значение придавал О. Ю. Шмидт судьбе конечного результата исследования: «Конечный результат не всегда есть напечатанная книга. Этот случай перестает сейчас быть типическим. Типиче-

³ Арх. АН УССР. Ф. Р-251. Оп. 1. Д. 56. Л. 6. Личное дело акад. О. Ю. Шмидта.

⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

Геофизическая группа при Институте географии АН СССР.
Слева направо: П. П. Лазарев, О. Ю. Шмидт, С. С. Ковнер,
Н. П. Горбунов, В. В. Шулейкин (стоит), А. А. Григорьев

Во время избрания в Украинскую академию наук.
На переднем плане А. А. Богомолец, О. Ю. Шмидт, Д. А. Граве
(1934 г.)

А. Д. Архангельский и О. Ю. Шмидт (1935 г.)

ским становится другое: забота о внедрении в практику результатов научных достижений в разных формах — иногда в форме труда, иногда в форме учебника, практического руководства, инструкции... Практика есть высший критерий истины... Мы практикой проверяем истинность той или иной теории. Внедрение есть наиболее близкий первый критический прием такой проверки практикой».

Вспоминая о деятельности Отто Юльевича в Академии наук, академик П. С. Александров писал: «Реорганизация академии, в частности академические выборы 1929 и 1939 гг., — все это проходило при значительном участии О. Ю. Шмидта. Много важного и хорошего сделал он для нашей академии. Он привлек многих талантливых ученых, особенно много молодых ученых, и всегда решительно боролся с затхлым духом академизма»⁵.

Отто Юльевич выступал против командно-административных методов в академии, утверждая, что только свободное творчество ученых, демократия могут привести к высоким качественным изменениям в отечественной науке. Показательно в этом отношении выступление Отто Юльевича на президиуме АН СССР 9 мая 1941 г., где шла речь о выдвижении кандидатур на совещания московских академи-

⁵ Александров П. С. Воспоминания об О. Ю. Шмидте // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 175.

О. Ю. Шмидт и Г. М. Кржижановский (1936 г.)

ческих учреждений в Москве и Ленинграде. «Тут очень важно, — говорил О. Ю. Шмидт, — не сделать той ошибки, чтобы подбирать на актив только занимающих административные должности, может быть, даже надо сделать наоборот... У нас институты некоторые на прошлом активе допустили ту ошибку, что включили в списки исключительно членов партии. И хотя естественно, что члены партии должны быть активнее, но и среди беспартийных у нас есть замечательные люди, участие которых на активе было бы очень существенным. Очень важно, чтобы голоса беспартийных активистов звучали громко на нашем активе»⁶.

Отто Юльевич призывал больше критически оценивать работу, чем заниматься просто констатацией хороших фактов. Достижения можно рассматривать, по его мнению, как трамплин для движения вперед. Мысли ученого о прогрессе науки, связи ее с жизнью нашли свое воплощение во всех его делах. В. И. Вернадский писал О. Ю. Шмидту: «Совершенно правильно, что академические учреждения в нашем государстве должны стоять в тесном контакте с требованиями жизни. Последние планируются. Но для того чтобы этот контакт был не бумажный, а реальный и сильный,

⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 340. Л. 4.

надо, чтобы он пока был планирован и стоял на уровне современного знания. Это планирование должно быть поставлено так, чтобы в нашей стране мы могли быстро строить приборы и имели бы в своем распоряжении... все необходимые орудия научной работы»⁷.

В годы войны

23 июня 1941 г., на второй день войны, в Нескучный дворец, где разместился президиум АН СССР, пришли более 60 крупнейших ученых страны на свое экстренное расширенное заседание. Собрание, однако, долго не начиналось: ждали О. Ю. Шмидта. Вспоминая об этом, журналист Л. П. Маркелова писала: «В зал стремительно вошел вице-президент Отто Юльевич Шмидт. В довоенные годы он был столь же популярен, как в наши дни первые разведчики космоса. Ему одному из первых в стране присвоили звание Героя Советского Союза. Легендарная эпопея челюскинцев, арктические экспедиции на ледоколах “Георгий Седов” и “Александр Сибиряков”, исследования Северного морского пути, научные изыскания папанинцев на станции “Северный полюс-1” — все это было связано с именем Отто Юльевича Шмидта. Высокий, с густой окладистой бородой, шапкой густых темных волос, на газетных фото он чаще всего был в свитере, теплой куртке, унтах. А сейчас на нем ладно сидел серый костюм, на загорелой шее виднелся снежной белизны воротничок.

Шмидт занял председательское место, оглядел зал и сказал: “Если все в сборе, разрешите открыть внеочередное расширенное заседание президиума Академии наук... На повестке дня один вопрос — война, нападение фашистской Германии на нашу страну...”»⁸

Один за другим выступали ученые, призывая своих коллег работать на оборону отечества. Решения, принятые на этом совещании, положили начало перестройке научных учреждений академии на военные нужды. «В эти трагические дни, — говорил Шмидт, — когда земля заливается все новыми потоками человеческой крови, Академия наук обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом: сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров... Эта решительная борьба будет концом фашизма, его крахом»⁹.

⁷ Там же. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1870. Л. 15.

⁸ Маркелова Л. П. Оружием творчества. М.: Политиздат, 1985. С. 7—8.

⁹ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 250. Л. 1—2.

2 июля 1941 г. уполномоченным Совета по эвакуации Академии наук СССР был утвержден вице-президент АН СССР академик О. Ю. Шмидт. 16 июля 1941 г. состоялось правительственное решение об эвакуации Академии наук в Казань. Эта трудная задача, которая легла на плечи первого вице-президента, должна была решаться без промедления, и Отто Юльевич 19 июля вылетел в Казань. В письме В. Л. Комарову от 11 сентября 1941 г. Отто Юльевич описал начало эвакуации в Казань. В первую очередь были эвакуированы физико-математические, химические и технические институты. «В современной сложной обстановке,— писал О. Ю. Шмидт,— предположения и директивы о переводе частей академии несколько раз менялись, вследствие чего мои телеграфные донесения заключали в себе немало противоречий. В конце концов положение определилось»¹⁰. Отто Юльевич сообщал, что в Казани сосредоточились именно те академические институты (по физико-математическому, химическому и техническому отделениям), которые работали на оборону. В июле из Москвы в Казань выехали 11 институтов и лабораторий. Сюда же прибыли вице-президенты О. Ю. Шмидт и Е. А. Чудаков, вскоре начал работать президиум АН СССР.

С первых дней прибытия в Казань Отто Юльевич занимался размещением академических учреждений в Казанском университете. «И хотя Казань не Северный полюс,— писала Л. П. Маркелова,— он и здесь проявил качества начальника опасных экспедиций, появляясь всюду, где образовывался очередной “затор”, давая ясные и четкие советы, требуя то и отвергая другое, внося самим фактом своего энергичного присутствия уверенность в преодолении любых трудностей. Он всегда был окружен людьми, которых, естественно, не могла оставить равнодушными сама личность легендарного героя, и когда он, не снимая просторного макинтоша, доказывал что-то ректору, подкрепляя речь энергичным движением руки, не раз приоткрывалась дверь ректората и заглядывали молодые лица желающие взглянуть на “живого” Шмидта. И конечно, действия его обрастали легендами»¹¹.

Нужно было приложить немало усилий, чтобы приспособить университетские помещения под институты и лаборатории, обеспечить их электроэнергией, водой и газом. Площадей не хватало. Университет продолжал работать,

---

¹⁰ Там же. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1615. Л. 5.

¹¹ Маркелова Л. П. Оружием творчества. С. 46.

поэтому Академии наук удалось занять лишь две трети его площади. «Сюда переведены пока около 1100 сотрудников,— писал О. Ю. Шмидт,— а вместе с членами их семей — около 2800 человек. Это количество удается разместить, но с каждым прибывающим эшелоном размещение становится все более и более трудным»¹². Стараясь как можно скорее наладить быт эвакуированных, Отто Юльевич порой забывал о еде и сне. День и ночь он находился на эвакуопункте. «Одной из наших забот,— писал Шмидт,— был прием эшелонов с людьми таким образом, чтобы ни одного дня люди не оставались без крова. Мне пришлось закупить первоначально более 1500 кроватей с матрацами и расставить их в аудиториях университета, которые служили у нас своеобразным эвакуопунктом для расселения сотрудников по общежитиям и квартирам»¹³.

«Ночью во дворе здания университета,— вспоминал П. Г. Шидловский,— большими шагами, сутулый и высокий, в сером, как ночь, плаще, точно измеряя длину двора, ходил Отто Юльевич Шмидт. Временами он взглядывал на небо, усыпанное звездами, и тогда мысль его о переживаниях, связанных с событиями Отечественной войны, перекидывалась на вопросы больших научных обобщений. Он создавал теорию метеоритного происхождения Земли»¹⁴.

Умелая организация эвакуации позволила сосредоточить в Казани учреждения одного профиля, что способствовало успешному решению стоявших перед академией задач. Были налажены связи с местными заводами.

Отто Юльевич стремился максимально сосредоточить усилия на развитии исследований, связанных с оборонной тематикой. Вместе с тем он отмечал и важность продолжения и углубления теоретических исследований. Ведь отдельные ученые выступали против параллельного развития теоретических исследований, считая, что время требует всестороннего переключения на военную тематику. «В дни Великой Отечественной войны,— писал президент Украинской академии наук А. А. Богомолец,— не может быть так называемой “чистой” академической науки. Связь научной теории с практикой, необходимость черпать проблематику научной работы из живой действительности в переживаемую эпоху приобретают особенно большое значение»¹⁵. Однако Отто Юльевич стремился поддержать фундамен-

---

¹² Арх. АН СССР. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1615. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 613. Л. 20.

¹⁵ ЦГАУ. Ф. 4708. Оп. 1. Д. 87. Л. 14.

тальные исследования и наряду с оборонной тематикой включал их в планы, чтобы «продолжала жить и работать "чистая" отечественная наука». Вот что об этом писал академик П. С. Александров: «Наступило грозное лето 1941 г. На плечи Отто Юльевича легла труднейшая задача эвакуации академии в Казань. Я не могу судить о том, справился ли он со всеми сторонами этого дела. Но я никогда не забуду выступления его перед научными работниками академии о стоящих перед ними задачах научной работы. В этой речи О. Ю. Шмидт, естественно, подчеркивал руководящую, основную роль исследований, так или иначе связанных с потребностями обороны страны. Но и тогда он возражал против узковедомственных требований переключить всех ученых академии на одну лишь прикладную работу. Призывы к прекращению теоретических исследований иногда раздавались и в стенах академии. Я помню, как, возражая против них, Отто Юльевич говорил, что и в военной обстановке даже чисто теоретические исследования оправдают себя, если они будут посвящены действительно большим проблемам, что условия военного времени не терпят никакого научного крохоборства, занятия мелочами. Я знаю случаи, когда эта речь О. Ю. Шмидта оказывала большое влияние на направление научных исследований математиков»¹⁶.

В конце 1941 г. О. Ю. Шмидт посетил В. Л. Комарова в Свердловске и в течение нескольких дней рассказывал ему о делах академии, о том, как самоотверженно трудятся ученые в Казани. Встреча была теплой и сердечной. «Все оставалось как будто бы без перемен в здании Казанского университета, и вместе с тем чувствовалось, что назревают какие-то события», — писал П. Г. Шидловский¹⁷. Отто Юльевича не покидало чувство тревоги. И предчувствие его не обмануло. Вскоре по приезду в Казань Отто Юльевич узнал, что В. Л. Комаров написал письмо Сталину, оскорбленный тем, что план основных научно-исследовательских работ академии на первое полугодие 1942 г. не был доставлен ему в Свердловск. Тем самым якобы О. Ю. Шмидт игнорировал президента и отстранил его от работы. Сталин прислал О. Ю. Шмидту телеграмму. Его послание и ответ Отто Юльевича сохранились в архиве.

Приводим их полностью.

---

¹⁶ Александров П. С. Воспоминания об О. Ю. Шмидте. С. 175—176.
¹⁷ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 613. Л. 21.

«24 марта 1942 г. Казань,
вице-президенту АН СССР О. Ю. Шмидту.
Свердловск, президенту АН СССР В. Л. Комарову

Совнаркому СССР стало известно, что представленный правительству вице-президентом АН О. Ю. Шмидтом план основных научно-исследовательских работ АН на первое полугодие 1942 г. не был известен президенту АН и президент был лишен возможности предварительно ознакомиться с этим планом. Многие академики также были лишены этой возможности. Таким образом, со стороны вице-президента О. Ю. Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения от руководства президента АН. Совнарком считает такое положение неприемлемым, а поведение О. Ю. Шмидта — дезорганизующим работу академии. Ввиду изложенных обстоятельств СНК СССР решил отстранить О. Ю. Шмидта от обязанностей вице-президента. Исключить его из состава президиума АН. Доводя об этом до вашего сведения, я выражаю уверенность, что, несмотря на трудные условия военного времени, научная деятельность Академии наук будет развиваться в ногу с возросшими требованиями страны и президиум АН под вашим руководством сделает все необходимое для осуществления стоящих перед академией задач.

Председатель СНК СССР И. Сталин»¹⁸.

«Тов. И. В. Сталину от О. Ю. Шмидта.

25 марта 1942 г. я получил Вашу телеграмму об отстранении меня от должности вице-президента АН и тотчас же сдал дела вице-президенту Е. А. Чудакову. Я пишу не для того, чтобы оправдаться, так как я действительно целиком виноват и решение СНК после моей коренной ошибки совершенно естественное и неизбежное. Но я считаю своим долгом доложить Вам об обстановке, сложившейся в АН, так как в этой обстановке кроются корни моей ошибки и могут появиться ошибки у тех, кто будет работать после меня.

В начале 1939 г., когда был сформирован новый президиум АН, на нас, новых в президиуме людей, естественно, легла главная ответственность за направление работы академии, за осуществление той перестройки работы, которую ЦК и СНК неоднократно требовали от АН. Тотчас же после выборов президент АН В. Л. Комаров уехал в длитель-

---

¹⁸ Там же. Д. 351. Л. 1.

ный отпуск. И в дальнейшем приступы мучительной болезни часто повторялись, так что В. Л. Комаров большую часть года проводил на курорте или даче и лишь в короткие промежутки появлялся в АН. Дела, естественно, перешли в основном к вице-президентам, которых после смерти И. М. Губкина осталось два: я и Е. А. Чудаков. Работать потому В. Л. Комаров не мог. Председательствуя на заседаниях, часто засыпал, так что в конце концов просил меня председательствовать, а сам сидел рядом, изредка подавая реплики. Комаров — натура властная — как-то тяжело переживал фактическое ослабление своей роли. В этих трудных условиях я взял себе за правило: ничего не решать единолично, точно соблюдая права президиума, как единственного по уставу АН полномочного органа управления. Никаких приказов по АН не издавалось. ЦК и СНК известно, что с 1919 г. и до начала войны АН хотя и не быстро, но последовательно и глубоко перестраивала свою работу и значительно приблизилась к поставленной правительством цели. В июле АН было предложено эвакуироваться. Провести эвакуацию СНК возложил на меня. В первую очередь СНК поручил вывезти институты физические, химические, механические, назначив местом эвакуации г. Казань. Туда же по решению правительства должны были отправиться академики и члены-корреспонденты. В. Л. Комаров отказался выехать в Казань, решив остаться в Москве. Спустя некоторое время он собрался в курорт Боровое, но по дороге внезапно оказался в Свердловске и решил там поселиться. Создалось очень неясное положение в АН. Аппарат президиума находился в Москве. Мы предлагали оставить президиум в Москве, но т. Шверник указал нам: в Казани должна быть АН. Неожиданное переселение Комарова в Свердловск очень нас беспокоило, я написал ряд писем и телеграмм с просьбой переехать в Казань, но Комаров стоял на своем и получил наконец разрешение правительства остаться в Свердловске. С разрешения СНК и с согласия Комарова в конце сентября в Казани был созван пленум президиума, Комаров не приехал. Пришлось нам, вице-президентам, целиком взять руководство на себя. В это время развернулась работа АН — «все для фронта». Коллектив ученых работал с громадным подъемом. В конце года я поехал к Комарову в Свердловск. В течение нескольких дней я подробно докладывал о ходе дела в АН и получил полное его одобрение. Расстались мы очень сердечно»¹⁹.

---

¹⁹ Там же. Д. 352. Л. 1.

Так был отстранен от должности человек, спасший тысячи жизней во время войны.

Вспоминая об этом времени, академик П. С. Александров писал: «После отставки О. Ю. Шмидта с поста вице-президента А. И. Иоффе, занявший его место, устроил собрание нашего отделения и в знак уважения оставил незанятым место, которое обычно занимал Отто Юльевич, а сам сел в стороне и председательствовал на этом собрании не с председательского места»²⁰.

После освобождения от вице-президентства Отто Юльевич продолжал работать в академии. С начала 1942 г. в Москву стали возвращаться лаборатории академических учреждений. 13 марта 1943 г. Совнарком принял решение о возвращении в столицу 75 учреждений Академии наук. Вернулся в Москву и Отто Юльевич Шмидт.

По решению общего собрания отделения академии должны были «установить, какие основные проблемы стоят перед отдельными науками, дать оценку роли отечественной науки в развитии этих проблем, разработать мероприятия по усилению этой роли и, установив примерную очередность разрешения важнейших проблем, определить, какие из них следует развивать в 1944 г.»²¹. Отто Юльевич считал, что «наша наука имеет все основания, чтобы в короткий срок — через 8—10 лет — стать ведущей. Для этого, кроме тех конкретных задач, которые нужны стране в переживаемый момент, необходимо заняться разработкой больших научных проблем, которые являются узловыми в развитии науки, хотя они во время войны не дадут еще своих результатов»²².

В сентябре 1943 г. на совещании директоров московских учреждений Академии наук СССР, посвященном вопросам планирования научной деятельности, Отто Юльевич выступил с докладом. Как отмечал академик П. Л. Капица, «ряд крупных ученых являются противниками плана любого вида. Они считают, что научная работа — это творческая деятельность, а творчество не подлежит планированию, оно должно развиваться совершенно свободно, и ученые творят только то, к чему у них лежит в данное время склонность»²³.

П. Л. Капица критически воспринял и выступление О. Ю. Шмидта, подчеркнув, что на фоне существующих

---

²⁰ Александров П. С. Отто Юльевич Шмидт: К 90-летию со дня рождения // Природа. 1981. № 10. С. 66.

²¹ Арх. АН СССР. Ф. 2. Оп. 7. Д. 13. Л. 33.

²² Там же. Ф. 541. Оп. 2. Д. 44. Л. 15.

²³ Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика: Статьи, выступления. М.: Наука, 1981. С. 172.

противоречий Отто Юльевич предложил компромиссное решение проблемы планирования: «Чтобы согласовать эти противоречия, выдвигается компромиссный взгляд. На нашем совещании этот взгляд выдвигал академик О. Ю. Шмидт. Он считает, что действительно существуют научные открытия и, конечно, никто не может заставить ученых заранее планировать свои открытия, и здесь мы предоставляем ученым свободу. Но есть масса работы, кроме творческой, и эту работу мы будем планировать. Я считаю этот взгляд малообоснованным. Это соответствовало бы тому, как если бы при оценке картины в музее, хотя мы и знаем, что лишены возможности оценить, например, картину Рубенса, поскольку художественное качество деньгами не выразить, мы все же приняли бы, что можем оценить раму, краски и пр. и таким образом определить некоторую часть стоимости художественных фондов музея. Такие оценки ничего не выражают и могут удовлетворить только бюрократическую администрацию. Мне думается, что предложение О. Ю. Шмидта, как и все другие, не решает задачи, и нам надо искать более широкий подход, в основу которого должен быть положен следующий принцип: в науке самым ценным является творческий элемент, поэтому план и отчет должны составляться так, чтобы не стеснять свободу творчества, а поддерживать ее»²⁴.

Отто Юльевич без обиды принимал критические замечания П. Л. Капицы, ценил и любил его. О. Ю. Шмидт говорил о Петре Леонидовиче: «Это — соединение блестящей теоретической и практической мысли и исключительного таланта конструктора-инженера»²⁵.

С июня 1944 г. О. Ю. Шмидт входил в бюро отделения физико-математических наук, руководил Геофизическим институтом, был членом Комиссии по физическим методам разведки полезных ископаемых, участвовал в Экспертной комиссии по выборам в Академию наук.

Создатель теории происхождения Земли и планет

Яркой страницей творчества О. Ю. Шмидта явилась его работа по теории происхождения Земли и планет Солнечной системы. Вопросы, рассматриваемые в ней, целиком относились к области геофизики — молодой науки, изучающей земной шар физико-математическими методами.

---

²⁴ Там же. С. 173.

²⁵ Правда. 1944. 22 дек.

Оценивая огромное практическое значение геофизики, Отто Юльевич взялся за решение наиболее сложных вопросов. Интерес О. Ю. Шмидта к геофизике во многом объяснялся тем, что среди других наук она выделялась своей комплексностью и, самое главное, возможностью приложения в процессе исследований таких классических областей знания, как математика и физика. Отто Юльевич хорошо помнил завет своего учителя академика Д. А. Граве, рекомендовавшего ему наряду с чистой математикой выбирать один из разделов математики прикладной. И он выбрал геофизику и небесную механику, в дальнейшем сосредоточившись на проблеме происхождения Земли и Солнечной системы.

Из истории науки известно, что геофизика как научное понятие зародилась в конце XIX в., объединив разрозненные данные геодезии, магнитометрии, океанографии, метеорологии и других молодых научных дисциплин. Тогда же стали «вырисовываться взаимные связи между различными физическими явлениями, протекающими в трех оболочках Земли — твердой, жидкой и газообразной»²⁶. Геодезические и сейсмометрические работы, выполнявшиеся в нашей стране, высоко оценивались в мире. Об этом говорил О. Ю. Шмидт в своем докладе на заседании президиума Академии наук: «Таково было в XIX в. значение геодезических работ по Пулковскому меридиану, долго служивших одной из основ определения формы и размеров Земли. В сейсмометрии работы акад. Б. Б. Голицына были ведущими, а сконструированные им приборы для регистрации землетрясений в свое время открыли новую эру в области знания и до сих пор применяются у нас и за границей. Однако мы отстали впоследствии от США и Японии в числе сейсмических станций и обилии исследовательских работ по материалам станций»²⁷. О первой такой станции, построенной во время экспедиции на «Г. Седове» в 1929 г., Отто Юльевич писал в дневнике: «Научная станция на Земле Франца-Иосифа, вынесенная столь далеко на север, самая северная в мире, должна будет иметь огромное общенаучное значение как база разносторонних наблюдений и исследований: метеорологических, аэрологических, магнитных и вообще геофизических в широком смысле, а также гидрологических, гидробиологических, геологических и т. д.»²⁸

Между тем Отто Юльевич думал о создании крупного

---

²⁶ Шмидт О. Ю. Важнейшие задачи геофизики // Избранные труды: М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3: Геофизика и космогония. С. 25.

²⁷ Там же.

²⁸ Из семейного архива О. Ю. Шмидта.

комплексного геофизического центра. И в 1935 г., как уже упоминалось, он поставил перед Академией наук вопрос о создании геофизической секции при Институте географии. Последовавшие за этим экспедиции 1936 и 1937 гг. еще больше убедили О. Ю. Шмидта в необходимости всесторонней разработки проблем геофизики. В 1937 г. Отто Юльевич внес в президиум АН СССР предложение об организации Института теоретической геофизики. В 1938 г. таковой был создан, и первым его директором стал О. Ю. Шмидт. По словам Отто Юльевича, институт призван был восполнить пробел среди учреждений, занимающихся изучением земного шара. Не было одного, который бы исследовал взаимодействие его оболочек. В работе института объединялись математический анализ, лабораторный эксперимент и полевые наблюдения.

Научную деятельность О. Ю. Шмидта, связанную с геофизическими исследованиями, можно разделить на два периода. Первый падает на 1938—1942 гг. В эти годы Отто Юльевич работал над постановкой геофизических проблем. Во второй период, с 1943 по 1956 г., ученый много трудился в области планетной космогонии. Однако впервые к вопросам конкретной геофизики Отто Юльевич обратился в 20-е годы, когда работал в Особой комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии (ОККМА). Членами ее были также А. Д. Архангельский, П. П. Лазарев, А. Н. Крылов, И. М. Губкин. Задача, стоявшая перед ОККМА, носила чисто геофизический характер: «...надо было выяснить, можно ли на основе магнитных наблюдений в районе КМА и измерений силы тяжести определить наличие под землей намагниченных и тяжелых масс руды, их количество, форму и глубину залегания»²⁹.

Применив математические методы и теорию потенциала, Отто Юльевич взялся за решение этой задачи. Резко выраженная аномалия силы тяжести, сопутствующая Курской магнитной аномалии, вызывала большой интерес. Сущность исследования, проведенного О. Ю. Шмидтом, описана в его статье «Математическое определение тяжелых подземных масс по наблюдениям вариометром Этвеша», которая была опубликована в «Трудах Особой комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии» в 1925 г. Однако доклад на эту тему О. Ю. Шмидт сделал еще в 1923 г. на заседании президиума ОККМА.

В начале статьи Отто Юльевич изложил свою концепцию в решении главной задачи исследования: «После того

---

²⁹ *Калишников А. Г.* О. Ю. Шмидт и геофизическая наука // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 118.

как П. М. Никифоровым было произведено измерение аномальных величин для ряда функций от потенциала силы тяжести, настойчиво ставится вопрос, может ли результат измерений дать сколько-нибудь точные указания на распределение тяжелых подземных масс и их плотность. Надежды в этом направлении были тем заманчивее, что вариометр Этвеша, которым производились измерения, является необычайно точным аппаратом.

...Задача имеет большое практическое значение. Для подготовки к будущей эксплуатации руды необходимо возможно точнее определить границы ее залегания, и в частности западный край рудоносного пласта, который предполагается особенно тщательно обследовать.

Исходя из этих практических потребностей, член президиума ОККМА проф. А. Д. Архангельский предложил мне вопрос, какое расположение тяжелых масс вытекает из полученных результатов измерений вариометром. Проф. А. Д. Архангельский придавал этому вопросу тем большее значение, что предстояло организовать бурение на второй линии обследования, на километр севернее первой. При этом ОККМА хотела наметить места бурения не ощупью, а по возможности опираясь на теоретические предсказания.

Конечно, математик, берущийся за подобную задачу, должен исходить из тех данных, которые ему дает геология. К сожалению, до сих пор математики и физики склонны были пренебрегать геологическими указаниями, основывая свои исследования на совершенно произвольных образах, лишь математически мыслимых, но геологически невероятных.

В основу моего опыта математического подхода легла та общая картина расположения масс, которая была высказана А. Д. Архангельским, руководителем геологических работ ОККМА. Основная гипотеза А. Д. Архангельского, как известно состоявшая в том, что причиной магнитной аномалии является наклонно расположенный, приблизительно плоскопараллельный слой намагниченной массы с горизонтальным срезом в верхнем конце, вполне оправдывалась результатами бурения. В основу моей работы легла, кроме этого, еще одна гипотеза А. Д. Архангельского — что причина аномалии силы тяжести и аномалии магнитной есть в основном одна и та же — те же тяжелые намагниченные массы»³⁰.

---

³⁰ Шмидт О. Ю. Математическое определение тяжелых подземных масс по наблюдениям вариометром Этвеша // Избранные труды. Т. 3. С. 9—10.

Результаты работы О. Ю. Шмидта произвели на геофизиков сильное впечатление. Подтвердилась справедливость гипотезы А. Д. Архангельского о единстве источников локальных магнитной и гравитационной аномалий в виде пласта железистых кварцитов. Единая природа локальных гравитационной и магнитной аномалий в районе Курска больше никем не оспаривалась.

Работа О. Ю. Шмидта «дала большой импульс к развитию методов интерпретации гравитационных наблюдений, заложила основы правильной методологии интерпретации гравиметрических данных.

Именно в этом... ее непреходящее значение для развития разведочной геофизики»³¹.

В отчете, представленном в Математический научно-исследовательский институт при 1-м МГУ в 1924 г., Отто Юльевич писал: «Особняком стоит отдельная работа, выполненная по поручению Особой комиссии по Курской магнитной аномалии. Результаты измерений силы тяжести в районе аномалии не были до сих пор истолкованы должным образом... По поручению ОККМА мне пришлось заняться этим вопросом и удалось найти правильный подход к задаче (математически очень простой), что имело результатом такие предсказания о расположении масс, которые вполне оправдались бурением.

Примененный метод даёт возможность использовать гравиметрические наблюдения для весьма точного определения тяжелых подземных масс. Аналогичный метод указан мною для магнитных наблюдений»³².

Расчеты О. Ю. Шмидта позволили определить место заложения буровой скважины. В кратчайший срок была проделана огромная работа, в результате которой с помощью применения математических методов подтверждалось наличие крупнейших в мире запасов железной руды в районе Курской магнитной аномалии. Позднее Отто Юльевич в своем докладе «Советская геофизика за 25 лет», сделанном в ноябре 1942 г. в Казани, отмечал, что эта работа «стала одновременно образцом применения новейшего метода и зародышем всего развития прикладной геофизики на протяжении всех 25 лет»³³.

---

³¹ *Страхов В. Н.* Работа Отто Юльевича Шмидта по изучению Курской магнитной аномалии // О. Ю. Шмидт и советская геофизика 80-х годов. М.: Наука, 1983. С. 73.

³² Из семейного архива О. Ю. Шмидта.

³³ Там же.

Среди геофизических проблем, вызывавших особый интерес О. Ю. Шмидта, была также проблема происхождения магнитного поля Земли. В письме в редакцию «Бюллетеня Московского общества испытателей природы» он высказал гипотезу о происхождении земного магнетизма. В то время на этот счет существовали две концепции. В основе первой была заложена мысль, что причину земного магнетизма следует искать в магнитных веществах, находящихся внутри Земли; в основе другой — в обтекающих земной шар электрических токах. По О. Ю. Шмидту, «причина земного магнетизма заключается в механическом действии вращения Земли на молекулы железа (или некоторых соединений), находящегося в вязком состоянии, на границе между твердым и жидким»³⁴.

Гипотеза О. Ю. Шмидта в конце концов не подтвердилась, однако сама его идея о большой роли вращения Земли в возникновении земного магнетизма и связи магнитного поля с электрическими явлениями в земном ядре легла в основу многих более поздних исследований.

Свою концепцию изучения геофизики О. Ю. Шмидт изложил в уже упоминавшемся докладе «Важнейшие задачи геофизики». Для геофизики, по мнению Отто Юльевича, характерны три подхода к явлениям, три круга вопросов: описательная геофизика, теоретические исследования причин явления и прикладная геофизика. Задача описательной геофизики заключалась в том, чтобы точнее определить фигуру и размеры Земли, характер распределения магнитной силы на земной поверхности, ее суточные и долгопериодические колебания, распределение силы тяжести.

Однако техническая оснащенность института не позволяла проводить исследования на должном уровне. «Перед геофизическим приборостроением, — писал О. Ю. Шмидт, — стоит ряд новых задач в смысле повышения точности наблюдений и расширения средств проникновения в атмосферу, океан и недра Земли»³⁵.

Возглавив Институт теоретической геофизики, Отто Юльевич был обеспокоен тем, что нерешенные вопросы «обступали... со всех сторон». Он писал: «Наука до сих пор больше занималась описанием магнитного поля Земли при помощи математических формул; задача же состоит в физическом объяснении этого поля, которое, очевидно, связа-

---

³⁴ Шмидт О. Ю. О причине земного магнетизма // Избранные труды. Т. 3. С. 23.

³⁵ Шмидт О. Ю. Важнейшие задачи геофизики // Там же. С. 26.

но с происхождением Земли и ее строением»³⁶. Несмотря на то что работали уже тысячи метеорологических станций, теория образования циклонов находилась все еще в зачаточном состоянии.

Отсутствие теории становилось тормозом для развития смежных наук, использующих выводы геофизики: «Так, например, современная геология уже не может ограничиваться описанием явлений и прогнозов по аналогии, а в лице своих передовых представителей требует теории образования гор, впадин и т. п., причинного объяснения геологических явлений, выяснения физической природы действующих сил и количественного подсчета результатов их действия. Эту теоретическую работу совместно с геологией обязана выполнить геофизика»³⁷.

Тем самым Отто Юльевич на первое место ставил глубокие теоретические обобщения: «Прогресс геофизики должен охватить и будет охватывать как наблюдения природы, так и теорию, а также прикладную геофизiku и ее приложения. Однако... этот общий прогресс определится прежде всего развитием теории»³⁸.

Глубоко научная постановка Отто Юльевичем главных геофизических задач привлекла к нему многих известных деятелей науки, увлекшихся идеей приложения математики к геофизике, — С. С. Ковнера, Е. С. Кузнецова, А. Н. Тихонова и др. В итоге их деятельности впервые были получены ответы на такие принципиальные вопросы, как единственность решения обратной задачи теории потенциала и его устойчивость. Большую роль в организации и деятельности института сыграли академики А. Д. Архангельский, А. Н. Крылов, П. П. Лазарев, член-корреспондент АН СССР Л. С. Лейбензон. Вокруг Отто Юльевича, как и в прежние времена, группировался коллектив молодых научных сотрудников, многие из которых стали впоследствии видными деятелями отечественной геофизической школы.

Из учреждений Академии наук в состав института были включены Морская гидрофизическая лаборатория члена-корреспондента АН СССР В. В. Шулейкина и лаборатория Л. А. Кубецкого. Физика моря (В. В. Шулейкин и его школа) впервые в нашей стране выделилась в самостоятельную дисциплину. Профессор Г. А. Гамбурцев возглавил в институте группу геофизиков-разведчиков.

---

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ Там же. С. 26.

³⁸ Там же. С. 27.

В 1943 г. Институт теоретической геофизики возвратился в Москву. В нем по инициативе О. Ю. Шмидта произошли структурные изменения: были созданы лаборатории сейсмическая, электрометрическая, магнитная и термическая, геотектоники, динамики атмосферы, вторично-электронных приборов, а также математический отдел.

Обсуждая отчет института за 1943 г., президиум АН СССР отметил «особо из числа работ математиков и механиков, взявшихся с большой широтой и концентрацией больших систематических усилий за решение узловых вопросов самой геофизики во всем их объеме и конкретности, исследования академика О. Ю. Шмидта по космогонии, образованию Земли и распределению радиоэлементов». Было также подчеркнуто, что «как мощный центр, разрабатывающий узловые вопросы теоретической геофизики, институт и сейчас находится в стадии формирования»³⁹.

В программу института среди множества других были включены следующие вопросы: образование Земли и ее физическая история: космогонические теории в свете геофизики; структура внутренних слоев Земли; силы, вызывающие движение континентов, происхождение земного магнетизма. Из теоретических задач геофизики научной космогонии отводилось ведущее место. О. Ю. Шмидт приступил к разработке темы «Космогонические теории в свете геофизических данных».

Прежде чем перейти к изложению сути космогонических исследований О. Ю. Шмидта, на наш взгляд, уместно обратиться к первым в его жизни записям, относящимся к 20-м годам. Они были занесены в особую тетрадь, которая имела название «К устойчивости планетных движений». Он писал: «В задаче 3 тел тенденции движения. Если скорость первоначально не в плоскости 3 тел, то будет ли тенденция к превращению движения в плоское или другая? Устойчиво ли одинаково движение при разных конфигурациях? Необходимо ли привлечение 4-го тела для суждения об устойчивости? Это темы для чтения на ближайшее время из огромной массы литературы о задаче 3 тел. Март, 1925 г. ...Подойти к закону Воде — моя давняя мечта — со стороны устойчивости движения... В этих направлениях проделан ряд более детальных вылазок начиная с 1920 года...»⁴⁰

Первые записи в 1925—1926 гг. характеризовались четкими формулировками частных задач, математическими

³⁹ АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 359. Л. 17.

⁴⁰ Левин Б. Ю. Создатель теории происхождения Земли // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 64—65.

выкладками, относящимися к движению двух тел, возмущаемому постоянной силой. Отто Юльевич много раз возвращался к своим записям, однако по-настоящему углубиться в них он смог лишь 20 лет спустя. В 1943 г. О. Ю. Шмидт вплотную занялся изучением происхождения Земли и планет Солнечной системы, пробудив интерес научного сообщества к развитию планетной космогонии. «История развития этой науки,— пишут наши современники,— богата сменами гипотез и концепций, возникновением новых идей, их драматическими столкновениями. Она во многом отражает развитие всего естествознания. Уровень развития планетной космогонии определяется количеством накопленных данных об окружающем нас мире, уровнем развития и успехами фундаментальных наук»⁴¹.

Отто Юльевич пришел в планетную космогонию в годы ее глубокого кризиса. Это было время, когда безраздельно господствовавшая в 30-е годы космогоническая теория Джинса об образовании Земли из раскаленных сгустков солнечных газов (массивных протопланет) уже была отвергнута. О. Ю. Шмидт предполагал, что столь длительное существование гипотезы Джинса было связано с социальными факторами. «Из гипотез XX в., — писал он, — дольше других продержалась гипотеза Джинса. Причина ее популярности лежала не в ее научных достоинствах (их нет) и не в несомненной личной талантливости автора, а в том, что она оказалась наиболее приемлемой для господствующего в буржуазном обществе религиозно-идеалистического мировоззрения»⁴².

И хотя теория Джинса перестала существовать, новых исследований в этой области не проводилось. О. Ю. Шмидт впервые начал систематическую разработку теории образования планет из твердых частиц околосолнечного допланетного облака. В своей первой статье, посвященной происхождению Земли и планет (1944 г.), Отто Юльевич писал: «В настоящее время нет общепризнанной теории происхождения Земли и планет. Все прежние теории натолкнулись на непреодолимые противоречия с фактами. Построение новой теории должно исходить из тех фактов, которые добыты астрономией за последние 20 лет и еще не были использованы в космогонии»⁴³.

⁴¹ Витязев А. В., Печерникова Г. В., Сафронов В. С. Планеты земной группы: Происхождение и ранняя эволюция. М.: Наука, 1990. С. 3.

⁴² Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения Земли. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9.

⁴³ Шмидт О. Ю. Метеоритная теория происхождения Земли и планет // Избранные труды. Т. 3. С. 41.

Вся работа Отто Юльевича над проблемами физики Земли основывалась на глубоком убеждении, что «без научных знаний о происхождении Земли нельзя понять ее дальнейшее развитие, действующие в ней силы и их проявления...»⁴⁴. В этом его убедили арктические экспедиции. «Происхождение Земли, на которой мы живем и работаем,— писал О. Ю. Шмидт,— один из тех вопросов, которые не могут не интересовать людей. Это один из коренных вопросов научного мировоззрения. Выяснение происхождения Земли необходимо для научного понимания всей ее дальнейшей истории и эволюции»⁴⁵. В другой работе читаем: «Огромное значение вопроса о происхождении Земли нет необходимости доказывать. С точки зрения нашего научного мировоззрения вопрос о происхождении Земли — один из трех важнейших вопросов естествознания: происхождение Земли, происхождение жизни на Земле и происхождение человека. Это один из важнейших вопросов для всех наук о Земле: геологии, геофизики, геохимии. Велико его значение и для биологии в части теории зарождения жизни... Любой вопрос — будь это вопрос о причине горообразования, о причине магнетизма, о причине землетрясений — упирается в вопрос, когда и почему начали образовываться горы, стали происходить землетрясения, и поэтому в конечном счете упирается в решение вопроса о происхождении Земли»⁴⁶.

Определенное место в теории О. Ю. Шмидта занимало философское осмысление проблемы происхождения Земли. «Необходимо, однако,— писал Отто Юльевич,— остановиться на одном философском вопросе. Мы привлекаем к объяснению происхождения Солнечной системы материю и силы Галактики. Правильно ли это? Не следует ли образование Солнечной системы объяснить развитием только внутренних сил самой системы?

Учение марксизма-ленинизма о всеобщей связи явлений — одно из основных в диалектике и всем нам хорошо известно. Проблема взаимоотношений внутреннего и внешнего решается материалистической диалектикой конкретно, с учетом всех связей, которыми обладает данное явление... Для нас, воспитанных в мировоззрении диалектического материализма, нет сомнений, что Вселенная беско-

---

⁴⁴ Из семейного архива О. Ю. Шмидта.

⁴⁵ Шмидт О. Ю. Новая теория происхождения Земли // Избранные труды. Т. 3. С. 57.

⁴⁶ Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения Земли // Там же. С. 103.

нечна в пространстве и во времени, что происходит круговорот материи...»⁴⁷

С новой космогонической теорией О. Ю. Шмидта научная общественность впервые познакомилась в 1944 г. Тогда он сделал целую серию докладов в Институте теоретической геофизики, Государственном астрономическом институте им. П. К. Штернберга (ГАИШ), в Астрономическом обществе, Математическом обществе и, наконец, на сессии Отделения физико-математических наук Академии наук. В ноябре 1944 г. по приглашению ректора Отто Юльевич сделал доклад на сессии Ленинградского университета.

Все выступления Отто Юльевича неизменно вызывали большой интерес. Ряд ученых указывали на своевременность появления новой теории, так как все прежние оказались в противоречии с фактами. Отмечалась не только свежесть, но и математическая разработанность, тщательность и разнообразие способов проверки выводов теории. Подчеркивалось также, что, хотя новая теория еще не завершена, она, однако, предсказала ряд явлений, которые не были ранее известны. Наряду с этим не было недостатка и в критических замечаниях. Но это не остановило О. Ю. Шмидта. Его исследования продолжались. И если сначала он работал один, консультируясь по вопросам математики и небесной механики с Г. Ф. Хильми, сотрудником метеорологического отдела Института теоретической геофизики, то в 1944 г. вокруг О. Ю. Шмидта образовалась постоянная группа: доценты Б. Ю. Левин и Г. Ф. Хильми, ассистентка С. В. Козловская. Коллеги не только помогали О. Ю. Шмидту, но и самостоятельно разрабатывали некоторые вопросы его теории. Отто Юльевич постоянно консультировался также с профессорами-астрономами Б. А. Воронцовым-Вельяминовым, П. П. Паренаго, Н. Н. Парийским. Ни одна работа не шла в печать без предварительного обсуждения с коллегами.

Вспоминая об этом времени, Б. Ю. Левин писал⁴⁸, что Отто Юльевич никогда не требовал от сотрудников признания его теории. Наоборот, он охотно привлекал к работе людей, сдержанно или даже критически относившихся к его взглядам. Он считал, что такие сотрудники окажутся более придиричивыми к ошибкам и недостаткам и это будет способствовать выявлению и устранению этих недостатков. Свои новые работы он сперва давал на просмотр сотрудни-

⁴⁷ Там же. С. 107.

⁴⁸ Левин Б. Ю. Создатель теории происхождения Земли. С. 66—67.

кам, затем они обсуждались на семинаре отдела. Наконец, текст статьи, готовый к печати, снова редактировался, если были критические замечания и новые рекомендации.

Понятно, что за прошедшие десятилетия теория происхождения Земли претерпела существенные изменения. Но, достигнув значительных успехов и став достоянием мировой науки, она, как справедливо отмсчает В. С. Сафронов, «в какой-то мере утратила имя своего основателя»⁴⁹, первого отечественного исследователя планетарной космогонии О. Ю. Шмидта. Однако роль Отто Юльевича как создателя отечественной школы планетной космогонии и ученого, давшего своими трудами значительный толчок развитию исследований в этой области, велика. Наиболее известными и получившими признание космогонистов являются «Четыре лекции о теории происхождения Земли» О. Ю. Шмидта. В первой из них Отто Юльевич рассматривал состояние вопроса и исходные положения своей новой теории.

Существовали также различные теории и гипотезы о происхождении материи, из которой складываются планеты. О. Ю. Шмидт подразделял эти концепции на три класса. В основе известной теории Канта—Лапласа лежала гипотеза об одновременном возникновении Солнца и планет из одной массы, которая получила название «туманность». Эта гипотеза имела своих последователей и в XX в. (первая гипотеза академика В. Г. Фесенкова).

Вторая группа космогонических гипотез строилась на том, что материал планет имеет солнечное происхождение. Г. Лейбниц выдвинул гипотезу о вулканическом извержении материи Солнцем, Ж. Бюффон — об ударе о Солнце кометы, которая вырвала клоч материи. В начале XX в. были широко популярны так называемые приливные теории. Это теории Мульттона—Чемберлена, Джинса, Джеффриса. Сюда же относится и ротационная гипотеза В. Г. Фесенкова.

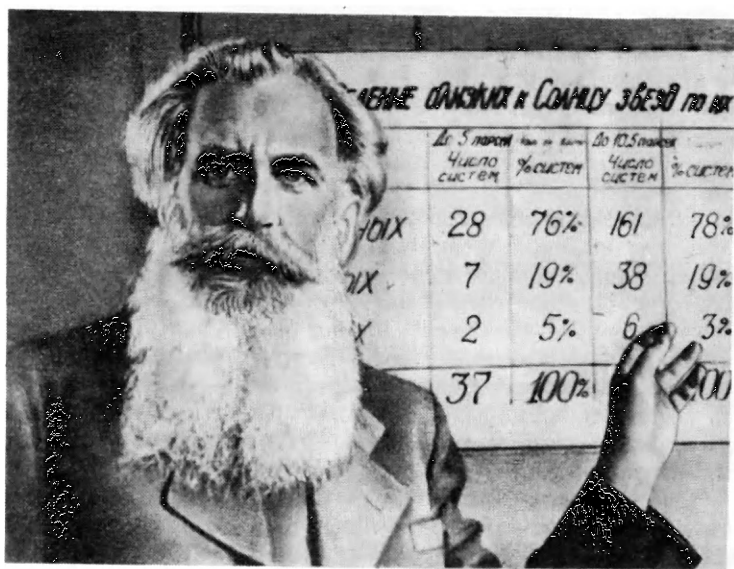
Свою новую теорию Отто Юльевич относил к третьей группе гипотез, согласно которой материя планет соткана из межзвездной материи уже после образования Солнца.

В 1948 г. известный геофизик Х. Джеффрис опубликовал обзор новейших западноевропейских и американских гипотез и, отказавшись от своей собственной теории, в конце концов заявил, что не симпатизирует ни одной из них. В. Г. Фесенков считал, что вообще не может быть одной

---

⁴⁹ Сафронов В. С. Современное состояние теории происхождения Земли // Изв. АН СССР. Физика Земли. 1982. № 6. С. 5.

О. Ю. Шмидт в Астрономическом институте им. П. К. Штернберга (1948 г.)

теории происхождения Земли. Отто Юльевич придерживался иной точки зрения: «Позволю себе не согласиться с этим столь распространенным пессимизмом. По моему убеждению, современное развитие науки как в теории, так и в части накопления фактического материала уже достаточно для того, чтобы по крайней мере заложить основы теории, решающей наш вопрос. Для этого решения требуется, конечно, не только учет всех имеющихся фактов, но и готовность выйти за круг привычных идей, готовность на испытание новых путей»⁵⁰.

О. Ю. Шмидт считал, что нельзя принимать теорию, противоречащую основным твердо установленным законам природы, таким, как закон сохранения энергии или закон сохранения момента количества движения: Все гипотезы первых двух названных групп, по его мнению, не согласуются с последним законом.

Выход из тупика, в котором оказалась космогоническая теория, О. Ю. Шмидт видел в развитии теории третьей группы гипотез, к которой причислял и свою: «С привлечением галактического материала отпадает всякая трудность

⁵⁰ Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения Земли // Избранные труды. Т. 3. С. 105.

с моментом, ибо звезды, как и облака пылевой материи, двигаясь в Галактике, имеют огромный момент относительно друг друга и относительно центра тяжести Галактики, и при перераспределении этого момента очень легко и без всякой натяжки получается тот момент количества движения, которым обладают планеты, в том числе самые далекие от Солнца»⁵¹.

Основной идеей теории О. Ю. Шмидта является захват Солнцем пылевой и метеорной материи из Галактики и последующее слияние этой мелкораздробленной материи в планеты. Захват такой материи включен в космогонию впервые. «Но образование планет из дисперсного предшествующего состояния,— писал Отто Юльевич,— есть старая идея, восходящая еще к классикам — Канту и Лапласу. Попытки “создавать” планеты сразу в целом виде, например выделением из Солнца, оказывались всегда ниже классических космогоний»⁵².

Отто Юльевич был глубоко убежден, что захват возможен. Однако большинство ученых, занимавшихся небесной механикой, и математиков отрицали эту идею. Чтобы обосновать возможность захвата, О. Ю. Шмидт выдвинул гипотезу двойных звезд: «В результате... близкого прохождения двух звезд при некоторых условиях происходит их взаимный захват, образуется так называемая двойная звезда, т. е. пара звезд, которые обращаются по эллипсам относительно друг друга и в то же время участвуют в большом галактическом вращении»⁵³.

Отто Юльевич считал, что двойные звезды представляют собой великолепный материал для статистической проверки законов, касающихся массовых явлений. И чтобы это осуществить, он воспользовался условной схемой, на основе которой вывел ряд формул, пытаясь с их помощью объяснить происхождение двойных звезд. Эти формулы использовались в 1944—1946 гг. Однако чрезмерная упрощенность схемы вызвала резкую критику ученых и деятелей из Госплана. В письме академику-секретарю Академии наук СССР Н.-Г. Бруевичу Отто Юльевич писал: «По поводу замечаний Госплана по плану работы академии на 1945 г. считаю долгом в части моей темы “Происхождение Земли и планет” сообщить следующее: если бы в руках рецензента Госплана были мои работы, напечатанные в 1944 г. в “Докладах АН СССР”, “О происхождении визу-

---

⁵¹ Там же. С. 106.

⁵² Там же. С. 110.

⁵³ Шмидт О. Ю. Новая теория происхождения Земли. С. 63.

ально-двойных звезд и особенностях их орбит“ и “Метеоритная теория происхождения Земли и планет“, то не возникло бы никакого недоразумения. Я предложил новую теорию происхождения сложных астрономических систем, охватывающую как планетные системы, так и двойные звезды. В упомянутых работах из теории сделан ряд количественных выводов и результаты сравнены с данными наблюдения. Получившееся хорошее соответствие явилось доводом в пользу новой теории. Однако для полной проверки теории из нее необходимо сделать все решительно выводы, проследить, как она проявляется в разнообразных явлениях, на которых отражается то или иное происхождение планет, и т. д. Если хотя бы в одном случае следствия из теории окажется в противоречии с фактами, то теорию надо отвергнуть либо изменить. Если же всюду будет констатировано соответствие, то это и явится доказательством того, что теория в основном верна. Так, в частности, из различных теорий происхождения Земли вытекают различные следствия по таким вопросам, как возраст Земли, ее строение, внутренняя температура и т. д.

Возникают вопросы, как теория объясняет расстояния между планетами, распределение массы между ними и т. д., как она объясняет происхождение других членов Солнечной системы, как кометы и метеориты. Большое число вопросов возникает о двойных звездах.

Таким образом, широкий охват подлежащих исследованию вопросов вызывается не моим субъективным желанием объять необъятное, а есть суровый научный долг каждого человека, предложившего новую космогоническую теорию.

Несмотря на тяжелую болезнь, я стараюсь пользоваться каждым днем передышки для продолжения работы»⁵⁴.

Из записей Отто Юльевича за отдельные годы можно видеть, что в последние годы жизни его занимали вопросы происхождения Земли, планет, двойных звезд.

1947 г.: «Моя личная научная работа была сосредоточена на дальнейшем развитии и обосновании той теории происхождения Земли, планет и двойных звезд, основные положения которой были опубликованы мною в 1944 г.

В отчетном году был достигнут важный этап в логическом обосновании теории, а именно была доказана принципиальная возможность захвата в задаче трех тел, что было опровержением прочно укоренившегося в науке предассудка.

---

⁵⁴ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 363. Л. 8.

Геофизические последствия новой теории происхождения Земли были рассмотрены в докладе на Всесоюзном географическом съезде, конференции астрономов г. Ленинграда, совещании по строению Галактики, космогонии и космологии»⁵⁵.

1948 г.: «Продолжал разработку теории происхождения Земли, планет и визуально-двойных звезд, предложенной в 1944 г. ...Среди существующих взглядов на происхождение визуально-двойных звезд идея их происхождения в результате захвата не пользовалась популярностью. Эта теория разрабатывалась в ряде статей, и многочисленные количественные выводы теории оказывались в хорошем соответствии с данными наблюдений. Однако самая возможность захвата оставалась гипотезой, пока мною в 1947 г. не был опубликован численный пример захвата в задаче трех тел, что доказывало принципиальную возможность захвата». О. Ю. Шмидт писал о том, что вычислением траекторий в его примере занимался Н. Н. Парийский. Строгое доказательство положительности меры было дано Г. Ф. Хильми.

«Этими работами,— делал заключение Отто Юльевич,— создана твердая база для построения космогонической теории на основе захвата, тогда как до их появления приходилось прибегать к ряду рабочих гипотез, составлявших упрощенную схему захвата»⁵⁶.

В 1948 г. Отто Юльевич продолжал свои исследования по теории захвата. Для сотрудников Геофизического института он прочитал четыре лекции о теории происхождения Земли.

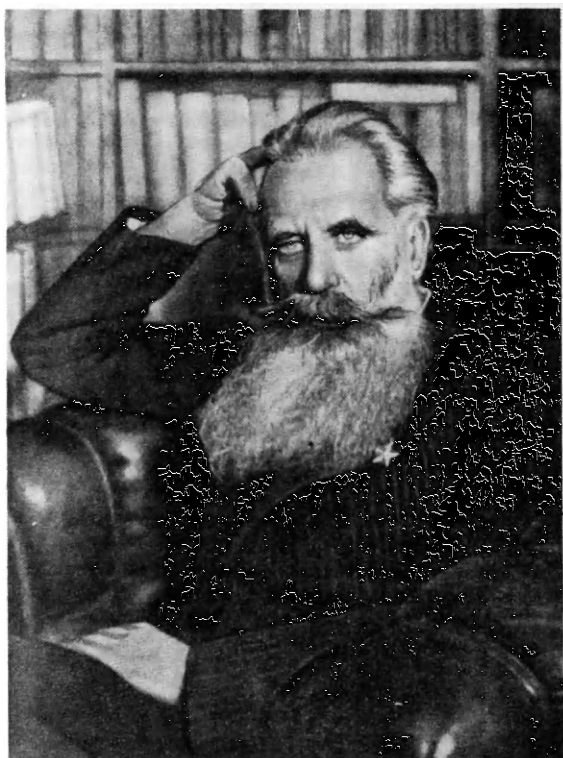
Б. Ю. Левин вспоминал: «С самого начала статьи и доклады Отто Юльевича пробудили огромный интерес к его исследованиям. Например, когда в январе 1947 г. в ленинградских газетах появилось сообщение о том, что 31 января на пленарном заседании 2-го Всесоюзного географического съезда состоится доклад академика О. Ю. Шмидта "Новая теория происхождения Земли и планет", слушатели заполнили не только конференц-зал Академии наук, но и прилегающие комнаты, и даже лестницу, так что докладчика пришлось провести на кафедру через запасный выход.

Но одновременно с волной широчайшего интереса нарастала и волна критики. Привлекая внимание к слабым местам, эта критика способствовала развитию исследований. Но, к сожалению, часто вместо обсуждения общего

---

⁵⁵ Там же. Д. 356. Л. 2

⁵⁶ Шмидт О. Ю. Теория захвата и статистические законы распределения орбит двойных звезд // Избранные труды. Т. 3. С. 80.

О. Ю. Шмидт (1950 г.)

направления исследований О. Ю. Шмидта, в которых были и достижения и недостатки, изолированно рассматривались одни только недостатки»⁵⁷.

В архиве О. Ю. Шмидта сохранился его ответ на критику теории захвата. «Углубленная критика,— писал Отто Юльевич,— должна прежде всего выявить то новое, что характеризует рассматриваемую теорию. В моей теории новой и главной является идея захвата, впервые положенная в основу космогонии Солнечной системы. Н. Д. Моисеев этого не заметил. Все ранее опубликованные космогонические гипотезы и теории, кроме других недостатков, терпели крушение в одном и том же вопросе: они не могли объяснить, каким образом Солнце обладает почти всей массой, но только 98 % момента системы, в то время как

⁵⁷ Левин Б. Ю. Создатель теории происхождения Земли. С. 69.

почти весь момент сосредоточен в планетах, обладающих около $1/700$ массы Солнца. Единственно только при гипотезе захвата нет никаких трудностей с моментом. Это обстоятельство, — заключал Шмидт, — ставит гипотезу захвата в совершенно особое положение среди других гипотез и делает ее разработку настоятельно необходимой. Критика не упомянула об этом»⁵⁸.

Две дискуссии в Ленинграде (март 1947 г. и декабрь 1948 г.), а также дискуссия, организованная Геофизическим институтом АН СССР в Москве (декабрь 1948 г.), завершились положительной оценкой теории в целом. Л. Э. Гуревич и А. И. Лебединский считали, что гипотеза второго типа, предложенная О. Ю. Шмидтом, материалистична, так как она предполагает, что звезды могут закономерно захватывать материал для образования планет. Фигурирующая в ней случайность — встреча звезды с пылевым облаком — это проявление общего процесса образования планет и звезд. Гипотеза О. Ю. Шмидта стремится возможно полнее охватить фактический материал, и в этом ее сильная сторона, но она оставляет неразработанными механизмы захвата пыли и образования планет, и в этом ее слабость.

Л. Э. Гуревич и А. И. Лебединский отмечали, что планетная космогоническая гипотеза О. Ю. Шмидта объясняет большее число фактов, чем какая-либо другая гипотеза. Поэтому развитие неразработанных ее частей (захват и слипание пыли) и уточнение предварительных грубых оценок составляют актуальную задачу астрономов. «В результате этих исследований, — писали Л. Э. Гуревич и А. И. Лебединский, — выяснится, верна или ошибочна гипотеза Шмидта, но положительная эвристическая роль ее несомненна и сейчас»⁵⁹.

Несмотря на полярные оценки его гипотезы, О. Ю. Шмидт продолжал работать, хотя его здоровье стало ухудшаться. В связи с этим в декабре 1948 г. О. Ю. Шмидт подал заявление об освобождении его от должности директора института. Однако он остался в институте, возглавив отдел эволюции Земли. Кроме того, О. Ю. Шмидт был ответственным редактором «Математического сборника» и «Известий Академии наук СССР». Продолжая исследования, он писал: «Я получил объяснение происхождения вращения планет около их осей и происхождения спутников». Доклад на эту

⁵⁸ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 618. Л. 7.

тому Отто Юльевич сделал на сессии Отделения физико-математических наук.

Между тем болезнь О. Ю. Шмидта прогрессировала. В отчете за 1950 г. он писал: «Научная работа была целиком посвящена развитию теории происхождения Земли и планет. В начале года вышла из печати работа «Возникновение планет и их спутников», в которой впервые было дано объяснение суточного вращения планет, происхождения спутников и направления их вращения».

Разрабатывая идею происхождения Земли и других планет Солнечной системы из газово-пылевого облака, вращавшегося вокруг Солнца, О. Ю. Шмидт пришел к заключению, что Земля никогда не была полностью расплавленным телом, а «ее температура является сложной функцией от начального разогревания при ее аккумуляции, сжатия под действием вышележащих слоев и выделения тепла радиоактивными элементами»⁶⁰.

В работе «Возникновение планет и их спутников» О. Ю. Шмидт дал космогоническое обоснование идее В. И. Вернадского о первоначальном холодном состоянии Земли и о постепенном радиоактивном разогреве ее недр. «Наша теория, — писал Отто Юльевич, — приводит к холодному, а не огненно-жидкому начальному состоянию Земли, что не исключает последующего разогрева ее от радиоактивности»⁶¹. Теория Канта—Лапласа об огненно-жидком состоянии Земли господствовала довольно долго. В 70-е годы XIX в. Ф. А. Бредихин⁶² объяснял вулканизм и другие термические явления не остатками первичного жара, а местными процессами — «электрохимическими». Отто Юльевич отмечал, что в то время большего сказать было нельзя, но это — гениальное предвидение, приведшее к открытию радиоактивного разогрева Земли.

Концепция О. Ю. Шмидта привлекла внимание многих ученых. Его идеи получили дальнейшее развитие. Астрофизики изучали характер взаимодействия Солнца и диффузного вещества, динамику вращающегося допланетного облака, закономерности роста в нем планет и спутников. Физики углубились в анализ поведения вещества при высоких давлениях и температурах и по результатам пытались моделировать внутреннее строение Земли и планет.

⁶⁰ К 90-летию О. Ю. Шмидта // Изв. АН СССР. Физика Земли. 1982. № 6. С. 4.

⁶¹ Шмидт О. Ю. Возникновение планет и их спутников // Избранные труды. Т. 3. С. 100.

⁶² Бредихин Ф. А. Прошедшее и настоящее тел Солнечной системы, преимущественно Земли // Беседа. 1871. № 2. С. 105.

Интерпретацией процессов, происходящих в Земле, с точки зрения ее глобальной эволюции занимались геофизики.

Значительную роль в развитии новой теории образования («аккумуляции») планет в 1950-е годы сыграли работы ленинградских астрофизиков Л. Э. Гуревича и А. И. Лебединского, изучавших эволюцию околосолнечного пылевого облака и образование в нем роя твердых тел.

Не менее интересен был подход Отто Юльевича к определению возраста Земли. На основе математической формулы, приближенно выражающей процесс роста Земли, и данных о современном приросте ее массы он показал, что длительность образования Земли из частиц роя согласуется по порядку величины с радиоактивными определениями ее возраста. Установить, когда был заложен первый камень — фундамент будущей планеты, конечно, невозможно, но теория О. Ю. Шмидта давала некоторые расчеты времени от гипотетического момента начала роста массы Земли до современного периода. Полагая, что ежегодно на Землю падает более 1000 т метеоритного вещества, Отто Юльевич нашел эту дату — около 7,6 млрд лет. «Этот астрономический возраст, — писал О. Ю. Шмидт, — хорошо сходится с возрастом коры по методу радиоактивного распада (2—3 млрд лет), ибо кора, конечно, моложе Земли в целом»⁶³.

Существование резко различных мнений о космогонических работах О. Ю. Шмидта побудило Академию наук провести широкое совещание, посвященное обсуждению исследований Отто Юльевича.

Первое такое совещание по космогонии, где обсуждалась теория О. Ю. Шмидта, состоялось 16—19 апреля 1951 г. Его работы обсуждались в присутствии более 300 человек. Выступили 40 докладчиков, среди которых были крупные ученые: астрономы, геофизики, геохимики, геологи. Двухчасовой доклад О. Ю. Шмидта был выслушан с неослабевающим вниманием. Отто Юльевич в заключение подчеркнул, что его теория прошла большой путь развития и будет развиваться дальше. Ее основная линия подтвердилась. «Значительно большая, чем в прежних гипотезах, полнота объяснения многих явлений и отсутствие непреодолимых противоречий дают нам основание для убеждения, что теория находится на верном пути, что в ней отражена какая-то существенная часть объективной истины»⁶⁴.

---

⁶³ Шмидт О. Ю. Астрономический возраст Земли // Избранные труды. Т. 3. С. 49.

⁶⁴ Шмидт О. Ю. Проблема происхождения Земли и планет // Избранные труды. Т. 3. С. 164.

Однако О. Ю. Шмидт понимал, что его теория еще далека от завершения, и в дальнейшем он собирался, опираясь на новейшие достижения физики и астрофизики, а также геологии, геофизики, геохимии, продолжить свои исследования.

Совещание показало актуальность проблем планетной космогонии и до некоторой степени стало поворотным в их разработке. В решении отмечалась большая заслуга О. Ю. Шмидта, «который в 1943 г. по-новому оценил научную и методологическую важность решения проблемы происхождения Земли и планет и показал необходимость углубленной работы над этой проблемой. Появление космогонической теории академика Шмидта привлекло к вопросам космогонии внимание ученых разных специальностей, способствовало широкому развитию космогонических работ».

Совещание положительно оценило работу О. Ю. Шмидта, «направленную на объяснение образования планет и их спутников из диффузной материи в пылевом или планетезимальном состоянии. Такой процесс открывает пути к объяснению основных черт строения Солнечной системы. Теория Шмидта объясняет почти круговое движение планет, комплантарность орбит, вращение планет, прямые и обратные движения спутников, разделение планет на две группы. Найдены пути к объяснению закона планетных расстояний»⁶⁵.

В решении совещания было записано, что такая полнота объяснения с единой точки зрения основных черт строения Солнечной системы получена в космогонии впервые. Теория О. Ю. Шмидта выгодно отличается от других, предложенных в последнее время, космогонических гипотез тем, что она позволяет связать догеологическую стадию развития Земли с геологической.

Совещание констатировало, что в результате деловой критики был выявлен ряд ошибочных положений в опубликованных ранее работах академика О. Ю. Шмидта, от которых он отказался в своем докладе. К числу таких положений относились возможность захвата при сближении двух тел под воздействием поля притяжения Галактики, объяснение закономерностей в распределении орбит долгопериодических комет, а также смешение «первоначальных» частиц облака с метеоритами, падающими ныне на поверхность Земли. Вместе с тем в рамках теории

---

⁶⁵ Там же.

О. Ю. Шмидта не разработан вопрос о влиянии эволюции Солнца на процессы, рассматриваемые в планетной космогонии, не дано объяснения происхождения комет, малых планет и метеоритов. Встречаются трудности в объяснении состава больших планет. Все это говорит о том, что необходима дальнейшая глубокая разработка проблем космогонии Солнечной системы, а также тесная увязка с проблемами звездной космогонии⁶⁶.

Президиум АН СССР в своем постановлении «Об утверждении решений совещания по вопросам космогонии Солнечной системы» от 20 апреля 1951 г. «с удовлетворением отметил инициативу академика О. Ю. Шмидта в разработке новой космогонической теории, а также его большую заслугу в привлечении внимания ученых разных специальностей к вопросам космогонии, что сильно способствовало широкому развитию космогонических работ в нашей стране»⁶⁷. Президиум выразил благодарность О. Ю. Шмидту.

Выступая после совещания на общем собрании в Геофизическом институте, Отто Юльевич поставил главную задачу — проникновение в раннюю эволюцию Земли. По его мнению, это был узловой вопрос. «Здесь мы могли опереться на встречные стремления со стороны ряда представителей наук о Земле, — говорил О. Ю. Шмидт. — Возрастающая часть геологов стремится понять физико-химические причины эволюции Земли, начиная от ее происхождения, чтобы на новой основе увереннее строить теоретическую геологию и увереннее применять теорию к практическим задачам своей науки»⁶⁸.

К тому времени Отто Юльевич отказался от большинства занимаемых им должностей и с 1951 г. возглавил редколлегию журнала «Природа». «“Природа” должна быть доступной среднему академику»⁶⁹, — шутя, говорил О. Ю. Шмидт. Редактором он оставался до конца своих дней.

Тяжелым выдался 1952 г. Отто Юльевич был прикован к постели. «Истекший год, — писал он, — был для меня не очень продуктивный, так как я почти все время болел. Я продолжаю разрабатывать теорию происхождения Земли и Солнечной системы, работал над вопросами про-

⁶⁶ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 626. Л. 3—6.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Д. 375. Л. 6.

⁶⁹ К 90-летию со дня рождения О. Ю. Шмидта // Природа. 1981. № 10. С. 69.

исхождения воды на Земле, численной оценки вероятности захвата»⁷⁰.

В 1952—1953 гг. Отто Юльевич продолжал трудиться, поставив перед собой задачу полнее изложить свою теорию. Его концепция образования Земли стала достоянием мировой науки. Проблема происхождения Солнечной системы не теряет своей актуальности до сих пор. Идеи Отто Юльевича сегодня получили новое воплощение. «Многие из существующих моделей образования планет развиваются в рамках схемы О. Ю. Шмидта, различаясь либо в аспектах подхода (физико-механический, ядерно-химический), либо в деталях, связанных с количественными оценками начальной массы допланетного облака или активности раннего Солнца и т. п.», — писали «Известия АН СССР»⁷¹.

Методологически важным в концепции О. Ю. Шмидта было то, что планетную космогонию он определил как комплексную науку, опирающуюся на многочисленные данные наук о Земле. «Исторически возникнув в недрах астрономии, — писал ученый, — планетная космогония перестала быть чисто астрономической проблемой. Она стала задачей, лежащей на стыке многих наук, комплексной проблемой астрономических дисциплин и наук о Земле... С астрофизикой и другими разделами астрономии наша проблема связана, в частности, через состояние материи, предшествовавшее образованию планет, с геофизикой и геологией она связана своим конечным результатом: космогония планетной системы должна исходить из предшествующего состояния материи, согласно с данными астрофизики, и привести к такому состоянию планет, в частности Земли, которое согласно с геофизическими и геологическими данными...

Происхождение Земли — проблема комплексная»⁷².

О. Ю. Шмидт разделял проблему планетной космогонии (что методологически ценно) на три части: происхождение околосолнечного допланетного облака, образование в нем планет, их эволюция. «С незначительными изменениями эти три задачи сегодня (1990 г.) могут быть сформулированы следующим образом: первая — объяснение происхождения Солнца и способа формирования допланетного

---

⁷⁰ Арх. АН СССР. Ф. 496. Оп. 2. Д. 356. Л. 8.

⁷¹ К 90-летию О. Ю. Шмидта // Изв. АН СССР. Физика Земли. 1982. № 6. С. 3.

⁷² Шмидт О. Ю. Четыре лекции о происхождении Земли // Избранные труды. Т. 3. С. 112—113.

облака, вторая (центральная задача планетной космогонии) — разработка теории образования планет в ходе эволюции допланетного облака и третья — установление геофизических, геохимических и геологических следствий теории образования планет...»⁷³

А вот как оцениваются идеи О. Ю. Шмидта сейчас.

В. С. Сафронов: «Можно с удовлетворением отметить, что теория образования планет путем объединения твердого вещества, планомерная разработка которой впервые была начата Шмидтом, оказалась перспективной, постепенно завоевывая авторитет, и теперь разрабатывается рядом стран»⁷⁴.

Б. Ю. Левин: «...исследования изотопного состава химических элементов из метеоритов указывают на правильность идеи О. Ю. Шмидта о межзвездном источнике твердой компоненты вещества протопланетного облака...»

Генеральная линия современной космогонии Солнечной системы во всем мире представляет собой либо продолжение и развитие идей, высказанных Шмидтом почти сорок лет тому назад, либо развитие аналогичных идей, высказанных независимо от Шмидта, но несколько позднее, другими исследователями»⁷⁵.

Е. Л. Рускол: «На основе идеи О. Ю. Шмидта об образовании спутников как о процессе, сопровождающем аккумуляцию планет, оказалось возможным количественно разработать такую модель, которая дает возможность с единой точки зрения объяснить наблюдаемые факты вплоть до различий в химическом составе Земли и Луны...»

На примере спутников планет видно, как первоначально простая идея о переходе частиц с орбит вокруг Солнца на орбиты вокруг планет вследствие несупругих столкновений, высказанная Шмидтом, получает новое развитие в свете современных данных»⁷⁶.

А. С. Монин: «Проблема происхождения и эволюции Земли, которой были посвящены блестящие основополагающие работы Шмидта, является одной и, возможно, наиболее крупной из так называемых глобальных проблем планетологии, решение которых требует рассмотрения планеты в целом, в случае Земли — с ее ядром и всеми ее оболочками, т. е. мантией, астеносферой, литосферой, ко-

---

⁷³ Витязев А. В., Печерникова Г. В., Сафронов В. С. Планеты земной группы... С. 6.

⁷⁴ К 90-летию О. Ю. Шмидта. С. 21.

⁷⁵ Там же. С. 25.

⁷⁶ Там же. С. 40.

рой, океаном и атмосферой. Главное место в этой проблеме занимала, конечно, твердая Земля...»⁷⁷.

Двенадцать лет Отто Юльевич занимался планетной космогонией. В последние годы жизни он возглавлял геофизическое отделение Московского университета, создал здесь кафедру эволюции Земли, начал читать курс лекций по космогонии. Однако в конце 1953 г. болезнь его резко обострилась, около двух месяцев он пролежал в больнице. В 1954 г. ему стало немного лучше, и он вернулся к научной работе. В «Докладах АН СССР» была опубликована его статья «О происхождении астероидов»⁷⁸. На VI Международный астрофизический симпозиум, состоявшийся в июне 1954 г. в Льеже (Бельгия), Отто Юльевич направил доклад «Роль твердых частиц в планетной космогонии». Это были последние научные работы Отто Юльевича. 7 сентября 1956 г. его жизнь оборвалась.

В последний путь Отто Юльевича провожала вся страна. Красно-черные траурные флаги на всех полярных станциях и зимовках, гудки кораблей ледового флота нарушали белое безмолвие в день прощания с О. Ю. Шмидтом.

Рассказ об О. Ю. Шмидте хотелось бы закончить словами его близкого друга Н. Ф. Яницкого: «Отто Юльевич Шмидт был человеком исключительной многогранности, и никакая статья, написанная с позиций только математика (или только полярника, или только геофизика), не может дать о нем правильного представления. Интерес его к жизни во всех ее проявлениях, исключительно высокий уровень его культуры, широта и активность творческих интересов, значение творческих вкладов, внесенных им в различные области человеческого знания, — все это заставляет вспомнить таких людей, как М. В. Ломоносов, или крупнейших деятелей эпохи Возрождения. Несомненно, что в будущем, когда время, в которое Отто Юльевич жил и работал, целиком перейдет в ведение истории, писатели художественными средствами нарисуют эту выдающуюся личность во всем ее многообразии и единстве»⁷⁹.

Но для этого нужна не одна книга...

---

⁷⁷ Там же. С. 94.

⁷⁸ Шмидт О. Ю. О происхождении астероидов // Докл. АН СССР. 1954. Т. 96, № 3. С. 449—451.

⁷⁹ Яницкий Н. Ф. Отто Юльевич Шмидт: (Крат. биограф. очерк) // Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. С. 63.

Основные даты жизни и деятельности О. Ю. Шмидта

- 1891** 18 сентября родился в городе Могилеве.
- 1909** окончил гимназию в Киеве.
- 1909—1913** учился в киевском Университете св. Владимира на математическом отделении физико-математического факультета.
- 1916** издал книгу «Абстрактная теория групп».
- 1917—1924** работал в Продовольственной управе Петрограда, в Наркомпроде, в Наркомфине, в Наркопросе, в Госиздате.
- 1923—1956** профессор МГУ.
- 1924—1948** редактор БСЭ.
- 1929—1930** возглавлял экспедицию на ледокольном пароходе «Г. Седов».
- 1930—1932** директор Арктического института.
- 1932—1939** начальник Главсевморпути.
- 1932** возглавлял экспедицию на ледокольном пароходе «Сибиряков».
- 1933** избран членом-корреспондентом АН СССР.
- 1933—1934** возглавлял экспедицию на пароходе «Челюскин».
- 1934** избран академиком АН УССР.
- 1935** избран академиком АН СССР.
- 1937—1949** директор Института теоретической геофизики.
- 1939—1942** вице-президент АН СССР.
- 1943—1956** заведовал отделом Института теоретической геофизики.
- 1951—1956** редактор журнала «Природа».
- 1951—1956** руководитель геофизического отделения МГУ им. М. В. Ломоносова.
- 1956** 7 сентября умер в селе Можжинка, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Список трудов О. Ю. Шмидта

Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1.: Математика. 315 с.; Т. 2: Географические работы. 212 с.; Т. 3: Геофизика и космогония. 209 с.

Работы по экономике и публицистике

- 1923** Математические законы денежной эмиссии // Вестн. Соц. академии. Кн. 3.
- 1924** Пять лет советской книги // Госиздат за 5 лет. М.
- 1929** Задачи марксистов в области естествознания // Науч. слово. № 5; То же // Тр. Второй Всесоюз. конф. марксистско-ленинских научных учреждений. М.: Ком. академия.
- 1930** Роль математики в строительстве социализма // Естествознание и марксизм. № 2/3.
Проблема научных кадров // Вестн. Ком. академии. Кн. 37/38.
План подготовки кадров специалистов // На плановом фронте. № 9/10.
- 1932** Естествознание // БСЭ. Т. 24.
- 1938** О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР: (Докл. на 2-й сес. Верховного Совета СССР) // Внешняя торговля. № 8.
- 1939** Человек передовой науки // Техника — молодежи. № 12.
- 1940** О работе АН СССР в 1939 году // Вестн. АН СССР. № 1/2. Академия наук СССР // Техника — молодежи. № 8/9.
- 1989** Математические методы денежной эмиссии // Экономика и матем. методы. Т. 25, вып. 1.
- 1990** Методологические аспекты науки: (Коммент. А. Н. Боголюбова) // Очерки истории естествознания и техники. Т. 38.

Статьи, опубликованные в газетах

- 1918** Рабочая продовольственная инспекция // Экон. жизнь. № 31. 13 дек.
Кооперативы или советские лавки? // Там же. № 39. 22 дек.
- 1919** К декрету о потребительских коммунах // Экон. жизнь. № 74. 5 апр.
О роли рабочей кооперации // Бюл. Нар. комиссариата по продовольствию. № 18 (38). 27 авг.

- Передача распределения кооперации и контроль над ней // Там же. № 23(43). 29 окт.
- 1920 Роль кооперации в ближайшее время // Экон. жизнь. № 60. 18 марта.
К годовщине декрета о рабоче-крестьянских потребительских обществах // Там же. № 61. 20 марта.
Воссоздание квалифицированной рабочей силы // Там же. № 242. 29 окт.
О реформе высшей школы // Труд. № 42(79). 18 окт.
- 1921 О задачах школы // Труд. № 4(1147). 6 янв.
- 1936 Молодежь мечтает об Арктике: Речь на X съезде ВЛКСМ // Комс. правда. № 98. 27 апр.
- 1937 Зачем мы стремимся на полюс? // Правда. № 139. 22 мая. Ледовая экспедиция на Северный полюс: Итоги и перспективы // Правда. № 172. 24 июня.
Перспективы дрейфа (станции Северный полюс) // Там же. № 351. 8 дек.
Депутаты непобедимого блока // Там же. № 355. 27 дек.
- 1940 Гениальный русский ученый // Правда. № 105. 15 апр.
- 1950 М. В. Ломоносов // Комс. правда. № 86. 15 апр.

Литература о О. Ю. Шмидте

- Аристов Г. А.* За материалистическое мировоззрение в астрономии // Знание. 1952. Сер. II. № 63. С. 6—9.
- Арсеньев А. С.* Некоторые методологические вопросы космогонии // Вопр. философии. 1955. № 3. С. 32—44.
- Артемьев А. В.* Неопубликованные письма О. Ю. Шмидта. Минск: Наука и техника, 1976. 30 с.
- Астрономия в СССР за тридцать лет: 1917—1947.* М.; Л.: Гостехтеоретиздат, 1948. 292 с.
- Бабушкин Е., Бечилис И., Диковский С.* Из ледяного плена. М.: Мол. гвардия, 1934. 192 с.
- Белюсов В. В.* Тектоническое развитие земного шара // Природа. 1952. № 2. С. 49—57.
- Берг Л. С.* Климаты в древнейшие эпохи истории Земли // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. Т. 4. С. 30—36.
- Большевик, ученый, исследователь* // Красная Татария. 1937. 16 нояб.
- Бронтман Л.* На вершине мира. М.: Худ. лит., 1938. 228 с.
- Визе В. Ю.* На Землю Франца-Иосифа. М.; Л.: ЗИФ, 1930. 158 с.
- Визе В. Ю.* Моря Советской Арктики // Очерки по истории исследования. Л.: Главсевморпуть, 1936. 493 с.
- Визе В. Ю.* На «Сибиряков» в Тихий океан. М.; Л.: Главсевморпуть, 1936. 145 с.
- Водопьянов М. В., Григорьев Г. К.* Повесть о ледовом комиссаре. М.: Географгиз, 1959. 199 с.
- Вопросы космогонии.* М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 281 с.
- Ворожцов-Вельяминов Б. А.* Вселенная. М.; Л.: ОГИЗ, 1947. 488 с.
- Воскобойников В.* Зов Арктики: Героическая хроника. М.: Мол. гвардия. 1975. 191 с.
- Гаккель Я. Я.* Наука и освоение Арктики. М.: Мор. транспорт, 1957. 133 с.
- Героическая эпопея.* М.: Правда, 1935. 153 с.
- Горбатов Б.* Начальник экспедиции О. Ю. Шмидт // Правда. 1937. 25 мая.
- Громов Б.* Ледяной вал // Известия. 1934. 9 апр.
- Громов Б.* Поход «Сибирякова». М.: Сов. лит., 1934. 256 с.
- Дуэль И. И.* Каждой гранью! М.: Знание, 1981. 192 с.
- Железняков Л. О. Ю. Шмидт на партийной чистке* // Правда. 1934. 27 июня.
- Зитумовский Д. М.* Среди снегов и скал. М.: Географгиз. 1957. 558 с.
- Зозуля Е.* Шмидт // Лит. газ. 1934. 20 февр.
- Из истории государственной деятельности В. И. Ленина* // Ист. арх. 1961. № 5. С. 24—73.
- Кассиль Л.* Ледовый комиссар // Известия. 1934. № 131.
- Громов Л.* Теорема Шмидта // Наука и жизнь. 1972. № 6. С. 80—86.
- Колянковский Д. П.* Об одной теореме О. Ю. Шмидта // Докл. СССР. 1938. Т. 19, № 5. С. 343—345.
- Корпусов И. А.* Последние часы «Челюскина» // Правда. 1934. 2 июня.
- Кригер Евг.* Советский математик Шмидт // Известия. 1937. № 120.
- Кукаркин Б. В.* Новое в науке о развитии вселенной // Правда. 1951. 11 нояб.
- Кукаркин Б. В.* Передовая космогоническая наука // Наука и жизнь. 1952. № 7. С. 29—32.
- Лактионов А. Ф.* Северная земля. М.; Л.: Главсевморпуть, 1946. 152 с.
- Лактионов А. Ф.* Северный полюс. М.: Мор. транспорт, 1955. 472 с.

- Лебединский А. И.* Новое в учении о происхождении мира // Известия. 1952. 17 февр.
- Левин Б. Ю.* Космогоническая теория акад. О. Ю. Шмидта // Наука и жизнь. 1947. № 12. С. 2—6.
- Левин Б. Ю.* Строение Земли и планет и метеоритная гипотеза их происхождения // Природа. 1949. № 10. С. 3—14.
- Левин Б. Ю.* Отто Юльевич Шмидт — ученый-энциклопедист // Наука и жизнь. 1982. № 3. С. 50—55.
- Люм С.* Имя, ставшее символом // Мол. гвардия. 1934. № 10.
- Матвеева Л. В.* Отто Юльевич Шмидт: Годы жизни на Украине // Очерки истории естествознания и техники. Киев: Наук. думка, 1990. Вып. 38. С. 25—37.
- Матвеева Л. В.* Отто Юльевич Шмидт: Неизвестные страницы жизни // Очерки истории естествознания и техники. Киев: Наук. думка, 1991. Вып. 40. С. 1—7.
- Математика в СССР за 15 лет. М.; Л.: Гостехтеоретиздат, 1932. 239 с.
- Муханов Л.* Большевик Арктики // Комс. правда. 1934. 12 апр.
- Муханов Л.* В страну ледяного молчания. Архангельск: Севкрайгиз, 1934. 198 с.
- Новая теория происхождения планет // Вестн. АН СССР. 1950. № 3. С. 114—115.
- Отто Юльевич Шмидт: Заметки о ледовом комиссаре // Комс. правда. 1934. 18 июня.
- Отто Юльевич Шмидт // Вестн. АН СССР. 1937. № 12. С. 50—52.
- Отто Юльевич Шмидт // 220 лет Академии наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 327.
- Отто Юльевич Шмидт // Успехи матем. наук. 1951. Т. 6, вып. 5(45). С. 197—199.
- Отто Юльевич Шмидт // Изв. АН СССР. Сер. геофиз. 1956. № 6. С. 13.
- Отто Юльевич Шмидт // Там же. № 9. С. 1—VII.
- Отто Юльевич Шмидт: Жизнь и деятельность. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 470 с.
- Отто Шмидт // Техника. 1934. № 54. С. 6—8.
- Памирская экспедиция 1928 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. (Тр. экспедиции; Вып. 1: Общий отчет. 65 с.).
- Памяти Отто Юльевича Шмидта // Природа. 1956. № 10. С. 3—4.
- Памяти О. Ю. Шмидта // Вестн. АН СССР. 1956. № 10. С. 82—83.
- Памяти О. Ю. Шмидта // Тр. Ин-та геол. наук АН УССР. 1958. Сер. геофиз. Вып. 2. С. 318—320.
- Пан Я.* Большевик: (О. Ю. Шмидт) // За индустриализацию. 1934. 6 июня.
- Перель Ю.* Происхождение Земли и планет // Знание — сила. 1952. № 7. С. 3—10.
- Победа большевистской воли // Техника. 1934. № 54. С. 6—9.
- Подвигина Е. П., Виноградов Л. К.* Академик и герой. М.: Политиздат, 1960. 31 с.
- Поход «Челюскина». М.: Правда, 1934. Т. 1. 118 с.
- Профессор Шмидт Отто Юльевич // Вестн. Укр. Акад. наук. 1934. № 2. С. 28—29.
- Сельвинский И.* О Шмидте // За индустриализацию. 1934. № 88.
- Семенов С.* Как Отто Юльевича вывезли из лагеря // Правда. 1934. № 153.
- Семенов С.* Ячейка на льду // За индустриализацию. 1934. 8 июня.
- Советская геофизика к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции // Изв. АН СССР. Сер. геофиз. 1957. № 11. С. 1313—1322.
- Сын советского народа // Правда. 1934. № 154. 6 июня.
- Сытинская Н. Н.* Современная наука о происхождении солнечной системы. М.: АПН, 1956. 95 с.
- Труды первого совещания по вопросам космогонии 16—19 апреля 1951. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 372 с.
- Труды семинара по теории групп: (К 25-летию научной деятельности Героя Советского Союза академика Отто Юльевича Шмидта). М.; Л.: ГОНТИ, 1938. 140 с.

- Урванцев Н. Н.* Ледовый комиссар // Красная Татария. 1937. 16 нояб.
- Ушаков Г. А.* Незабываемые дни // Известия. 1934. 5 июня.
- Хильми Г. Ф.* Новое в науке о происхождении и развитии Земли // География в школе. 1952. № 3. С. 6—13.
- Хроника: Обсуждение в Геофизическом институте АН СССР космогонической теории О. Ю. Шмидта // Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз. 1949. Т. 13, № 6. С. 563—570.*
- «Челюскинцы» о Шмидте // На страже. 1934. 18 июня.*
- Ширинов П., Хмызников И.* На «Челюскине». М.; Л.: Главсевморпуть, 1936. 252 с.
- Шнейдеров Вл.* Поход «Сибирякова». М.: Мол. гвардия, 1933. 208 с.
- Щербаков Д. И., Левин Б. Ю.* Борец за материалистическую науку // Природа. 1957. № 9. С. 40—46.
- Эйгенсон М. С.* Ленинградская конференция по космогонии // Природа. 1947. № 10. С. 90—93.

Содержание

Предисловие	5
Детство. Начало учебы (1891—1909 гг.)	9
В Университете св. Владимира (1909—1917 гг.)	11
Начало государственной деятельности (1917—1918 гг.)	39
Переезд в Москву. Работа в правительственных учреждениях (1918—1922 гг.)	43
На ниве просвещения	62
Перестройка школьного образования	62
Реформа вузовской системы	80
Руководитель Государственного издательства (1921—1924 гг.)	85
Редактор Большой Советской Энциклопедии	91
В Коммунистической академии	94
Географические исследования	114
Памирская экспедиция (1928 г.)	—
Экспедиция на «Г. Седове» (1929 г.)	122
Экспедиция на «Г. Седове» (1930 г.)	127
Поход «Сибирякова» (1932 г.)	133
Экспедиция на «Челоскине» (1933 г.)	140
Экспедиция на «Литке» (1936 г.)	148
Экспедиция на Северный полюс (1936 г.)	152
В Академии наук СССР (1928—1940 гг.)	160
В годы войны	166
Создатель теории происхождения Земли и планет	173
Основные даты жизни и деятельности О. Ю. Шмидта	198
Список трудов О. Ю. Шмидта	199
Литература о О. Ю. Шмидте	201

Матвеева Л. В.
М33 **Отто Юльевич Шмидт: 1891—1956.— М.: Наука, 1993.— 208 с.: ил.— (Научно-биографическая литература).**

ISBN 5-02-002280-2

Книга посвящена жизни, научной, научно-организационной и государственной деятельности выдающегося математика, известного исследователя-географа, руководителя крупных полярных экспедиций, геофизика, астронома, историка науки, крупного государственного и общественного деятеля, Героя Советского Союза, академика Академий наук СССР и УССР. Автор на базе исследования опубликованных трудов О. Ю. Шмидта и его обширного архива представил в книге живой портрет неутомимого ученого и организатора науки и советского книгоиздательства, популяризатора научных знаний и педагога.

Для широкого круга читателей, интересующихся развитием науки.

М 1401020000-002 27-92НП
054(02)-93

Научно-биографическое издание

Матвеева Леся Васильевна

Отто Юльевич Шмидт
(1891-1956)

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Российской академии наук

Редактор издательства Л. И. Приходько
Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректор Е. Л. Сысоева

ИБ № 49040

Сдано в набор 18.11.92
Подписано к печати 19.01.93
Формат 84×108^{1/32}
Гарнитура таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр. отт. 11,34. Уч.-изд. л. 13
Тираж 480 экз. Тип. зак. 453.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»
630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовятся к печати книги:

Дмитриевский А. Н., Володин И. А., Шипов Г. И.
ЭНЕРГОСТРУКТУРА ЗЕМЛИ И ГЕОДИНАМИКА .
18 л.

Монография посвящена разработке нового взгляда на физику Земли и геодинамику с точки зрения последних достижений в области физики вакуума, астрофизики, реологии горных пород, физической химии и т. д. Сформулирована новая парадигма системного подхода, связанная с различными уровнями неустойчивости материи, динамика которых описывается на основе представлений о новом физическом поле — поле инерции. Рассмотрены приложения к геодинамике, геохронологии, прогнозированию зон нефтегазонакопления.

Для геологов, стремящихся понять физическую суть геологических процессов, и физиков, ищущих эффективные приложения абстрактных теорий.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

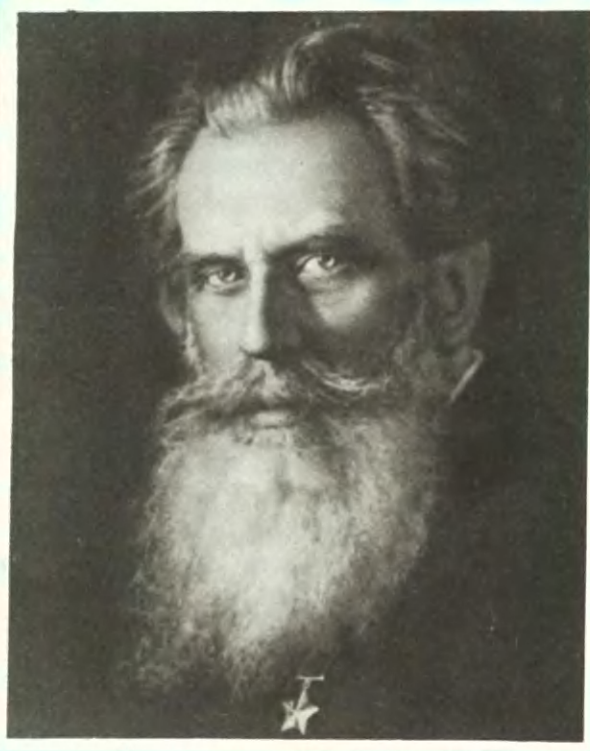
8 л.

Книга содержит статьи, посвященные фундаментальным проблемам планетной и звездной космогонии, происхождению и эволюции планет Солнечной системы. Основные вопросы, затрагиваемые в статьях: образование Солнца и допланетного диска, эволюция допланетного диска и образование планет и малых тел Солнечной системы, эволюция Земли и других планет.

Для геофизиков, а также всех тех, кто интересуется историей происхождения и развития планет Солнечной системы.

Л.В.Матвеева **Отто Юльевич ШМИДТ**

Л.В.Матвеева

**Отто Юльевич
ШМИДТ**

